

июнь/2015

Культура

Алтайского края

№ 2 [18]

Московский

ПАСХАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

ВАЛЕРИЙ ГЕРГИЕВ

19 апреля – 9 мая 2015 год

XIV сезон

МАРШРУТ:

СМОЛЕНСК - ВЛАДИМИР -
МОСКВА - РЫБИНСК - ЯРОСЛАВЛЬ -
НИЖНИЙ НОВГОРОД - ВОТКИНСК -
ИЖЕВСК - ПЕРМЬ - ЕКАТЕРИНБУРГ -
ТЮМЕНЬ - ОМСК - ТОМСК - КЕМЕРОВО -
БАРНАУЛ (23 АПРЕЛЯ 2015 г.) -
АСТАНА - МАГНИТОГОРСК - ОРЕНБУРГ -
ПЕНЗА - САМАРА - КАЗАНЬ - МОСКВА -
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ - МОСКВА -
УЛЬЯНОВСК - ВОЛГОГРАД -
ВОРОНЕЖ - БЕЛГОРОД - КУРСК -
МОСКВА - КЛИН - МОСКВА

12+

VB' 2015

Николай Зайков.
Автопортрет.
Кирилл. 2012.
Бумага,
смешанная техника.
20x20
Фотоиллюстрация
предоставлена ГХМАК

стр. 23

Для Николая Зайкова одним из главных способов изучения своего внутреннего мира является написание автопортрета. Зайков буквально разбирает себя на части в автопортрете «Кирилл». Название этой работы дает понять, что кого бы и что бы ни писал художник, он пропускает изображаемое через себя, через свое внутреннее пространство, а значит, пишет всегда, в первую очередь, себя.

в номере:

1945

ПОБЕДА!
70 ЛЕТ

стр. 48

44

стр.

26

стр.

«КУЛЬТУРА
АЛТАЙСКОГО КРАЯ»

№ 2 (18),
июнь, 2015
(журнал выходит
поквартально)

Учредитель журнала:
Краевое государственное
бюджетное учреждение
«Алтайская краевая
универсальная научная
библиотека имени
В.Я. Шишкова».
Выпускается при поддержке
Администрации Алтайского
края и управления
по культуре и архивному делу

**Адрес редакции
и учредителя:** 656038,
Алтайский край, г. Барнаул,
ул. Молодежная, д. 5
Тел. 36-39-37
E-mail: ak.culture@mail.ru

*редакционный
совет*

Безрукова Е.Е.
(председатель совета)
Вигандт Л.А.
(главный редактор)
Замятина Г.А.
Ковалёв О.А.
Марьин Д.В.
Огнева Е.В.
Уразова В.А.
Царёва Н.С.

Обложка — Иван Быков.

Иван Быков.
Портрет Валерия Гергиева.
Бумага, карандаш

Дизайн, верстка — Четырина Н.П.
Корректор — Сигарева М.В.

Адрес издателя:
ОАО «Алтайский дом печати»,
656049, г. Барнаул,
ул. Б. Олонская, 28,
тел. (3852) 638761, 637971,
e-mail: zakaz@adp.alt.ru

Издание зарегистрировано
в управлении Федеральной
службы по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций по Алтайскому краю

**Свидетельство
о регистрации:**
ПИ №ТУ22 — 00560
От 18 июня 2015 года

Тираж:
2000 экземпляров.
Дата выхода в свет:
25.06.2015

Журнал распространяется
бесплатно

Мнение редакции может
не совпадать с мнением автора.

СОБЫТИЯ. ЛИЦА

4 Олег Ковалёв.
ПАСХАЛЬНЫЙ ПОДАРОК

СЛОВО

6 Михаил Гундарин.
ТОРЖЕСТВО ПРОЗЫ

8 **КНИЖНЫЙ ИНСТИНКТ.** Рецензии
на книги Натальи Тепляковой,
Николая Богормистрова, Александра
Строганова, Ирины Сурниной

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

12 **ПОБЕДА! 70 ЛЕТ**
(Избранные выставки. Авторы статей:
Евгения Школина, Дмитрий Золотарёв,
Елена Морковникова)

18 Михаил Чурилов.
КУЛЬТОВЫЙ ПОДВАЛ

20 Наталья Тригалёва. **АЗБУКА АЗ.АРТА**
23 Евгений Пешков.
ПРОСТРАНСТВА ХУДОЖНИКА

24 Екатерина Кудряшова. **ЖИВОПИСЬ
ЕЛЕНЫ БОБРОВОЙ**

26 Александр Рыжов.
СИБИРЬ МОЛОДАЯ И АЗ.АРТНАЯ

28 **ВЫСТАВКИ. ИЗБРАННОЕ**
(Авторы статей: Любовь Шамина,
Дмитрий Золотарёв)

НАСЛЕДИЕ

30 **ЗАПИСКИ СОЛДАТА** (к печати
подготовила Лариса Вигандт)

34 Евгений Платунов.
ПРЕКРАСНАЯ ШПИОНКА

ТЕАТР

36 Лариса Вигандт. **ЭФФЕКТ
ТАНТАМАРЕСКИ**

37 Сергей Зюзин.
СИЛЬНЫЕ, НО БЕДНЫЕ

39 Ольга Исупова. **ЗА ЧЕМ СТОИМ?**

40 Сергей Зюзин.
СМЕШНО. И ТОЛЬКО

42 Лариса Вигандт.
ПОМИНАЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ

44 Лариса Вигандт.
ЭСКИЗЫ ПО ПУШКИНУ

КИНО

48 Вера Алентова.
БАРНАУЛЬСКАЯ НОВЕЛЛА

МУЗЫКА

50 Галина Пресс. **МАРШ ПОБЕДИТЕЛЕЙ**

ЛИТОТДЕЛ

52 Валерий Котеленец. **СТИХИ**

54 Александр Пешков. **НОЧНЫЕ
ЖУРАВЛИ** (главы из романа)

58 Александра Малыгина. **СТИХИ**

Пасхальный подарок

текст

ОЛЕГ
КОВАЛЁВ

23 апреля 2015 года барнаульские меломаны получили возможность живую услышать игру оркестра знаменитого Мариинского театра оперы и балета — одного из лучших симфонических оркестров современной России.

Концерт оркестра Мариинского театра оперы и балета состоялся в зале краевого театра драмы им. В.М. Шукшина. Все фото Олега Ковалёва

Впервые маршрут Пасхального фестиваля Валерия Гергиева, художественного руководителя Мариинского театра, захватил столицу Алтайского края.

Утром 23 апреля специальный поезд Пасхального фестиваля — с музыкантами, инструментами, руководителем и собственной пресс-службой, — выехавший из Москвы еще 12 апреля, прибыл на железнодорожный вокзал Барнаула.

Надо сказать, что график музыкантов был чрезвычайно насыщен. Еще накануне в течение одного дня они дали два концерта в Кемерово, сегодня выступали в Барнауле, а вечером должны были сесть на поезд и уже на следующий день выступить в столице Казахстана — Астане. Добавим, что программа очередного концерта определялась буквально накануне концерта и не только держалась втайне от слушателей, но и была неизвестна самим музыкантам. Так, на репетиции оркестра в краевом театре драмы (где состоялся и сам концерт)

оркестр под руководством Гергиева «пробовал» Третью симфонию Чайковского, которая в итоге так не была сыграна в Барнауле. Впрочем, что бы ни играл оркестр Гергиева — Чайковского или Прокофьева, Шостаковича или Рахманинова, — это всегда интересно, всегда — можно сказать — непредсказуемо, а потому было не так уж и важно, что сыграют музыканты, ведь публика собиралась ради оркестра, и, значит, любая программа была просто обречена на успех.

На репетиции дирижер большое внимание уделил тому, как звучит оркестр в помещении театра, — как мы понимаем, не предназначенного для исполнения симфонической музыки.

Начав репетицию, Гергиев оставил оркестр на сцене, а сам отправился в зал и, бродя между пустыми рядами, внимательно вслушивался в звучание. Вероятно, именно в тот момент и было принято решение не исполнять симфонию, не играть, впрочем,

Валерий Гергиев на пресс-конференции в Барнауле

произведения крупной формы вообще. И, наверное, отчасти под влиянием общения с детьми из сводного детского хора Алтайского края, было принято решение составить программу из популярных симфонических миниатюр. После выступления хора дети оставались на сцене уже в качестве слушателей, и, следовательно, дирижер должен был стоять все время лицом не только к оркестру, но и к юным музыкантам, что не могло не повлиять на популярный характер программы: в первом отделении звучали «Рассвет на Москве-реке» Модеста Мусоргского, «Прелюдия к Послеполуденному отдыху фавна» Клода Дебюсси и увертюра к опере Джузеппе Верди «Сила судьбы» (оперы, написанной специально для Мариинского театра). Во втором отделении мы услышали «Волшебное озеро» и «Бабу-Ягу» Анатолия Лядова и фрагменты из музыки балета Чайковского «Щелкунчик».

Нынешний год — год 175-летия со дня рождения Петра Ильича Чайковского, и музыка русского композитора часто звучит на концертах Пасхального фестиваля. В Барнауле Чайковский был представлен романсом «Благословляю вас, леса» в переложении для хора и оркестра (в исполнении принимал участие Академический хор Барнаула) и фрагментами из музыки к балету «Щелкунчик». Другой значимый юбилей этого года, 70-летие Победы, был отмечен двумя песнями — «Солнечный круг» Аркадия Островского и «День Победы» Давида Тухманова, исполненными в сопровождении оркестра сводным детским хором.

Конечно же, ни программа, ни сам характер гастролей не позволили музыкантам в полной мере продемонстрировать свои возможности, хотя уровень оркестра ощущался, несмотря ни на что, а чистое и красивое звучание духовых завораживало само по себе. Наиболее удачно и достойно для оркестра Мариинки была сыграна симфоническая миниатюра Анатолия Лядова «Волшебное озеро». Оркестру удалось создать здесь настоящую волшебную сказочную атмосферу.

Для многих из тех, кто заполнил в этот вечер зал театра драмы, встреча с Мариинским оркестром

ВАЛЕРИЙ ГЕРГИЕВ,
художественный руководитель
Мариинского театра:

— Да, мы часто играем с колес, преодолеваем огромные расстояния в десять-двенадцать тысяч километров поездом за восемь-девять дней. Это огромный труд, нужна предельная мобилизованность, физическое состояние, которое часто оставляет желать лучшего. Но мне кажется, такова судьба театра-просветителя. Кроме того, мы считаем себя обязанными давать огромное количество благотворительных концертов.

была настоящим событием, а кто-то, привлеченный именем Гергиева, — несомненно, одного из наиболее известных сегодня в мире музыкантов, — впервые оказался на концерте симфонического оркестра. В любом случае, замечательно, что и наш Барнаул вошел в число городов, охваченных маршрутами знаменитого фестиваля.

Почти сразу после концерта музыканты отправились на вокзал, где их ждал поезд Пасхального фестиваля. Заметим, что в таком сумасшедшем графике есть как всем очевидные минусы, так и свои плюсы. С одной стороны, спонтанность и недостаточная подготовленность к концерту не могут не сказываться на качестве исполнения произведений, с другой стороны, программа формируется, так сказать, на месте, а значит, отражает и особенности города, и настроение дирижера, и даже акустические условия исполнения музыки. И поэтому особенно ясно ощущаешь, что и подготовка программы, и сам концерт — живой процесс с непредсказуемым во многом результатом. При этом уровень оркестра позволяет несмотря ни на что выдавать определенное достаточно высокое качество исполнения. ◀

Коллаж
Александра
Ермоловича

Торжество прозы

текст

МИХАИЛ
ГУНДАРИН

Краевой издательский конкурс этого года принес несколько обнадеживающих открытий и сломал, к счастью, некоторые тенденции, вызывавшие озабоченность жюри несколько лет подряд. Да и просто читать рукописи было интереснее — я говорю, прежде всего, о прозе.

Заслуга или выслуга?

Немного статистики: всего в этом году на конкурс поступило более 60 заявок, свои произведения представили авторы из Барнаула, Бийска, Рубцовска, Белокурихи, Ярового, Алейска, Славгорода, Тогульского, Павловского, Волчихинского, Михайловского, Ключевского, Баевского, Ельцовского, Бийского районов Алтайского края. А еще — из Новосибирска, Кемеровской области и Екатеринбурга. Такой размах — дело, конечно, неплохое, хотя понятно, что у самодеятельных авторов, приславших свои рукописи «самотеком», шансов почти не было. И дело не в пристрастиях жюри (думаю, не только мне хочется найти в этом бурном потоке хотя бы глоток живительной влаги). Дело в том, что тягаться с профессионалами пера начинающим крайне сложно, по крайней мере, на этом конкурсе, где отбираются вещи, могущие быть интересными всей читательской аудитории края.

Были, скажем, в номинации «Краеведение» рукописи интересные, но — районного или отраслевого значения. А значит, для краевого уровня им еще далеко ватно...

Начну с поэзии. В этой номинации, как обычно, заявок от неизвестных авторов было больше всего. Но как им соперничать с победителями, которыми стали много лет, если не десятилетий, известные литераторы Людмила Козлова из Бийска и Валерий Котеленец из Барнаула. На выходе мы получим объемистое «Избранное» каждого из них. В этом нет ничего плохого — лишь бы сам конкурс не превращался в некую очередность, раздачу прав на книжку, так сказать, не за заслугу, а за выслугу лет.

Впрочем, и Козлова, и Котеленец (на мой вкус, далеко не равные по своим творческим возможностям) продолжают писать стихи; первая, как мне кажется, публикуется с новыми вещами чаще. Известны ее горячие поэтические выступления (своего рода фельетоны) на злободневные темы. Но и в конкурсной рукописи Валерия Степановича есть вещи, помеченные последними годами. В конце концов, закрывать дорогу ветеранам стиха тоже неправильно.

Не скажу к тому же, чтобы конкуренция была высока. Жюри отметило Юлию Воловикову (но больше в перспективе номинации «Первая книга») и Фариду Габдрапову (ей попеняли за недостаточно строгий отбор стихотворений на конкурс — Фариду представила две объемистые рукописи, по мнению экспертов, нуждающиеся в редакторском анализе). Пожелание поработать с редактором, кстати, высказывалось и в отношении Людмилы Козловой. Хороший редактор не помешал бы и каждому, да вот беда — их куда меньше, чем талантливых или подающих надежды литераторов.

Выше азбуки

Все сравнительно спокойно — как и обычно — было в номинациях краеведения-публицистики и детской литературы. Книга «Интересное это занятие — жить на земле!» известного педагога и просветителя Адриана Топорова, заранее может быть причислена к классике. Хроники алтайского альпинизма «Выше только небо» журналистки и альпинистки-любителя Валентины Буняевой, также одобренные жюри, вызвали, тем не менее, вопросы к стилю и подходу.

Страстность публициста и участника событий, по мнению жюри, иной раз вступала в противоречие с системностью и объективностью. И все-таки авторская субъективность была признана достойной издания — и это, полагаю, обернется читательским успехом, на который «академические» издания рассчитывать могут не всегда.

Без особых колебаний (но и не без замечаний к победителям) прошло голосование в номинации «Детская литература». Здесь победили Ольга Колпакова и Ирина Цхай. Колпакова, хоть и связана с краем, давно живет за его пределами, издается в престижных детских издательствах, имеет и успех, и своего читателя на федеральном уровне. (Кстати, почти в каждом конкурсе жюри поддерживает заявки от литераторов, живущих вне Алтая, — мне кажется, шаг этот всегда неоднозначен). Что до Колпаковой, то ее хорошо «уравновешивает» Ирина Цхай, малышам-читателям и их родителям известная, но в пределах Барнаула. Ее «Веселая Азбука», выигравшая конкурс, теперь будет известна, как минимум, и в масштабах края. Заслуженно!

Новые надежды

И, наконец, — проза. Тут есть повод порадоваться. Дело в том, что достойных претендентов на победу в прошлом, например, году просто не нашлось, и книг в этой номинации не вышло вообще! Нынче же круг претендентов был если и не широк, то внушительен. Было из чего выбирать!

Остроумная книга прозаика, художника и архитектора Сергея Боженко развернула целую панораму жизни барнаульских художников, графиков, дизайнеров и (в меньшей степени) литераторов. Причем в игровой форме — короткие анекдоты из жизни, выстроенные по алфавиту, исходя из фамилий героев. Про меня там тоже есть, между прочим!

Журналист и недавний член Союза писателей России Сергей Тепляков представил повесть «Бородино», дегероизирующую, по мнению одних членов жюри, легендарное сражение, по мнению других, — дополняющее наше представление о людях и делах той эпохи новыми, не по Льву Толстому, деталями.

Анна Самойлова собрала сборник рассказов, историй, притч вокруг барнаульского мифа — в самых разных его формах и проявлениях, от чистого фэнтези до фантастического краеведения в духе токмаковского романа «Сбор трюфелей накануне конца света».

И представьте себе, все они не вошли в число победителей! Кто же эти и другие, тоже очень интересные конкурсные проекты, одолел в честном бою?

Во-первых, сборник прозы о войне алтайских авторов (заявитель — Алтайская краевая писательская организация, редактор-составитель ее глава, Анатолий Кирилин). На мой взгляд, вещь неоднозначная, вызвавшая споры среди членов жюри. Высказывались претензии и к подбору произведений сборника (и с точки зрения соответствия военной тематике, и с точки зрения собственно литературных достоинств). Звучали и прямые предложения убрать из будущей книги те или иные вещи. Думаю, если бы не авторитет Кирилина и всей писательской организации (к которой принадлежат многие члены жюри), у сборника шансов было бы меньше — даже при очевидной актуальности базовой темы. Остается только надеяться, что редактор прислушается к рекомендациям и сделает состав сборника ровнее.

ПОБЕДИТЕЛИ КРАЕВОГО КОНКУРСА НА ИЗДАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В номинации «ПОЭЗИЯ»

Валерий Котеленец
Людмила Козлова

В номинации «КРАЕВЕДЕНИЕ»

Адриан Топоров «Интересное это занятие — жить на земле»
Валентина Буняева «Выше только небо»

В номинации «ДЕТСКАЯ КНИГА»

Ирина Цхай
Ольга Колпакова

В номинации «ПЕРВАЯ КНИГА»

Дмитрий Мызников «По дороге домой»

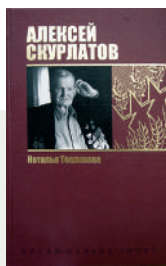
В номинации «ПРОЗА»

Сборник рассказов о войне (редактор-составитель Анатолий Кирилин, заявитель Алтайская писательская организация)
Александр Пешков. Повести: «Привал», «Зеленая юрта».
Роман «Ночные журавли»

Немало претензий высказывалось и в адрес прозы Дмитрия Мызникова, которая в итоге будет издана в номинации «Первая книга» (а это вообще редкость для конкурса — чтобы достойной издания первой книгой признавалась именно прозаическая). Повесть Мызникова «По дороге домой» относится к образцам лирической прозы, иной раз становящейся на грань поэзии (а то и переходящей эту грань). Крепкий сюжет и психологизм такого рода прозу украшают редко, ее конек — искренность автора, глубина и заразительность его авторских переживаний. Все это у Мызникова есть. Но есть и актуальная тема — дневник провинциала в Петербурге, его тоска по покинутой малой родине, попытки (и реальные, и воображаемые) туда, а вернее, сюда, к нам, вернуться. Несмотря на очевидные недоработки, Мызников, как дебютант, несомненно, заслужил право быть изданным — я выступал за это решение, и жюри в итоге склонилось к тому же.

Ну и абсолютный победитель по числу голосов — Александр Пешков, со сборником своей разноплановой, но очень мастеровитой и при этом искренней прозы. Пешков несколько лет назад уже становился победителем конкурса, но тем заметнее стал его творческий рост. Бунинские традиции очень органично сплелись здесь с наследием «деревенщиков», при этом любовь к своей родине и глубокое понимание ее истинных бед и проблем заставляет вспомнить Шукшина. Я бы сказал, что проза Пешкова едва ли не лучшее, что создано в этом жанре на Алтае за последние (и немалые) годы. От более громких похвал пока воздержусь — думаю, Александр, уверенно выходящий на профессиональную стезю, больше нуждается в грамотном и глубоком анализе своих вещей. Дай бог ему такого критика, пусть не у нас, так в тех же столицах, публикации в которых пешковских вещей, думаю, вопрос не долгого времени.

В общем, всех нас, читателей края, можно поздравить с неплохим литературным урожаем, а жюри — еще и с плодотворной работой, которая на этот раз принесла истинное удовлетворение. Ждем издания книг победителей! ■

Книга
из серии

НАТАЛЬЯ ТЕПЛЯКОВА

АЛЕКСЕЙ СКУРЛАТОВ

Барнаул, 2014

Книга об Алексее Ивановиче Скурлатове стала, пожалуй, одной из самых ожидаемых книг ушедшего 2014 года. Иначе и быть не могло: ведь именно она открывает новую книжную серию в рамках второго этапа Губернаторской издательской программы — «Алтай. Судьба. Эпоха». «АСЭ» — наш, алтайский, вариант «ЖЗЛ», а значит, проект амбициозный, который читатели и критики неизбежно будут сравнивать со «старшим братом». И первая книга естественно воспринимается как камертон, задающий тон, стиль всей серии, рассчитанной до 2019 года и по плану включающей книги о Михаиле Калашникове, Германе Титове, Роберте Рождественском, Валерии Золотухине, Георгии Гребенчикове, Иване Пырьеве, Василии Шукшине.

Но проект смел не только своей проекцией на легендарную, основанную еще Максимом Горьким, серию «ЖЗЛ». Начало XXI века отмечено всплеском интереса к биографии и автобиографии. Литературно-художественные биографии, биографии звезд в глянцево-журналах, байопики в кинематографе — все это часть современной массовой культуры. Проблемам написания биографии и автобиографии посвящены научные журналы (пока только западные), диссертации, монографии, научно-практические конференции и круглые столы. Здесь тоже есть свои школы, традиции, опыт. На Алтае не сложилось определенной традиции по созданию биографии, нет достаточного опыта написания подобного рода произведений. Да, Василий Гришаев, Виктор Горн в своих работах выходили за рамки биографических заметок, но, к сожалению, полноценные, законченные биографии великих земляков ими так и не были написаны. Таким образом, серии «Алтай. Судьба. Эпоха» суждено заложить основы алтайской биографической традиции (а, может быть, и школы!). Следовательно, выработать свои уникальные концептуальные и стилистические особенности.

Еще один, отнюдь не маловажный, аспект подготовки и издания серии «АСЭ». С Алтаем связаны судьбы многих известных людей, внесших вклад в развитие отечественной культуры, науки и техники. Как определить, кто из них удостоится чести стать героем биографической книги? Объективен ли список тех персон, имена которых украсят книги серии до 2019 года? В частности, на заседании Совета по издательской деятельности при Губернаторе Алтайского края обсуждались и имена механика Ивана Ползунова, инженера Козьмы Фролова, генерал-майора Нестора Козина, дважды Героя Советского Союза Павла Плотникова, организатора сельхозпроизводства Ильи Шумакова.

Зацепки для ответов на эти непростые вопросы все мы и хотели увидеть в книге Натальи Тепляковой.

Выбор Алексея Ивановича Скурлатова в качестве героя первой книги серии объясним: 2015 год — год 70-летия Великой Победы. Но заданность героя не означает упрощения работы автора книги. Перед Натальей Тепляковой стояла непростая задача. Скажем больше — вовсе не характерная для книги из серии о замечательных людях. Ведь нужно было рассказать

о человеке не «замечательном», который сам по себе ничего выдающегося с точки зрения мировой истории и культуры не сделал. Родился, учился, прошел всю Великую Отечественную войну, пережил тяжелейшее ранение, вернулся с фронта, трудился в совхозе, растил детей. Это судьба сотен тысяч советских людей, ветеранов войны, тружеников тыла! Однако именно Алексей Скурлатов стал символом Русского солдата-освободителя для всего мира. Именно наш земляк дал имя «Алёше», памятнику в болгарском Пловдиве, воспетому в известной, все-народно любимой песне Константина Ваншенкина и Эдуарда Колмановского. Автор книги должен был показать и доказать читателю, что такая роль Скурлатова — не игра случая, не совпадение. Уроженец Алтая Алексей Скурлатов в своем характере, образе жизни, внешности воплотил сущностные, родовые черты русского народа. Эти качества — трудолюбие, скромность, терпение, доброта, отзывчивость, настойчивость, искренность, любовь к людям — помогли выстоять нашему народу в самой страшной войне, освободить свою страну и Европу от фашизма. Отдадим должное автору: Наталья Теплякова смогла донести эту мысль до читателя. Редкие строчки официальных документов, воспоминания родных и односельчан, фрагменты интервью самого Алексея Ивановича помогают воссоздать целостный образ этого человека. Восстановление биографии алтайского Алёши, реконструкция многих белых пятен — также немалая заслуга автора: ведь сам Алексей Иванович не любил говорить о своей жизни. Конечно, вполне уместны главы, посвященные истории памятника советскому воину в Пловдиве, Методию Витанову — болгарскому другу Алексея Скурлатова, современному состоянию монумента.

Журналистский опыт Натальи Тепляковой оказался весьма кстати при написании книги. Поиск информации, общение с очевидцами, встречи с самим Алексеем Ивановичем — все это сформировало костяк работы. Но, к сожалению, именно журналистский подход стал и источником недочетов книги. Некоторые параграфы (см., например, с. 185–194) напоминают наскоро переделанные репортажи из «Алтайской правды». Довольно много повторов (о втором ордене Красной Звезды, о пошиве костюма из гражданской ткани в Болгарии и т.п.). Язык также напоминает о газетных статьях. Автору не хватило языкового чутья. Вот тут-то и нужен был писательский опыт, которого у автора пока не хватает! Писатель вряд ли допустил бы такие стилистические промахи: «К сожалению, девушка не написала свою фамилию, поэтому найти ее оказалось просто нереально» (с. 176); «Первое время для комбайнеров были квоты — призывали не всех. Но война требовала свежей крови, и все чаще мужиков забирали на фронт прямо с полей» (с. 21). Здесь очень уж нетактично о Великой Отечественной войне сказано. Люди шли Родину защищать!; «Будущая супруга Алексея Ивановича — Мария Александровна, тоже была из эвакуированных немцев, их семью выслали на Алтай, в Косихинский район» (с. 77). Так эвакуировали или выслали?. Не уверен, что удачны справочные вкрапления в основном тексте. Выделены они серым фоном, создают стилистический диссонанс с авторским текстом. Да и нужны ли объяснения таких лексем, как «Алексей», «Белокуриха», «теплушка»? Может быть, лучше объяснить их в основном тексте? Стиль повествования в такого рода книге должен быть художественным! Надеюсь, что эти недостатки не станут отличительной чертой всей серии, и авторы последующих книг избегнут их!

В целом, несмотря на высказанные замечания, книга удалась. Начало серии «Алтай. Судьба. Эпоха» положено. В историческом, краеведческом аспектах читатель получил ценный источник сведений об алтайском прообразе болгарского Алёши — Алексея Ивановича Скурлатова.

Нам остается пожелать книголюбам собрать на своей полке всю серию «АСЭ»! Будем ждать выхода новых книг!

Дмитрий МАРЬИН

ИРИНА СУРНИНА

ОКЛИК

Барнаул, 2014

Этим знаком отмечены книги, вышедшие в рамках краевого издательского конкурса.

Название сборника стихотворений Ирины Сурниной — «Оклик» — очень тонко и точно подчеркивает связь с родиной: то ли она, родимая сторона, окликает свою отбывшую в далекое далеко дочь, то ли сама Ирина обращается к родине. А то, глядишь, поочередно они переключаются друг с другом. Удивительно по своей организации и какому-то эпическому настрою стихотворение «Ленточный бор». Здесь вся жизнь героини от детства до дня нынешнего, но как сдержанна поэт в средствах, и как велики достижения при этой сдержанности!

*Я играю на скрипке.
Зимой. Под проломленной крышей...*

Вы готовы поверить в это? В скрипку под проломленной крышей? А не надо! Автор поворачивает ваше сознание таким образом, чтобы пронзительный, одинокий, надломленный скрипичный глас извлек из сумерек памяти, из глубины души яркие краски прошлого, которым не нужны ни очередность, никакой другой порядок. Здесь все накатывает, наплывает, теснит друг друга, здесь рядом «снежная пыль», алтайский ковыль и звенящая от зноя облепиха. И что удивительно — всё на месте! Сила убеждения настоящего поэта как раз в этом и есть — чтобы вы ни на миг не усомнились, что «цветет золотую малиной // ледяная роса»... Всё в прошлом — рано оборвавшиеся жизни, забытые грибные места...

*Только я всё играю.
Стареет на холоде скрипка.
Протираются струны
И волос редееет в смычке.
Но хрустальные кони
Пронесются вечером зыбно
И за озером тают
В счастливом своём далеке.*

Вот и прожила скрипка немалую жизнь вместе со своею хозяйкой, не сфальшивив, не предав. Чистое, горько-сладкое, большое до восторга — всё было, всё слетело с этого волшебного смычка.

Особенность творческого метода Ирины Сурниной — рисовать картину легким штрихом. Мало того, при этом она еще умеет обратить небылое в явь и наоборот.

*Кину хлеба за помин в окошко:
Дедушка, поклюй на холода...*

Автором пропущена птица, но мы уже поняли, что речь о душе, которая во всех эпосах, во всех сказаниях мира оборачивается птицей. А вот и птица — дед-глухарь, но автор уже нас не обманет, нам уже не нужны подсказки, тем более что пугливая птица глухарь никогда не подлетит к человеческому

окну. А при чем тут реальность и птичьи обычаи? Речь совсем о другом, речь о единении душ — давно отлетевшей и обретающейся пока в земных пределах.

Тайна поэтического слова необъяснима. Как необъяснима переключка поэтов, не ведающих друг о друге, живших в разные времена. Земляк Ирины Сурниной поэт Леонид Мерзликин пишет:

*Ещё берёза желтогрива,
Ещё кадушка у крыльца
Стоит с водой для полива.
В воде огрызок огурца.*

Понятно — это осень.
А вот у Сурниной:

*И листья тихие не летни,
Я ж на год-два, не навсегда.
И этих яблок вкус последний,
И в бочке чёрная вода.*

Как похоже и как все-таки у каждого по-своему!

Было бы ошибкой считать весь сборник таким посвящением малой родине, хотя большинство стихотворений так или иначе отсылают читателя в алтайскую глубинку. Природа присутствует почти в каждом стихотворении, и это не какая-то там природа вообще, это Алтай — ни с чем не спутать.

Стихотворные новации Ирины Сурниной не являются чем-то революционно-вымученным, они органично вытекают из обыденной речи, привычных словосочетаний. В этом смысле показательно стихотворение, которое приведено здесь полностью.

*Как тяжело нести вину одной —
Я целый день кручусь, не покладая,
Течёт вода на руки молодая,
И где-то затерялся выходной.
И некому, что толку — ной не ной.*

*Господь, утешь меня, утишь!
Окороти — я буду только рада.
Какая лепестковая прохлада
На вдохе в яблонном цветке и тишь...
Засмотришься — и глупо так стоишь,
Перезабыв, что странно так одета,
Не молода, устала — но об этом
Ты знаешь, Господи,
И яблоней молчишь.*

Недосказанности, за которыми предугадывается очевидное, неожиданные тропы — всё это придает свежесть, неповторимость, обозначая собственную поэтическую лабораторию Ирины.

И еще одно. Есть в книге несколько неожиданный небольшой цикл стихотворений о Китае, скорее — о посещении Китая поэтом. Новый год в Китае, и звонок домой.

— А что ты делаешь в Китае?
— Сама не знаю, занесло.
— А на Алтае снег растаял...

Да, никуда не денешься от родины, не спрячешься ни в Москве, ни в Китае. Разрывать пространства, соединять пространства — привилегия поэта. «Желтый Журавль», пагода его имени, святое и далекое, недосыгаемое для русского человека. Он взлетает к незнакомой высокой тайне — и опускается на ступени храма.

«Желтый журавль»
Молчит и молчит о Китае.
Я дозвонюсь,
И ответит поддатый отец.

И еще неизвестно, где и в чем больше тайны и любви...

Подводя итог этому этюду о новой книге Ирины Сурниной, возьму на себя смелость заявить: поэтически богатый Алтай с выходом этого сборника обретает еще одно заметное лицо в галерее талантливых стихотворцев.

Анатолий КИРИЛИН

ВАЛЕНТИН ЗАЙЦЕВ

ИЗ ОТЕЧЕСТВА ЗЕМНОГО В ОТЕЧЕСТВО НЕБЕСНОЕ

Барнаул, 2015

Книга Валентина Зайцева — особое чтение, для особого читателя. Это образец православной прозы, которая не так часто встречается в литературе Алтая. Здесь чувствуются отголоски традиции, идущей от творчества Ивана Шмелёва, Бориса Зайцева. Сборник имеет подзаголовок: «Непридуманные рассказы». И, действительно, подавляющее число вошедших в книгу произведений, кроме рассказов «Ночной гость» и «Икона», — это очерки и беллетризованные воспоминания о посещении святых мест, встречах с подвижниками, рассуждения автора о православной вере. Как указывает сам автор, книгу он написал с целью подготовки «православных христиан, особенно новоначальных, во Христе Господе к великой службе Ему». История духовных исканий автора, его путь к православию, к Богу, как урок и образец для единоверцев, — вот ключевая идея сборника. Именно в таком, проповедническом, аспекте следует подходить к чтению книги Валентина Зайцева.

Главным достоинством произведений сборника является искренность автора, которая в собственно художественных произведениях оттеняет неприязнительность сюжета, предсказуемость и некоторую схематичность образов, нарочитое присутствие морали-поучения. Пожалуй, самым совершенным рассказом книги является рассказ «Икона». Бывший бакенщик Николай, потерявший когда-то любимую жену, ожесточился на людей, предался одинокому жилью в глуши, в избе на берегу Оби. Лишь отданная ему на хранение знакомыми икона Богородицы вновь умягчает сердце. Но вот пришло время вернуть икону хозяевам. Не хочет Николай этого делать, он буквально сроднился с иконой, непостижимым образом соединившейся в его сознании с памятью о погибшей жене. И главный герой рассказа, и хозяева иконы в итоге переживают нравственное очищение, приобретают духовное родство. Икона остается у Николая, как символ его обращения к православной вере, возвращения к добру, к людям. В очерке «Прости меня за чужое зло», где Зайцев вспоминает свое военное детство, удивительно тепло и душевно показан образ девочки-панночки из семьи эвакуированных в алтайское село поляков. Смерть панночки от голода стала

для автора одним из главных воспоминаний о войне, вообрала в себя всю боль того времени.

Путевые очерки, очерки монастырского жителя во время паломнических поездок автора в Троице-Сергиеву Лавру, Оптину пустынь, по нашему мнению, вызовут большой интерес. Уклад монастырской жизни, живые образы обитателей монастырей обнаруживают не только интерес самого автора, но и его наблюдательность, острый взгляд, точный язык.

В целом, язык произведений хорош — иного трудно ожидать от книги, прошедшей через наметанный взгляд сотрудников университетской газеты «За науку» — редактора Владимира Клименко и корректора Марины Боровиковой. Проскальзывающие лишь в паре случаев стилистические казусы показывают, что тексты были хорошо вычищены. Правда, весьма специфический для человека глубоко воцерковленного стиль речи сохранился и иногда кажется даже измышленным, искусственным. Настораживают частые, так свойственные графоману, упоминания о прежних многочисленных публикациях автора: «Какое значение в моей жизни имели Божьи чудеса, и доселе имеют, благосклонному читателю моему известно из моих многочисленных публикаций в различных изданиях». К сожалению, нет, не известно! Как писатель Валентин Зайцев, несмотря на возраст, почти не знаком местному читателю.

Трудно сказать, вызовет ли эта книга у светского читателя эстетическое удовольствие. Но заставить его задуматься о нормах православной морали, нравственных максимах, формирующих современное общество, произведения Валентина Зайцева вполне способны.

Дмитрий МАРЬИН

НИКОЛАЙ БОГОРМИСТОВ

ТРУБНЫЙ ГЛАС НА УТРЕННЕЙ ЗАРЕ

Барнаул, 2014

Передо мной лежат две книги — Шукшин «А поутру они проснулись», и Богормистов «Трубный глас на утренней заре». Художники поставили одинаковую задачу — показать безумие и абсурд окружающего мира. Когда читаешь Богормистова, видишь растерянного автора, который беседует с тобой о своих комплексах и зловключениях.

Шукшин, напротив, заманивает нас в свой мир. Авторская психология — тайна, на уровне шифрограммы. Ни одного лишнего слова, ни одного лишнего жеста. Несколькими фельетонным подход, но не газетный. Задачу свою Шукшин решает через минималистский, нулевой стиль без украшений. Как Франц Кафка. Интонации и оценки принадлежат только герою, рассказчик бесстрастен. Это почти пьеса, — говорят герои.

Как возникает проза, которую пишет Николай Богормистов? Он обработал истории из своей жизни. Но не следовало излагать их в третьем лице — это все равно, что чертеж звездолета вычерчивать, операцию на сердце делать. Лучше — написать мемуары, в первом лице, единственном числе. Описывать истории из личной жизни

в третьем лице — опасно. Автору они дороги как память, и едва ли он представляет, как эти рассказы выглядят со стороны. Глазами марсианина.

Неопытному читателю все равно. Он посочувствует богормистовскому герою, который не может включиться в политические, социальные игры, наступить на горло собственной песне и совести, читатель примет эту прозу как прозу взрослых, за чистую монету. Всё на месте — факты, разговоры, психология, все гладко, все складно. Так, да не так! Книга познавательная, мысль донесена до читателя — и мир абсурден, и люди безумны. И любительские фотографии интересны, не искажают портретируемого. Герой — узнаваем. Но портрет — оскорбляет вкус.

Есть проза, но она не художественный факт, это просто любительская фотография, не идеально четкая, слегка засвеченная, с небезупречной композицией. Человека на фото узнали, характер его поняли. Но это не искусство.

Константин ГРИШИН

АЛЕКСАНДР СТРОГАНОВ

СУГЛОБ

Дюссельдорф, 2014

Творческий ориентир Александра Строганова, в отличие от многих и многих, определить несложно. Это — «высокий модернизм». Если в прозе, то Беккет, но еще не Пинчон. Ну и в драматургии та же песня. (Приходилось видеть, как Строганов страстно защищает своих героев — Беккета и Ионеско — от «новых варваров». Выглядело мило, особенно если учитывать, что для нашей публики и классики модернизма, натурально, все еще *plus ultra* литературного авангарда).

Скажу честно: я сам на этом вырос. Собственно, в юности я был уверен, что так и надо — читать то, что большинству кажется непонятным и возмутительным, то, что требует чтения как труда, сотворчества читателя и писателя... Но сегодня «Трилогию» Беккета смогу перечитать разве что по приговору суда, а вышеприведенные соображения считаю снобистскими. У меня, как у читателя, есть масса претензий к такого рода конструкциям. Это как хрустальный дворец, жить в котором невыносимо (холодно, скользко и никаких бытовых удобств). Но, конечно, изобретательность и упорство творцов по-прежнему внушают уважение, да что там — завораживают.

Одно слово — «высокий» (изысканный, достигший полного расцвета)! Ориентир этот, как мы видим, принес Строганову заслуженные лавры — в драматургии прежде всего. В прозе признание пока не так очевидно. Впрочем, оно и у Беккета было ровно также. Рецензируемый роман, носящий предсказуемо странное название «Суглоб» (хотя оно ничуть не страннее, чем, например, у предыдущего прозаического опыта «Купание Ягнатъева»), носит все приметы «большого модернистского стиля». То есть — разностилен (с уклоном в ритмическую прозу), велик, напрочь лишен фабульной линейности, активнейшим образом использует «поток сознания», затрагивает темы безумия, смысла бытия и призрачности сего мира. Еще есть двойники и карлики, Гиперборея и проститутки.

Вот фрагмент одной из стиливых доминант: «Как бы то ни было, она заговорила. Наперекор ветрам и хлябям, заговорила. Когда наше обоюдное молчание уже сделалось нестерпимым, заговорила. Первой. Смелая девушка. Возраст. Или воспитание. А что гадать, когда все сошлось? Все вместе, и возраст, и воспитание... и мороз, и солнце... испуг». Или еще, другая доминанта (курсив Строганова):

«Существуют ли в природе пустоты?

Что происходит в коридоре или соседней комнате или кухне в тот момент, когда я, убежден в собственном одиночестве, свернулся под бесконечно желтым одеялом с головой, пытаюсь задремать, точнее, отстать от роя крохотных колючих событий, имитирующих судьбу?

Что происходит между случайно брошенным предсказанием и его всегда неожиданным воплощением?

Чьи молоточки стучат по наковаленкам?

Чьи пальчики запутывают волосы?

Чьи губы сдувают пенку с молока?

Кто целится косточкой в небо?

Кем и каким образом исполняется наша нечаянная воля?

Кто руководит проделками нашей памяти и связанными с этим как бы случайными встречами?»

Верлибр, однако!

Мое любимое место я процитирую сейчас. Прочитав его я понял, почему Строганов так не любит Владимира Сорокина, в начале своей карьеры много и умело пародировавшего «автоматическое письмо» модернистов. Он за своих обижает! И так, с маленькой буквы и курсивом:

«...плюх, плюх, топот, белый, топот, белый топот, шагом, шагом, шолом, шолом, ша-, откуда, дух, под дых, дышать, одышка, передышка, ложь, ложе, юдоль, лечь, видится, видится, лечь, видится, прилечь, лечь, обернуться, оборачиваться, не оборачиваться, обернуться, завернуться, кокон, кокон, окно, еще окно, огни, уже, огни, уже огни, уже много, огни, до, не до... день, да, день, да-с, искра, спички, теплые, теплые, спички, спички, шинель, уж, сапог, сапоги, валяные, валяные сапоги, вата, твердь, вата, ватник, вата, ватник, Ватто, уж, теплушка, вот, живот, опять, ять, вот, живот, живот, куда как, живот, мягкий, мягкий живот, мягкий живот, мягкий, но, слон, прислониться, щена, прислониться, живот, Шива, Шива, нет, Шива, там, Шива, нет, лень, лень уже, лень, бремя, беременная, вот, живот, шествовать, шествие, шествовать, путешественник, живот, путешественник, Вишну, но, новое, все, новое, все, нарыв, вал, вар, ворочать, ворочаться, круглый, округлое, шар, округлое, шар, смола, смола, шар, смоляной, мор, морока, коморка, ложь, лошадь, шаль, тишина, домой, домой, занавески, домой, и шторы, и домой, и сад, там, сладкое, лишь, теплее, теплее, тепло, дыхание, теплое дыхание, вулкан, жерло, вулкан, живое, все, живое, жерло, вулкан, клубок, клубочек, глупость, звери, глупые, глупые, глупые звери, дрема, дремать, дремлют, гул, дремлют, гул, дремлют, звери, дремлют, звери дремлют, клубок, в клубочек, свернулись, в клубочек, нега, лакомство, кресты, кресты, идут, старухи, идут, собачки, идут, старухи, идут, идут, иду, идем, и что же? что же? иду, иду, и что же?»

Я, право слово, вижу немало прелести в этой манере (сам к такому приемчику прибегал), как и в тексте Строганова вообще. Что-то родное чудится мне в этом, по-хорошему архаичное, подлинно корневое и базисное для всей современной культуры. Только не спрашивайте меня, что такое суглоб! Боюсь, что ни одно из 111 значений этого слова, открывшееся мне в ходе чтения, я внятно изложить на бумаге не смогу.

Михаил ГУНДАРИН

/ Государственный художественный музей Алтайского края

РАТНЫЙ ПОДВИГ

В апреле-мае 2015 года в Государственном художественном музее Алтайского края работала выставка «Образ защитника Отечества в русском искусстве», посвященная 70-летию Победы в Великой Отечественной войне

Тема защиты Отечества в русском искусстве имеет глубокие корни. История войн — это всегда история бедствий, потерь. Но это и история героической борьбы за свободу и независимость родной земли.

Ратная служба на Руси почиталась особо. Во все времена на поле брани побеждал тот, кто был сильнее духом. Всегда воинов Русской армии поддерживала православная вера. Один из самых почитаемых на Руси могучих небесных защитников — святой Георгий, Георгий Победоносец.

Константин Маковский. Унтер.
Холст, масло. Все фото предоставлены ГХМАК

На выставке в Художественном музее демонстрировалась икона с образом святого Георгия работы алтайского иконописца Викулы Федоровича Балыкина. Почитание святого Георгия — покровителя русского православного воинства, является общенародным, героический образ овеян песнями, легендами, преданиями. Медальоны, образки, складни с изображением святого Георгия были обязательными спутниками воинов в походах.

26 ноября 1769 года Екатерина II учредила Георгиевский крест — особый орден для награждения генералов, адмиралов и офицеров за совершенные ими военные подвиги. Этим числом отмечался и ежегодный орденский праздник в Зимнем дворце, на который приглашались кавалеры чествуемого ордена. Для таких торжественных приемов императрицей Екатериной в 1777 году были заказаны орденские сервизы с изображениями орденских знаков и лент в мануфактуре Гарднера. В каждый орденский сервиз входило от нескольких сотен до полутора тысяч предметов — разнообразных по функциональному назначению, размерам и формам.

Отдельные предметы из Георгиевского сервиза, сервизов в честь ордена Александра Невского и святого Владимира представлены в экспозиции.

На выставке представлены предметы лаковой миниатюры, выполненные мастерами Палеха и Мстёры — народных промыслов России, развившихся на основе местных иконописных традиций. Шкатулки, панно, декоративные пластины украшают образы былинных богатырей и героев из поэмы «Слово о полку Игореве». Князь Игорь, защитник земли русской, представлен в лубочной картинке художника Виктора Пензина и в эскизе «Прощание Ярославны» живописца Ивана Горюшкина-Сорокопудова, созданном художником в годы обучения в мастерской Ильи Репина.

На выставке представлены гравюры и офорты русских и иностранных мастеров, прославляющие героев разных войн и эпох: адмирала Василия Чичагова, известного своим участием в Шведской войне, князя Григория Потёмкина, прославившегося присоединением Крыма к России, государственного деятеля Александра Беклешова, великого канцлера Михаила Воронцова и других.

Особое место в экспозиции занимают графические и живописные портреты героев Отечественной войны 1812 года: Дмитрия Голицына, светлейшего князя, военного деятеля наполеоновских войн (генерала от кавалерии), участника Бородинского сражения; Евграфа Давыдова, участника войн с Наполеоном 1805—1808 годов, Отечественной войны 1812 года, кавалера русских и иностранных орденов.

На выставке представлены скульптурные изображения Артемия Обера, Евгения Лансере; гипсовый портрет полковника, генералиссимуса Александра Васильевича Суворова — работа скульптора, представителя русского ампира Василия Демут-Малиновского.

Пётр Смуркович.
За боевые заслуги. 1953.
Холст, масло

Герои Первой мировой войны представлены в этюдах Ивана Владимировича, баталиста, участвовавшего в нескольких войнах в качестве художественного корреспондента.

События Великой Отечественной войны в работах художников — участников и очевидцев: Владимира Одинцова, Пётра Смукровича, Юрия Непринцева. Эти работы ценны своей достоверностью и остротой непосредственного восприятия событий войны. Графические портреты сослуживцев написаны фронтовыми художниками — разведчиком Иваном Титковым и журналистом, летчиком Николаем Пильщиковым. Эти наброски, живые, страстные, романтичные, выполнены с большой любовью к героям.

Евгений Лансере.
Казак на лошади.
XIX век. Бронза

Экспозиция знакомит зрителя с работами алтайских художников, участников Великой Отечественной войны: Бориса Астахова, Виктора Зотеева, Глеба Бельшева, Василия Шкиля, Михаила Будкеева. Их произведения написаны спустя десятилетия после окончания войны в память о фронтовом прошлом. Художники послевоенного поколения, наши земляки: Геннадий Борунов, Ильбек Хайруллин, Фёдор Торхов, позже напишут выразительные портреты ветеранов, знакомых и близких людей, прошедших войну.

Выставка прославляет ратный подвиг русского воина.

Евгения ШКОЛИНА

Владимир Одинцов. **На огневой позиции.**
1942. Холст, масло

*/ 100 лет со дня рождения
живописца Василия Нечитайло*

СВОБОДНАЯ МАНЕРА В ЗАКАЗНОМ ФОРМАТЕ

*Границы изобразительного
искусства Алтая постоянно расширяются
за счет включения все новых персоналий.*

*При знакомстве с историей живописи
складывается впечатление, что ни один
талантливый отечественный художник не обошел
вниманием просторы Алтая.*

Василий Кириллович Нечитайло (1915 — 1980) — ведущий живописец московской школы 1950 — 1970 годов, народный художник СССР, член-корреспондент Академии художеств СССР, также оставил свой след в художественной культуре Алтая. Нечитайло — выпускник Московского государственного художественного института им. В.И. Сурикова, в котором начинал учиться еще до Великой Отечественной войны. Его наставниками были лучшие преподаватели того времени: Игорь Грабарь (именно он посоветовал начинающему художнику развивать дар портретиста), Сергей Герасимов и многие другие художники.

Многие художники впервые приехали на Алтай благодаря освоению целины. В 1954 году на алтайских нивах «высаживается» десант из четырех московских живописцев: Василий Басов, Ростислав Слетов, Никита Чебаков и Василий Нечитайло. Художники работали в разных районах края хроникаль-

Василий Нечитайло. Портрет маршала бронетанковых войск, Героя Советского Союза П.А. Ротмистрова. 1965. Холст, масло.

Фото Дмитрия Золотарёва

но: ударными темпами писали этюды природы и портреты трудящихся. В Государственном художественном музее Алтайского края (ГХМАК) и Каменском краеведческом музее хранятся отдельные работы, исполненные в той поездке Василием Басовым и Никитой Чебаковым.

Для Василия Нечитайло целинный вояж стал настоящим творческим испытанием. На основе собранного материала он написал большую картину (142x203) «Первая борозда. Алтай» (1954). Произведение вошло в собрание Государственной Третьяковской галереи. Эта работа стала своеобразной точкой отсчета, «первой бороздой» в развитии темы целины в изобразительном искусстве.

В разных алтайских музеях хранятся как минимум семь авторских произведений Василия Кирилловича Нечитайло, четыре картины находятся в ГХМАК: «Портрет В.В. Почиталова», «Портрет А.Ф. Суханова», «Портрет Н.П. Иванова», небольшой пейзаж «Март в Переславле». Первые два портрета были отобраны непосредственно из мастерской живописца.

Наиболее известна история создания первого портрета. Василий Васильевич Почиталов — известный советский пейзажист старшего поколения. Двух Василиев связывала многолетняя дружба. За годы творческого общения Нечитайло создал три портрета друга. Искусствоведы подметили закономерность: Василий Нечитайло писал близких ему людей, как правило, трижды. Портреты Почиталова, исполненные Василием Нечитайло, разошлись по разным выставочным площадкам. Первый портрет, написанный в 1955 году, оказался в Новосибирском художественном музее. Второму портрету, выполненному в 1962 году, выпала дальняя интересная дорога: он поступил в коллекцию знаменитой Дрезденской галереи. Третье изображение друга (1973–1975), самое известное, воспроизводившееся в советское время,

было приобретено ГХМАК. Известно, что этот портрет ценится в семье Василия Нечитайло — жена художника была категорически против его передачи в барнаульский музей.

О художнике Александре Фирсовиче Суханове, чей портрет Василий Нечитайло выполнил в 1975 году, к сожалению, известно немного. Он писал пейзажи, его картина есть в Новосибирском художественном музее. Изображение Суханова относится к достаточно обширной группе портретов творческих людей. В эту же когорту входит портрет замечательного барнаульского художника Николая Петровича Иванова, который запомнился многим, как яркая, одаренная личность, еще во времена ученичества в МГХИ им. В.И. Сурикова.

Другие живописные произведения Василия Нечитайло находятся в Павловском историко-художественном музее имени Г.Ф. Борунова — «Партизан-буденовец Изот Петрович Фендриков» (1966), в Бийском краеведческом музее — «Портрет маршала бронетанковых войск, Героя Советского Союза Павла Алексеевича Ротмистрова» (1965), в Каменском краеведческом музее — этюд «Вечер в степи» (1975). Работы поступали по распределению, и можно сказать, что алтайские музеи нежданно получили крупный выигрыш в своеобразной художественной лотерее. Портреты Фендрикова и Ротмистрова кисти Василия Нечитайло искусствоведы относят к шедеврам.

Величественный «Портрет маршала бронетанковых войск, Героя Советского Союза П.А. Ротмистрова» (1965; 130x100) принадлежит к ряду достаточно редких в советском искусстве маршалских изображений. Павел Алексеевич Ротмистров (1901–1982) — военный деятель, участник Гражданской войны. Во время Великой Отечественной командовал танковым корпусом, с 1943 года — 5-й гвардейской танковой армией, участвовал в Сталинградской, Курской и других битвах. С 1945-го — командующий бронетанковыми и механизированными войсками в Германии. После войны занимался преподавательской деятельностью в военных учреждениях, а в 1958 году возглавил Военную академию бронетанковых войск.

Первые портреты выдающихся военачальников Великой Отечественной войны выходят из-под пера Павла Дмитриевича Корина: «Портрет Г.К. Жукова» (1945; Государственная Третьяковская галерея); «Портрет маршала бронетанковых войск, дважды Героя Советского Союза П.С. Рыбалко» (1947; Новосибирский художественный музей). Корин дает образцовый героический тип портрета. Не сомневаемся, что Василий Нечитайло знал об этих работах. Однако в сложившуюся схему он вносит свой активный художнический взгляд.

Василий Нечитайло вслед за Павлом Кориным сохраняет неизменной ситуацию открытого позирования. Портрет Ротмистрова писался к двадцатилетию Победы в Великой Отечественной войне, военачальнику на этот момент 64 года. Но на холсте маршалский образ преисполнен героической мощи, он величествен и монументален. Сами за себя говорят детали: плотно сжатые кулаки; усы, напоминающие знаменитые буденовские.

В данной работе Василий Нечитайло проявляет себя как одаренный живописец. Превосходная виртуозная авторская живопись спорит с искусством русских художников начала XX века (Валентин Серов, Николай Фешин). Такой свободы исполнения просто не ожидаешь обнаружить в жестко регламентированном формате заказного советского портрета.

К слову, «Портрет маршала бронетанковых войск, Героя Советского Союза П.А. Ротмистрова» не единственный маршалский портрет в собраниях музеев Алтая. Другой рапорт — «Портрет маршала Советского Союза И.С. Конева» (1949) кисти Бориса Владимировича Преображенского, хранится в Павловском историко-художественном музее.

Дмитрий ЗОЛОТАРЁВ

ЭВАКУИРОВАННОЕ ИСКУССТВО

Во время Великой Отечественной войны на Алтай были эвакуированы многие известные художники, среди них: Сергей Лучишкин, Михаил Черемных, Альфред Эберлинг — всего более сорока профессиональных художников.

Все они по-своему интересны, и, главное, дороги для местной истории искусства. Некоторые из приезжих художников военного времени представлены своими работами в коллекции Государственного художественного музея Алтайского края.

Ожившие тени

Но все же, одно имя в этом ряду стоит особняком. Екатерина Михайловна Зонненштраль (1882–1967).

Екатерина Зонненштраль начинала учебу в Киеве, позже в 1920–1930 годы в Москве посещала частные художественные студии. В искусстве она осталась ни на кого не похожей художницей-графиком. В первой половине 1930 годов Екатерина Зонненштраль начала ставить постановки теневого театра. Во многих странах Востока теневой театр чрезвычайно популярен, восточный театр теней — это пласт народной культуры. Советский же опыт, предложенный Зонненштраль, вышел из профессионального изобразительного искусства и так и остался экзотическим экспериментом.

Одним из оформителей детской книги, выпущенной в 1932 году, была Екатерина Зонненштраль.
Фото russ.ru

В 1937 году был организован Московский теневой театр, где Зонненштраль работала главным художником до середины 1960 годов. Театр был ориентирован на детей. Для них ставили, «оттеняли» известные литературные произведения русских и советских авторов, начали со сказок А.С. Пушкина. В исторической перспективе теневой театр должен был проиграть и уступить ведущую роль мультипликационным фильмам. В свое время Московский театр теней был весьма популярен, что отражено в многочисленных газетных и журнальных публикациях.

В эвакуации Екатерина Зонненштраль повторила путь всех творческих людей: несколько лет жизни в Барнауле, участие в выставках 1942—1943 годов, возвращение домой. Нам пока неизвестно, устраивала ли она теневые представления в Барнауле.

Музей на колесах

Военные действия приводили к эвакуации в Сибирь не только художников, но и музеев. Так, знаменитая Третьяковская галерея в период Великой Отечественной войны была вывезена в Новосибирск, где даже устраивала выставки из фондов. В Барнаул художественные ценности не попали, возможно, по причине отсутствия подходящего помещения.

Тем не менее, с Алтайским краем связана судьба Севастопольского художественного музея.

После первых бомбежек Крыма в июне 1941 года над картинной галереей нависла угроза ее уничтожения. В декабре того же года начался героический путь по эвакуации музея. Вначале нужно было переправиться по Черному и Каспийским морям. Далее предстоял неблизкий путь по железной дороге через Грузию, Азербайджан, Туркмению, Узбекистан, Таджикистан, Киргизию, Казахстан, Сибирь. Пунктом назначения был выбран Томск. В конце 1942 года, год спустя с начала исхода, музей на колесах пересек весь Алтайский край.

Одних только перегрузок с одного транспорта на другой, из вагона в вагон, на протяжении всего пути было сорок три. Были вывезены наиболее ценные собрания: коллекции живописи (более шести сотен картин), графики, скульптуры и прикладного русского и зарубежного искусства — всего 1 340 экспонатов. То, что не смогли увезти — картины крупных размеров и коллекции советской живописи и графики, — оказалось безвозвратно утеряно. Подвиг

по спасению севастьяпольских художественных ценностей совершил директор музея Михаил Павлович Крошицкий.

Много лет спустя Севастопольскому художественному музею было присвоено имя этого человека. Спасенные картины и скульптуры и сейчас являются гордостью музейного собрания. В 2015 году в рамках проекта Государственной Третьяковской галереи «Золотая карта России» в Москве будет представлена выставка из собрания Севастопольского художественного музея им. М.П. Крошицкого.

Дмитрий ЗОЛОТАРЁВ

Выставочный зал
Союза художников России

ГРАНДИОЗНЫЙ МАЙ

Накануне Дня Победы в Барнауле в выставочном зале Союза художников России открылась выставка «Краски мая».

Экспозиция, приуроченная к 70-летию юбилею Великой Победы, изначально не могла быть обычным, рядовым явлением. Она получилась яркой, интересной, разноплановой, ее даже можно назвать грандиозной.

«Краски мая» — 2015 отличают разнообразие техник, стилей, сюжетов, в нынешнем году круг авторов оказался шире, чем в прошлом: 145 мастеров и более 300 произведений живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства.

Людмила Рублёва.
Н.Г. Николаев — ветеран войны. 1966. Гипс тонированный.
Все фото предоставлены выставочным залом

Михаил Будкеев.
Путешественник за красотой. Участник сражений на Курской дуге. 2015

На входе в выставочный зал зрителей встречают работы художников-ветеранов войны. Их имена и фамилии вписаны большими буквами не только на расположенных у входа баннерах, но и в сердцах каждого из нас. К счастью, по-прежнему радуют зрителя своими работами заслуженный художник РФ Глеб Александрович Бельшев — «Гладиолусы», «Маки» (1974), «Дорогие сердцу моему» (2004); народный художник РФ Михаил Яковлевич Будкеев — «Портрет отца, участника двух мировых войн», «Брат Василий, командир орудия. Тихоокеанский флот», «Путешественник за красотой, участник сражений на Курской дуге», «На альпийских лугах»; член Союза художников России Владимир Кириллович Шкиль — «Портрет полковника Георгия Манаровича Масалова», «Портрет Николая Григорьевича Устенко» (2002), «Портрет Владимира Васильевича Стремиллова» (2004). Работы наших ветеранов украшают экспозицию. Рядом с ними, как дань уважения ученика к своему учителю, располагается произведение Валерия Васина «Портрет ветерана войны, заслуженного работника культуры России, скульптора А.В. Иевлева» (2010), а также работа Ирины Щетининой

«70-й день Победы. Портрет художника Г.А. Бельшева, участника войны» (2015), написанная специально к торжественной дате.

Стоит отметить, что выставка «Краски мая» в этом году устроена таким образом, что ее главным участником — художникам, участвовавшим в Великой Отечественной войне, отведено отдельное выставочное пространство в большом зале. Благодаря усилиям организаторов выставки и родственников тех художников, кого уж нет с нами, удалось собрать довольно солидное количество работ и создать, таким образом, выставку в выставку. На ней представлены работы Алексея Югаткина, Майи Ковешниковой, Виктора Зотева, Фёдора Филонова, Петра Кортикова, Михаила Беличенко, Семёна Чернова, Василия Голдырева, Сергея Кашкарова, Андрея Вагина.

Еще одной особенностью выставки является обилие портретов ветеранов Великой Отечественной войны. Они, как обычно, разместились в боковой галерее вдоль всего выставочного пространства. Здесь расположены произведения Геннадия Буркова, Елены Никитиной, Алексея Дрилёва, Сергея Маркина и других авторов. Среди них можно выделить несколько портретов, которые были созданы художниками в 2015 году. Вот некоторые из них: «Ветеран войны Анатолий Петрович Нехлебов» и «Ветеран войны Николай Фёдорович Переверзев» Алексея Дрилёва, «Ветеран войны Николай Павлович Филатов» Натальи Акимовой, «Шарлотта Петровна Андреева, блокадница Ленинграда» Сергея Маркина, «Ветеран войны Мария Ивановна Панкова»,

«Ветеран войны Пётр Николаевич Субботин» Аркадия Казанцева, «Ветеран войны Василий Андреевич Абрамов» Лидии Селезнёвой. Для того чтобы приблизить зрителей к участникам войны, художники специально посетили Алтайский краевой госпиталь для ветеранов, в результате чего и возникли новые произведения.

Великая Отечественная война, как известно, коснулась каждой семьи. Именно поэтому художники в своих картинах нередко изображают родных и близких, прошедших эту страшную войну. Эти работы овеяны особым смыслом для их создателей. Надежда Дударева написала «Портрет отца — участника войны» (2015), Ольга Яурова — «Мои родители. 10 лет после Победы» (2015) и «Мой дед, пропавший без вести» (2015), Иван Быков — «Ветеран войны Виктор Кузьмич Козлов» (2015), «Ветеран войны Клавдия Степановна Залогина» (2015).

«Краски мая» убеждают, что тема Великой Отечественной войны, тем более в юбилейный год, вызывает большой интерес у художников.

Юбилей Великой Победы вдохновил наших мастеров не только на создание портретов ветеранов, но и на жанро-

вые работы, посвященные теме войны. К примеру, Леопольд Цесюлевич создал картину-воспоминание «Мой День Победы. 9 мая 1945 года» (2015), в которой запечатлен момент из детства, где он вместе с матерью стал свидетелем праздничного салюта в своем родном городе Риге по случаю долгожданной Победы. Фигуры матери и сына, расположенные на переднем плане, озарены светлыми вспышками салюта, заметно выделяясь на фоне ночного города.

Жизненной правдой привлекает картина Александра Песоцкого «Возвращение» (2015). Благодаря необычному композиционному решению этого холста зритель будто проникает в сюжет и становится главным действующим героем, к которому обращены лица встречающих людей.

К жанровым работам, созданным к юбилею Победы, относятся и произведения Сергея Дедова «Майский ноктюрн» (2015), Петра Кудинова «9 мая — наш праздник» (2015), а также другие произведения.

Помимо жанровых сцен, на выставке экспонируются и пейзажные работы, натюрморты, воспевающие красоту родной природы и радость жизни без войны. Среди них находятся как уже известные зрителям произведения, так и недавно созданные: «Звонкий день марта. Алтай» (2015) Анатолия Щетинина, «Утро в долине Ак-Кем» (2015) и «Белуха» (2015) Павла Брыткова, «Русские березы» (2015) Тамары Ласковой.

Выставка «Краски мая» знакомит нас с произведениями скульптуры и декоративно-прикладного искусства.

Не может не привлечь внимания серия медалей «Новоросийск — город-герой» (1980, бронза, литье) Михаила Кульгачёва, скульптурные портреты Людмилы Рублёвой, среди которых, кстати, новая работа «И.И. Григорьев — Герой СССР» (2015, шамот), скульптура Евгения Павлова — «Долгий путь» (2014, металл) и «Осколок» (2013, металл), панно Светланы Милантьевой «Салют Победы», деревянная пластика Михаила Авдеева — «Празднуем победу» и «Тёркин на привале».

Одной из особенностей «Красок мая» 2015 года можно назвать экспонирование произведений компьютерной графики: плакаты «Лист календаря» Дмитрия Маркина и «По страницам памяти» Любви Рыжковой.

Выставка отличается еще и тем, что на ней представлены работы совершенно разных мастеров. Одни из них являются членами Союза художников России, другие — нет, но это не мешает последним активно участвовать в художественной жизни региона. Анатолий Бейшемканов, Людмила Астраханцева, Сергей Астраханцев, Иван Масенко и другие авторы также не остались в стороне от замечательного юбилея Победы. Их яркие, интересные и запоминающиеся работы можно увидеть в выставочном зале.

Зритель, пришедший на выставку, не может не заметить необычайно трогательную работу «Прощальная прогулка» (2015), автором которой является Георгий Селянин из села Ребриха — ветеран, прошедший Великую Отечественную войну. Искусство для него является важной и необходимой частью жизни,

Иван Торопов.
Сын полка.
2015. Холст, масло

Аркадий Казанцев.
Портрет ветерана ВОВ
Марии Ивановны Панковой.
2015. Бумага, соус, угольный
карандаш, мел, сангина, сепия

способом самовыражения и лекарством для души. То же самое можно сказать и о Алексее Молчанове, чьи работы также представлены на выставке. Эти люди, вышедшие из войны победителями, вызывают у нас чувство гордости за них, за свою страну.

Важной особенностью выставки является то, что на ней представлены произведения не только именитых и заслуженных мастеров, но и молодых художников: Ивана Торопова, Дмитрия Плохих, Анны Медведевой, Анастасии Резвой, Кристины Железко, Светланы Матяж, Анны Скалзуб, Алёны Наволокиной, Виктории Болотовой, Анны Черевко. Темы молодых художников удачно дополняют идею выставки. Благодаря их интересу к военной тематике прослеживается преемственность поколений. Именно поэтому на выставке «расцвело» дерево памяти — инсталляция на тему «Помним. Любим. Благодарим». От всей души надеемся, что дерево памяти будет расцветать вновь и вновь, озаряя сердца людей своим дивным светом.

Елена МОРКОВНИКОВА

Культовый подвал

текст

МИХАИЛ
ЧУРИЛОВ

Творческая среда Барнаула и Алтайского края в своей истории и современности знает немало студий и галерей. Но тех, которые повлияли на художественную жизнь города, воспитали талантливых художников, не так много.

Широко известны студии, в которых занимались самодеятельные художники, многие из которых впоследствии достигли художественных высот. Прежде всего, это изостудия на основе художественного кружка при ДК «АТЗ» Владислава Владимировича Тихонова в Рубцовске, изостудия ДК «Трансмаш» Алексея Васильевича Ивлева, молодежная художественная студия при барнаульском Доме архитектора Василия Федоровича Рублёва.

Художники, здесь обучавшие, в основном передавали своим ученикам основы реалистического рисунка, основанного на натуральных наблюдениях. Неформальных же студий, галерей, пропагандирующих современные веяния в искусстве и дизайне, в городе вплоть до 1987 года не было. В апреле 1987 года в барнаульском Дворце зрелищ и спорта молодежный центр проводил праздник молодежи. В рамках мероприятия выставили свои работы студенты Новоалтайского художественного училища и присоединившиеся к ним художники-самоучки. Работы художники выставляли те, которые хотели, отбора не было. Выставка имела большой ажиотаж, что привело к появлению следующей выставки и существованию художественного объединения.

Художники выставлялись в различных местах, не всегда подходивших для экспозиций, это были фойе кинотеатров,

ства для трех художников, конечно, было недостаточно; кроме того, Анатолий Сулов использовал муфельную печь, другие различные приспособления, оборудование потребляло огромное количество энергии, выделялись вредные пары, что привело к разладу между художниками и вынудило Никодима Лейбгама искать новое место для мастерской.

В декабре 1996 года он получает в пользование от Алтайской краевой общественной организации клуба инвалидов «Свеча» помещение в подвале дома на Ленина, 65. Лейбгам решает создавать галерею, названную «Тёмной» (название придумать долго не пришлось, так как помещение было подвальным и в нем было темно), по типу новосибирских галерей «Зеленая пирамида» и «Черная вдова», которые он посещал. С этого момента в Барнауле действует первая неофициальная художественная галерея.

На следующий год к Никодиму присоединяется Юрий Эсауленко.

Никодим Лейбгам приехал на Алтай в 1968 году. В 1983 году поступил в заочную народную академию искусств Москвы. С 1987 по 1989 год занимался в группе народного творчества под руководством заслуженного художника России Виктора Зотеева (Виктор Александрович более 20 лет возглавлял клуб самодеятельных художников при Барнаульском государственном педагогическом университете). С 1988 года активно занимается выставочной деятельностью.

Юрий Эсауленко два года обучается рисованию в изостудии Льва Евгеньевича Шмидта, к середине 1990-х активный участник и организатор выставок «Тихой мансарды», под руководством скульптора Александра Викторовича Маркина изучает различные техники живописи, графики и скульптуры.

Оба художника знали друг друга с конца 1980 годов. Вместе выставлялись на культовой выставке «Project BOAT (Лодка)» в 1993 году, в 1994-м на совместной выставке «Третье измерение» (с Александром Карповым), в 1995-м участвовали в краевой выставке молодых художников Алтая «Универсум-арт».

Перед открытием «Тёмной галереи» художники устроили скандал на выставке, названной ими «Электричество», что впоследствии подогрело интерес к новой галерее. В конце марта 1997 года пять художников (Эсауленко, Лейбгам, Чеканов, Булатова, Сулов) выставили свои работы в выставочном зале Союза художников. В экспозиции присутствовали снимки нанесения боди-арта на обнаженных моделей. В это же время работали выставки Александра Песоцкого (художника из Камня-на-Оби) и детская выставка «Славянская мифология». Соседство с детской выставкой фотографий обнаженных девушек возмутило членов СХ, работы сняли.

Эта выставка явилась предтечей знаменитых культовых выставок «Тёмной галереи», так как открытие сопровождал перформанс, визуальный ряд сопровождался музыкальным номером Сергея Большечева и Сергея Бойко, посетителям раздавали меморандум, названный «Евангелие от Леки и Толика».

Если говорить о выставках, именно изменивших культуру подачи художественных произведений, художественный рынок города, отношение к художнику как к творцу, то таких в «Тёмной галерее» было четыре, все они пришлись на 1997–1998 годы.

Никодим Лейбгам. На краю вселенной. 1997. Холст, масло.
(В каталоге «magic realism» (2008) указано другое название и год:
«Мне надоело прикуривать от пальца», 2002)

музеи университетов, рок-концерты, ТЮЗ и т.д. Самодеятельные художники Барнаула нуждались в собственном выставочном зале по многим причинам: нигде было собираться, хотелось большей свободы в экспозиции и чаще показывать работы барнаульской публике.

В январе 1995 года барнаульским художникам Юрию Эсауленко, Никодиму Лейбгаму и керамисту Анатолию Сулову была выделена мастерская в подвале дома по адресу: Димитрова, 85а. До этого мастерскую занимал известный в городе скульптор-анималист Юрий Мингулов. На протяжении полутора лет художники работают бок о бок. Простран-

По степени превращения помещения в новое художественное пространство равных им нет и по сей день.

1) Открытие «Тёмной галереи» художники устроили 14 июля 1997 года, в день рождения Никодима Лейбгама. Первой выставкой галереи стала персональная выставка именинника — «Живопись подсознания». Интерьер к выставке был оформлен в стилистике, приближенной к полотнам Лейбгама, читали стихи, в этот же день был устроен концерт группы «Дядя Го», впоследствии Евгений Чикишев с группой будут постоянными спутниками галереи. Все работы художника продавали. Выставка собрала большое количество творческой интеллигенции.

2) Второй значимой (и второй по счету) выставкой стала первая персональная выставка второго совладельца галереи Юрия Эсауленко «Электричество», которая открылась 3 сентября 1997 года. Это была первая «персоналка» Юрия. Специально к выставке стены были покрашены смешанной с олифой сажей. На ней экспонировались около 30 работ, почти все из них были новыми, некоторые работы своего известного цикла «Асфальтовые поля» Юрий доработал, добавив в них изображения электричества, присутствовали арт-объекты.

Юрий Эсауленко в «Тёмной галерее». 1998.
Фото Александра Волобуева

Графика символизировала собой отход художника от этники, от сюжетно-тематических картин к более абстрактному искусству. Посетителей поражали подписи к картинам: «Время умирать молодым» или «У нас в деревне сегодня хит-парад». Художник иронизирует на тему еще не набившей тогда оскомину рекламы: надпись на одной из работ — «Sony-козел», до сих пор вспоминают те, кто смог побывать на выставке.

3) Значимым событием в городе стало открытие 7 октября 1997 года третьей выставки «Подземка 1987–1997», посвященной десятилетию барнаульского андеграунда. Среди привычных картин и других экспонатов выставились знаменитое пальто Никодима Лейбгама, шнурованные сапоги Вадима Климова. В соседней комнате под музыку аборигенов Австралии происходило сценическое действие (стилист Андрей Покатилов). Присутствовал кальян. Выступали Евгений Чикишев, Петр Каменных, Илья Усатюк. На выставке раздавали буклет мероприятия.

4) Самой известной и необычной выставкой 1998 года явилась июньская экспозиция под названием «Мусорный ветер» (одна из песен группы «Крематорий»). Это была выставка различных арт-объектов, созданная Юрием Эсауленко и Никодимом Лейбгамом, включавшая работы Игоря Агафонова. Для этой выставки специально были перекрашены стены типографской краской в сине-голубые тона. С помощью Вадима Климова из офисов компании АТН перенесли в галерею старый хлам: столы, стулья, старые телевизоры. Оба художника к этому времени уже часто занимались дизайном частных интерьеров и опыт в проектировании помещений у них имелся. Вместе они сумели создать интерьер, который и сейчас

бы выглядел необычно и стильно. Выставка получилась очень цельной, хотя, как заметил в статье Михаил Гундарин, «каждый взятый в отдельности экспонат ничего особенного из себя не представляет». Экспозицию украшали расписанные виниловые пластинки, ставшие визитной карточкой Эсауленко и Лейбгама.

В разное время в галерее представляли свое творчество художники: Николай Коротков, Александр Карпов, Денис Воробьев, Люся Базина и другие, устраивали выставки художников Новосибирска, Рубцовска и других городов. Несмотря на значительный уровень работ многих художников на этих выставках, они не пользовались уже таким спросом у публики, менее заметно проходили о них заметки в СМИ.

Вадим Климов и Никодим Лейбгам в «Тёмной галерее». 1998–1999.
Фото Александра Волобуева

В 1999 году Никодим Лейбгам улетает в Германию. Владельцем галереи становится Юрий Эсауленко. Считая название «Тёмная галерея» принадлежащим обоим художникам, Юрий называет галерею «ВОХ-2». На некоторое время он объединяется с Денисом Воробьевым. Вместе они проводят выставки: «Чудо в перьях», «Вампиро», «Xfiles-правда». Выставки имели закрытый характер — посетители приходили по предварительной договоренности по телефону.

После Юрий полностью погружается в собственное творчество, работает один. Среди известных его работ этого периода иллюстрации к книге Сергея Орехова и Николая Орехова «Барнаул — столица мира», комиксы по мотивам «Секретных материалов» и, конечно, «Азбука Жоржа».

После трагической смерти художника в декабре 2000 года галерея закрывается.

29 декабря 2001 года Никодим Лейбгам и Денис Воробьев открывают на старом месте галерею «Метро». А уже на следующий день состоялся вечер памяти художника Юрия Эсауленко. В «Метро» проходит множество выставок: персональная выставка Дениса Воробьева «Линия» (2002), выставка Николая Зайкова «Грани» (2002) и другие. В таком виде галерея существует пару лет.

7 ноября 2005 года Евгений Чикишев открывает здесь «Underground-кафе», которое вскоре закрывается. После этого помещение снова называют «Тёмной галереей», здесь устраивают концерты, проводят тематические вечера, однако со старой галереей общего уже ничего нет.

«Тёмная галерея» была легендарным местом, местом, где собирался весь барнаульский бомонд того времени, люди, которым была не безразлична культурная жизнь города, которые интересовались самыми передовыми веяниями в искусстве. За короткое время галерея успела показать городу несколько новаторских для местной публики выставок.

Подвал дома на Ленина, 65 стал культовым. ◀

Азбука Аз.Арта

Заметки на полях по поводу VII Межрегиональной молодежной художественной выставки «Аз.Арт.Сибирь — 2015», которая проходила в Барнауле с 26 марта по 30 апреля, сделала искусствовед из Красноярска, главный специалист Регионального отделения «Урал, Сибирь и Дальний Восток» Российской академии художеств Наталья Тригалёва.

а

АЗ, АЗАРТ, АЛТАЙ, АРТ

Аз — Я по-старославянски, последняя буква современного алфавита и первая в кириллице. Без своего «я» нет человека. Художника — тем более.

Азарт — то, что особенно хочется видеть у молодых, но не всегда у них есть.

Алтай — это Алтай, в комментариях не нуждается.

Арт — популярное слово, все чаще используется как заменитель слова «искусство». Только «арт» — облегченный вариант, часто применяется, чтобы назвать что-то, вроде бы похожее на искусство, но при этом назвать искусством как-то язык не поворачивается.

б

БАРНАУЛ

в

ВЕСНА, ВЫСТАВКА

г

ГЛАМУРОЧКИ, ГРАФИКА

Гламурочки — работы разного исполнительского уровня, от полулюбительского, до довольно крепкого, — от которых веет глянцем, попсой и рекламной эстетикой.

Графика — графическую экспозицию не удалось внимательно посмотреть и сфотографировать, но в принципе, там те же градации, что и в живописи, — есть и «гламурочки», и «детский лепет», и «что-то есть».

д

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ
ИСКУССТВО, ДЕРЗОСТЬ,
ДЕТСКИЙ ЛЕПЕТ

Декоративно-прикладное искусство — не было времени рассмотреть и рассортировать, в целом — ничего принципиально

текст

НАТАЛЬЯ
ТРИГАЛЁВА

нового или необычного нет. Разве что улитка с многоэтажным домиком.

Дерзость — качество, которое традиционно считается особенностью молодых, но почти отсутствует на этой выставке.

Детский лепет. Это не означает бездарность. В каждой работе что-то есть: чувство цвета у девочки с «Иваном Бровкиным», наблюдательность к жизни у девочки из Томска с серией про двор, у Артёма Лютцева в работе про большие лужи. Но при этом полная профессиональная беспомощность: какой-то пельмень вместо уха, пирожок вместо глаза, голова бесформенная, в тоне полная путаница и т.п. Учиться еще и учиться, рано выставляться пока.

е

ЕСТЕСТВЕННОСТЬ

Естественность. Как и в природе, так и в искусстве, — самое лучшее возникает спонтанно и естественно. Планировать, стараться и напрягаться вовсе не всегда полезно.

ж

ЖЕНСКИЕ РУКОДЕЛИЯ, ЖИВОПИСЬ

Женские рукоделия. Их не очень много, но есть и в прямом смысле (расписные подносы, некоторые керамические вещицы, вышивка), и в живописи — картинки, подобные тем, которые тысячами роятся в Интернете и выпадают по запросам «схемы для вышивки» или «картинки для декупажа». Особенно популярны в этом разделе девочки-куколки, винтажные дамы, цветочки, птички и маленькие пушистые зверюшки. Вообще-то хотелось бы, чтобы профессиональное искусство оказывало влияние на массовую культуру, а не наоборот.

Живопись. Несмотря ни на какие новые техники и веяния, остается искусством, увлекающим большинство художников.

з

ЗАЙКОВ

Николай Зайков — первый человек, встреченный мною в Барнауле, точнее, встретивший на вокзале, отвезший куда надо, и помогавший все время командировки. Интересный художник, получивший в свое время старт как раз на молодежных выставках, что еще раз подтверждает их полезность.

и

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ, ИСКУССТВО

Индивидуальность — качество, в идеале необходимое всем, фактически — необходимое художнику, имеется у большинства участников выставки. К сожалению, не у всех: см. «клоны», «штампы», «гламурочки», «женские рукоделия» и «ученический реализм». Что касается не просто индивидуальности, но индивидуальности яркой, такой, чтобы раз увидеть и уже никогда не забыть, я не заметила. Разве что Лена Боброва...

Искусство. То, без чего отдельный человек (хотя человек ли это?) может прожить долго и счастливо, но человечество — погибнет.

к

КАРТИНКИ, КЛОНЫ,
КРАСИВОСТЬ, КРАСОТА

Картинки. Чем отличается «картинка» от «картины», объяснять долго, но на уровне инстинкта мы это различие чувствуем. К сожалению, картинок больше, чем картин. И по качеству, и по формальному признаку: мало кто берется за тематическую картину, либо боятся, либо не умеют. Не хочу обидеть пейзаж-натюрморт, но как жанры — они проще, не требуют специальных навыков.

Клоны. Авторы, осознанно или бессознательно воспроизводящие стилистику других художников, или классиков, или своих преподавателей. Идешь по залу, видишь — вдалеке висит «Смагин» — подходишь, — точно, Иркутск. Таких «Смагиных» человек

семь, не меньше. Или — вылитый «Бессонов» — смотришь — да, Новокузнецк. А вот явно смахивает на Омбыша-Кузнецова или Виталия Нестерова, — читаешь этикетки — Новосибирск. Вот висят две стопроцентно узнаваемые работы бурятской художницы Любви Нохоевой, — ан нет, — это ее дочь! Причем в отношении профессионализма исполнения эти работы, как правило, наиболее крепкие. Но — вторичные по сути. У своих учителей нужно учиться, но подражать зачем? Ребята, вам ведь уже не пятнадцать лет, пора бы свой почерк вырабатывать. Тот же Михаил Омбыш-Кузнецов на молодежных выставках 1970-х ни на кого не был похож, его работы сразу запоминались.

Красивость — увы, некоторые не отличают красивость от красоты, а зря. Советую потренировать глаза и ум на шедеврах великих художников. И помнить, что сделать нечто просто красивое — для человека с каким-никаким художественным образованием нетрудно. Это так сказать, исходный минимум. Трудно — когда красота сочетается со смыслом и настоящим чувством.

Красота. Не уверена, что красота спасет мир, но мир без красоты лично мне не нужен. От вас, дорогие участники выставки, тоже зависит, каким будет мир на предмет количества и качества красоты в нем.

Л

ЛУЧШЕ МЕНЬШЕ, ДА ЛУЧШЕ

Лучше меньше, да лучше — принцип, о котором следовало бы вспомнить при отборе работ. Совершенно не обязательно выставлять самостоятельные или ученические вещи только потому, что их прислали.

М

МОЛОДОСТЬ

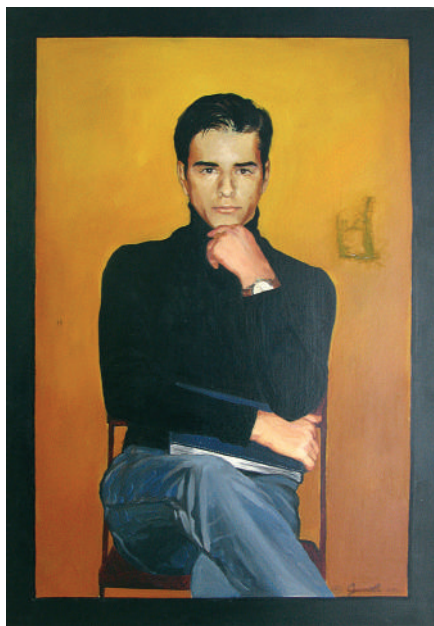
Молодость. Формальный критерий участия в выставке, вовсе не означающий снисходительности к неумелости. Напомню, что по этому признаку можно было бы выставить на «молодежке» «Утро стрелецкой казни» Сурикова, «Синстинскую мадонну» Рафаэля или «Свободу на баррикадах» Делакруа. Короче, есть с кого брать пример.

Н

НЕПЛОХО! НЕФИГУРАТИВНОЕ ИСКУССТВО, НОВИЗНА

Неплохо! — хотелось сказать примерно о половине выставленных работ. По-моему, неплохой показатель.

Нефигуративное искусство. Его на удивление мало на этой выставке, и по большей части, оно неумелое и подражательное. Из того, что понравилось, — работы Алдошиной из Барнаула, только при чем здесь сонеты Шекспира, никаким боком эти цитаты ни внешности, ни настроению не соответствуют. Очевидно, название давалось по принципу «А чтобы все спрашивали!»

Ярослава Хмель
(г. Новокузнецк).
Портрет психолога.
2011

По-настоящему сильный, внутренне глубокий, сложный образ — «Портрет психолога» Ярославы Хмель из Новокузнецка, другие ее же работы на выставке до этого уровня не дотягивают.

п

ПОТУГИ, ПРОФЕССИОНАЛИЗМ

Потуги — это когда пытаешься казаться круче, чем ты есть на самом деле. Например, когда берешься за какую-нибудь глобальную тему, а рисовать на уровне этой темы элементарно не умеешь (как в работах «Аллегория власти» или диптихе с как бы философским названием «Притяжение»).

Профессионализм. Независимо от возраста, должен быть главным критерием отбора на любую выставку. Не нужно играть в демократию, лучше проявить жесткость. Мне лично непонятно и неприятно, когда рядом с профессиональными вещами висят откровенно самостоятельные рисунки парня (не помню его фамилию), в так называемом «стиле славянского фэнтези», или подражание японским мультикам (возможно, на заборе стройплощадки это хорошо, но на серьезной выставке как-то не очень).

р

РЕАЛИЗМ

Реализм. Старый добрый реализм, как профессионально достойный, так и ученический, абсолютно доминируют, поэтому всем, кто озабочен засильем «актуального искусства», советую расслабиться и не переживать. Если большая часть художественной молодежи придерживается реалистических традиций, то на предстоящие 30–50 лет за его судьбу можно не опасаться. Впрочем, и на более далекую перспективу тоже волноваться не стоит, потому что жизнь: а) настолько красива и интересна,

Новизна. Необязательно к месту и не к месту употреблять модное словцо «инновация». И все же от любой выставки, от молодежной тем более, хочется новых впечатлений, хочется увидеть что-то свежее, такое, чего еще не было. Увы, опять не повезло. Есть хорошие работы, есть средние, есть совсем слабые, но все — уже виденное. Специально к новизне призывать не буду, потому что точно знаю: если поставить себе задачу сделать нечто новенькое, такое, что еще никто не делал, — в результате получится пшик. Новизна, как и все хорошее в искусстве, может родиться только естественным путем, а для этого надо самому быть новым — видеть, чувствовать, уметь то, что другие пока не могут. Искренне всего этого молодым художникам желаю, потому что, если не вы — то кто?

о

ОБРАЗ

Образ — то, что отличает произведение изобразительного искусства от просто изображения. В этом отношении хочется отметить Алексея Рютина с его тонким и созерцательным натюрмортом, есть образное начало у Сосниной из Томска, Сергея Лисицы из Омска, у еще целого ряда авторов. Хотя количественно «изображения» над «образами» все же преобладают.

Елена Комарова
(г. Омск).
Март. 2014

б) изменчива и увлекательна, что всегда будут художники, которым захочется ее воспевать, и зрители, которые с удовольствием будут смотреть.

С

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ,
СТОИТ ПРИСМОТРЕТЬСЯ

Самореализация. Кому как, но по мне, в этом и есть смысл жизни. И нечего по этому поводу много философствовать.

Стоит присмотреться. Не буду перечислять всех, но около десятка фамилий буду в предстоящие годы высматривать на региональных выставках. В частности, заинтересовали Иван Ильющенко со своими аэрографиями на фанере и Даша Демкина, у нее работы разностильные, видно, что девушка пока не знает, чего хочет, но потенциал чувствуется. В молодости нормально метаться из одного в другое, хуже, когда в 20 лет выработал манеру и потом всю жизнь ее эксплуатируешь.

т

ТАЛАНТ, ТВОРЧЕСТВО, ТРАДИЦИЯ

Талант. Качество, необходимое во всех творческих профессиях. Правда, талант без труда и умения мало чего стоит. Правда и то, что труд без таланта практически бесполезен.

Творчество. Деятельность, которая отличает настоящего человека от других млекопитающих животных.

Традиция. Очень важная для искусства вещь, если относиться к ней серьезно. Трижды подумайте, что же это такое. Когда при Петре Первом заимствовали из Европы образцы архитектуры, но соединяли это с исконно русской цветовой гаммой — в чистом виде традиция. Просто перечисление атрибутов, будь то шаманские бубны или православные кресты или крестьянские лапти — никакая не традиция, а тупость и штамп. Традиция — не во внешней атрибутике, а в мировоззрении, в особенностях мышления. Не снаружи, но внутри.

у

УЧЕНИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Ученический реализм — особенность по меньшей мере половины всех экспонатов выставки. Есть совсем наивный, на уровне 1–2-го курса художественного училища, есть помастеровитее — работы, довольно неплохие, Сергея Авдеева из Томска. Но и те, и другие излучают робость и отсутствие индивидуальности. К счастью, это излечимо, если работать осмысленно и не торопиться первый же прилично получившийся этюд тащить на выставку. Главное — понять, что творческую работу от учебной отличает наличие чего-то большего, чем просто более или менее грамотное, похожее на натуру, изображение. В идеале — это образ, но настроение или мысль — тоже годится.

Ф

ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ

Философствование — любимое занятие для людей старшего школьного возраста, иногда затягивается подольше. Будьте осторожны — иногда философствование в искусстве приводит к комизму или претенциозности (работы, где маленькая девочка сидит на огромных часах, или где гламурная девушка-куколка «без надежды надеется».)

Х

ХУДОЖНИК

Художник — самая лучшая профессия для тех, кого она выбрала.

ц

ЦВЕТ

Цвет — стихия, в которую попадаешь, оказавшись на выставке. Отрадно, что большинство участников, даже те, кто плохо рисует или примитивно понимает композицию, цвет чувствуют. Традиционно выразительностью цвета отличаются иркутяне, но и ребята с Алтая, из Томска, Омска тоже в этом отношении молодцы.

ч

ЧТО-ТО ЕСТЬ

Что-то есть — можно сказать о не менее, чем половине авторов, неравноценных по профессиональному уровню. У кого-то хорошие цветовые задатки, но неграмотный рисунок. Кто-то интересно мыслит, но руки за мыслью не поспевают. Что здесь скажешь? Опять же — учиться надо. Учитесь, пока молодые, впрочем, и потом — тоже. Современная жизнь так устроена, что даже для того, чтобы держаться на одном уровне, приходится постоянно развиваться. А чтобы идти впереди — тем более.

ш

ШТАМПЫ

Штампы. К сожалению, для многих людей, штампы служат удобной заменой собственного мышления. К сожалению, и для молодых. К сожалению, и художников тоже. Яркий пример: натюрмортик «Русская традиция». Колоски, петушки, прялка, баранки, цветастые платки. С таким же успехом могли быть хлеб, квас, лапти, онучи и прочие этносувениры. Это, что ли, и есть русская традиция?

щ

ЩЕДРОСТЬ

Щедрость. Проявлена организаторами но всем участникам без разбора: решили выставить всех, кто прислал работы. Чисто

по-человечески это приятно, но выставка от этого не выиграла, слишком большой разброс по качеству.

Э

ЭКСПЕРИМЕНТ, ЭКСПОЗИЦИЯ,
ЭТНОАРХАИКА, ЭФФЕКТНОСТЬ

Эксперимент. Экспериментов — и чисто художественных, и исполнительско-технических, каждый раз ждешь от молодежных выставок, и каждый раз недоумеваешь: почему же у художников за сорок дух экспериментаторства живее, чем у поколения их детей и учеников. Вот и здесь то же самое.

Экспозиция. Понятно, что соотношение выставочных площадей и количества работ не в пользу хорошей экспозиции. Помимо того, что всего много, трудно смотреть живопись, если она буквально под потолком и в сильно искаженном ракурсе. Но даже при таком количественном переборе можно было не разлучать часть триптихов, а картинки на стене выровнять по нижнему краю и объединить в блок. Короче, экспозиция мне не понравилась ни в выставочном зале Союза художников, ни в галерее «Кармин», уж простите.

Этноархαιка. Направление, более присущее старшему и среднему поколению сибирских художников, но, как видно, у них есть подрастающая смена. Это хорошо. Только подрастающая смена делает то же самое, но менее умело. А вот это жаль. Чего в этом тренде больше: моды на все этническое, распространившейся сравнительно недавно, или глубокого интереса к национальным культурам, преемственности традиций, стремления опереться на что-то незбылемое в этом подвижном и нестабильном мире, — сказать трудно. Я, во всяком случае, не берусь.

Эффектность. Не такая уж плохая вещь в искусстве, особенно если задачи чисто декоративные. Но лучше не увлекаться. Ладно, если эффектная подача сочетается с осмысленным сюжетом (Илья Потапов «С чистого листа», Мария Лопарева триптих «Моя вина», Иван Ильющенко «Руки»), а если эффектно ни о чем (как бы под Климта женские портретики Апаринной, Тороповой, Яковченко и т.п.)?

Ю

ЮНОСТЬ

Юность. Период жизни многих участников, поколения 1990-х, рожденных в новой стране. Состояние души подлинного художника независимо от его фактического возраста.

Я

Я

Я поделилась своими впечатлениями, не претендуя на бесспорность оценок. Не хотите — не соглашайтесь.

Пространства художника

В Государственном художественном музее Алтайского края с 27 марта по 19 апреля в рамках внеконкурсной программы VII межрегиональной молодежной художественной выставки «Аз. Арт. Сибирь — 2015» состоялась персональная выставка «Пространства художника» многолетнего куратора проекта «Аз. Арт. Сибирь», известного барнаульского художника Николая Зайкова.

текст

ЕВГЕНИЙ
ПЕШКОВ

Николай Зайков получил профессиональное образование художника по классу монументальной живописи, но занимается преимущественно станковой графикой, тем не менее, в его произведениях очень много общего с монументально-декоративным искусством. Призвание художника-монументалиста — орга-

низация пространства, которое для него не абстрактная категория, а вполне конкретная, наполненная содержанием форма существования материи и сознания. Произведения Николая Зайкова отражают взаимодействие автора с пространством, фиксируют его место в нем, различают виды окружающих пространств. Мы видим, что они могут относиться к разным сферам человеческого существования или сознания.

Пространства художника бывают разные: творческое, жизненное, личное и т.д. Выставка Николая Зайкова знакомит зрителя с многомерным пространством, в котором живет и творит художник. Автор подталкивает нас именно к такому восприятию собственного творчества, выбирая особые названия для отдельных работ: «Пространство мастерской», «Пространство для жизни», «Пространства художника».

Николай Зайков работает в жанрах пейзажа, портрета, интерьера, натюрморта, тематической композиции. Одна из любимых техник — рисунок карандашом. Автор использует широкий набор стилистических средств, в основе своей реалистических, но с элементами монументального и декоративного искусства. В каждом отдельном произведении художник прибегает к разнообразным выразительным средствам, и чем больше их выбор, тем более многомерно его творческое пространство.

Николай Зайков часто изображает интерьер своей мастерской. Для выпускника архитектурно-художественной академии очень важна структура пространства, его элементы, отсюда такой интерес автора к урбанистическому пейзажу.

Жизненное пространство, безусловно, отражено в каждом произведении художника, если иметь в виду окружающий его мир, но оно также имеет и более конкретное выражение в работе «Пространство для жизни». Автор изобразил коридоры общежития Новосибирской архитектурно-художественной академии, где он жил несколько лет во время учебы. Предельно конкретный образ, тем не менее, не прочитывается однозначно. Длинный коридор, например, можно воспринимать как метафору жизненного пути, на котором подстерегают неожиданности, необходимость делать выбор у разветвления дорог — у дверей, то ли ведущих в неизвестность и уводящих от цели, то ли открывающих новые возможности. Отдаленная перспектива тоже неясна, но все же светла и оптимистична.

Для Николая Зайкова одним из главных способов изучения своего внутреннего мира является написание автопортрета. Внутреннее пространство — важнейшая тема для художника. Зайков изучает свое состояние, настроение в работе «Художник всегда один», анализирует, буквально разбирает себя на части в автопортрете «Кирилл». Название этой работы дает понять, что, кого бы и что бы ни писал художник, он пропускает изображаемое через себя, свое внутреннее пространство, а значит, пишет всегда в первую очередь себя. ■

Пространство для жизни 1. 2014.
Картон, синт. темпера, акрил,
маркер

ЗАЙКОВ НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ

Родился в 1978 году в городе Камне-на-Оби. Окончил монументальное отделение Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии (1995–2001). Член Союза художников России с 2005 года.

С 1998 по 2015 год принял участие в более 130 выставках в России и за рубежом (Франция, Германия, Италия, Чехия, Словакия, Венгрия, Македония, США, Китай, Монголия). Провел 15 персональных выставок. Лауреат и дипломант более 20 престижных профессиональных выставок и конкурсов в России и за рубежом, в том числе: победитель III и IV Всероссийских конкурсов молодых художников имени П.М. Третьякова (2006, 2007, ГТГ, Москва). Стипендиат Министерства культуры России (2005), дипломант Союза художников России (2011, 2013), дипломант Российской академии художеств (2011), обладатель серебряной медали Союза художников России (2013, 2014).

Живопись Елены Бобровой

В художественной жизни Омска сегодня выделяется ряд молодых авторов, обладающих достаточно выраженной творческой индивидуальностью, собственным почерком, находящихся в разных стадиях поиска композиционных и колористических приемов. Их работы объединяет общий раздумчивый, созерцательный лад, тяготение к последовательному раскрытию найденных сюжетов и преимущественному повествованию «от первого лица». Молодые омичи в своих работах выступают в качестве наблюдателей: жанровые композиции зачастую лишены драматического накала, основательны и неспешны. Особое место принадлежит творческим работам Елены Бобровой, получившим широкое признание. Произведения этого автора вызывают несомненный интерес благодаря исключительной личной тональности, основанной на активном созерцании, размышлениях, впечатлениях.

текст

ЕКАТЕРИНА
КУДРЯШОВА*

Равновесие формы и содержания, узнаваемый творческий почерк, широта и свобода авторского высказывания, техническая и смысловая многослойность — качества, определяющие живописное мастерство художника и позволяющие

*Екатерина Кудряшова (г. Омск) со статьей о живописи Елены Бобровой стала лауреатом искусствovedческого конкурса в рамках Аз.Арт. Сибирь – 2015.

Боброва Елена. Покупатели света. 2014. Холст, масло

воплощать любые темы. В 2014 году состоялся ряд персональных выставок Елены Бобровой, объединивших живописные и графические работы автора разных лет. Значительное количество материала позволило выделить некоторые темы, особенно часто освещаемые художником.

Живописно-пластическое восприятие города в работах разных лет подвижно — от ранних, подробных и тщательно срежиссированных композиций, с некоторым повествовательным началом — к все более обобщенным, локальным и смелым в цветовых отношениях холстам. Цвет достаточно часто выступает главным героем в живописных сценариях, реализуемых тонко и гармонично, связанных с разными

временами дня и даже года. Так, колорит и композиционное решение безошибочно складываются в ощущения бесконечной и бескомпромиссной зимы («А над нами снег», 2009), неподвижного летнего дня («Полдень», 2009), озаренной вспышкой последних теплых дней осени («Сентябрь», 2010), стихийно возникшей весны, утопающей в буйных гроздьях сирени («Прятки», 2012). Лишенный черт конкретной топографии город перестает быть суммой объектов — мостов, улиц, домов, — и становится суммой состояний, настроений, чувств,

**Елена Боброва.
Река. 2014. Холст, масло**

вневременным и надпространственным. Также, с течением времени, персонажей, населяющих условные города художника, становится все меньше, и зачастую, все оставшиеся — это автор.

Общий мотив ожидания связывает работы 2013 года: «Быть грозе», «Ступени» и «До наступления холодов». В каждом полотне замирающее время, остановка мысли становятся практически осязаемыми: ближние и дальние композиционные планы в равной мере проработаны, цветовые акценты щедро рассыпаны по всей плоскости, фигуры героев, показанные, в основном, издали, неспешны в своих движениях. Так замедляют ход облака перед первым раскатом грома, становится необыкновенно солнечно и тихо в последние теплые дни, и так несоизмеримо долго тянутся минуты в ожидании шагов, нарушающих покой опавшей листвы на деревянных ступенях. В тишине особенно отчетливо звучит цвет, интенсивный, набравший силу, подчиняющий себе все пространство.

В работах разных лет Елена Боброва использует большой графический и живописный потенциал мотива светотеневых отношений. Художника интересуют не только естественные и непреложные явления живописи — светотональная игра на плоскостях и объемах, цветовой тон, тепло-холодность как необходимое качество изображаемых предметов и объектов, но и сама драматургия, процесс захвата освещенного пространства, вплетения света в тень и наоборот. Эти баталии или взаимодействия зачастую переходят в философский разряд, повествуя о неординарности жизни человека, извечной борьбе и поиске гармонии. Так, на разделенной предзакатным зимним солнцем хоккейной коробке, свет и тень разыгрывают привычную партию, и у них пока ничья («Ничья», 2013), солнце летнего утра подсвечивает, делает по-настоящему драгоценным и волшебным песок, который набивает в формочку маленький мечтатель («Свето-Тени», 2012). Свет и тень в равной степени способны преобразить все вокруг, изменить привычные очертания, расставить новые акценты пропорций. В интерьере, увиденном зачастую в резком ракурсе, изломы ступеней, перил, сплетение силуэтов, создают декорации для причудливых историй, разграниченных тенями («На краю», 2012). Ракурс в таких работах имеет особое значение: композиционный прием переходит в метафорический, иносказательный.

Тема детства для Елены Бобровой становится одной из ведущих: причем, в таких работах сложно выделить из канвы повествования активный сюжет — произведения строятся на полустертых личных детских воспоминаниях, ощущении иного времени, неспешно текущего, длящегося, на пронзительной памяти прикосновений. Нагретые утренним солнцем доски пола

Елена Боброва.
Ступени. 2013.
Холст, масло

*Все фото
предоставлены
автором*

веранды, узорная занавеска, взметнувшаяся под порывом внезапного ветра, цветущие деревья за окном, ускользающие воспоминания — мир, увиденный глазами ребенка, без оценок, рефлексии, понятия времени и его конечности. Этим же можно объяснить фрагментарность, избирательность композиции и изображенных фигур, находящихся одновременно и внутри полотна, и за его пределами, в пространстве минувшего («Не придет», 2013).

Композиция сцены, размещенной в горизонтальном, вытянутом формате («Ведерко с песком», 2013), фрагментирована так, словно это случайный кадр ослабленного фотографа, или же блуждающий взгляд, не выделяющий ключевой детали — ведерка, которое бережно несет в руках скрытая тенью маленькая фигурка. Сложное цветовое решение работы, сияющий куст, светлая фигура на дальнем плане, как смутное воспоминание, — теряются конкретные черты, образ обобщается. Живописие в одном пространстве и времени две героини (бабушка и внучка), дышат одним воздухом и мир воспринимают схоже. Написанная в 2011 году работа «Ветер перемен» — одна из самых личных, рассказанная вполголоса о впечатлениях детства, сложившихся из отдельных фрагментов, благодаря парадоксальным свойствам человеческой памяти. Акценты на фактуре крашеного деревянного пола, узлах

домотканого ковра, теплых плодах, рефлексах, играющих на боках эмалированного ведра не случайны: ребенок запоминает избирательно, и эта осколочная, зачастую, тактильная память, самая верная и острая.

Значительная часть работ, написанных в 2012 — 2013 годах, посвящена путешествиям. Не являясь путевыми заметками, фиксирующими достопримечательности и местный колорит, полотна «Стамбульской серии» сосредоточены на передаче атмосферы, воздуха, цвета и ароматов, нравов, характеров. Мотив восточного ковра, встречающийся во многих более ранних работах Елены, и в целом близкий художнику, звучит и прямо, в изображении рынка («Покупатели ковров», 2013), и опосредованно — в возросшей декоративности, плоскостности изображаемого пространства, заполненного отдельными мотивами («Рисунки Стамбула», 2013).

Каждое путешествие, совершаемое художником, равно как и возвращение к воспоминаниям, к пережитому и пройденному, оставляет след, меняет мировоззрение, наполняет полотна богатым диапазоном переживаний, воплощенных в световых и цветовых историях и ритмах. ◀

Сибирь молодая и Аз.Артная

Каждый раз Аз.Арт приходит в Барнаул вместе с весной. Ожидается, что и произведения молодых художников будут нести свежесть взгляда, сочную зелень новизны, ветерок перемен. В творческом состязании дебютирует все больше художников, родившихся в 1990 годы

текст

АЛЕКСАНДР
РЫЖОВ

Илья Храбрый (лауреат в номинации «Уникальная графика», г. Новокузнецк). Из серии «Мечты о взлете». 2013. Бумага, соус

Выставка станковой живописи в этом году явила тенденцию к крупному формату работ. Молодые художники предпочитают работать с фигуративной композицией, но в разных изобразительных стилях. Тематика картин, в основном, не выходит за пределы триады: среда — человек — культура.

Многие молодые художники концептуально обрабатывают пейзажную тематику, особенно ее урбанистическое ответвление. Одним интересуют тот компонент, который дом делает жилищем (Сергей Авдеев, г. Томск). Другим живописцам интересны сакральные объекты и застывшая музыка форм

(Ольга Кадикова, г. Омск, Людмила Савина, г. Иркутск).

В зале «с человеческим лицом», к сожалению, нечасто удавалось встретить психологический портрет. Декоративные изображения свидетельствуют об отсутствии собственного художественного видения. Иногда у молодых художников возникает искушение делать картину по готовым рецептам. Прекраснейшая, но безымянная модель Никиты Ключникова (Новокузнецк) напоминает образы Петрова-Водкина и Модильяни.

Тема человека портретами не исчерпывалась. В картине

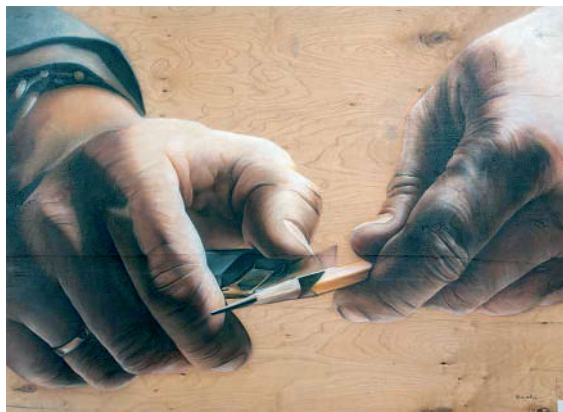

Дарья Игошина (лауреат в номинации «Декоративное искусство», г. Кемерово). *Смотрящий за птицами души*. 2014. Керамика, глазури, стекло, соли

кемеровчанина Дмитрия Перкова («Аллегория власти») лицо скрыто намеренно — в этом смысловая нагрузка работы. В «Молитве» Николая Лемьева (Новосибирск) человеческий силуэт представлен на грани абстракции. И напротив, человеческая анатомия сама по себе интересует Ирину Луцишину (Новокузнецк) и Сергея Назарова (Красноярский край).

Почти не отражена в холстах молодых художников социальная проблематика. Герои нашего времени поданы безыдейно, хотя, нам кажется, что в наши дни немало интересных и колоритных героев.

Ольга Щибря (лауреат в номинации «Печатная графика», г. Красноярск). Из серии «Ода русскому огороду». 2014. Торцовая ксилография

Сюжет «На остановке» смотрелся более убедительно на фотографии, нежели на холсте. Стоит отметить, что сюжетов, предназначенных для фотообъектива, в экспозиции было предостаточно.

Среди молодых авторов, склонных к художественному обобщению, можно выделить Кристину Домбровскую (Барнаул). С ироническим прищуром она изобразила азиатских гостей — работников рыночной торговли и общепита. Своеобразным юмором пронизаны работы дипломанта Дарьи Дёмкиной (Барнаул). Необычный, порой абсурдный нарратив Дёмкиной рассчитан на активное сотворчество.

Обращает на себя внимание рефлексия молодых художников на вечные мифологические и религиозные темы. В этом сегменте отметим триптих омича Святослава Капралова («Воспоминания») и «Большой улов» Анастасии Ижга-найтене из Иркутска.

Отдельного анализа заслуживает триптих «Моя вина» Марии Лопарёвой (Новосибирск). На полотнах изображены Иуда, Агасфер и Эдип, зритель наблюдает, как через внутренние терзания, раскаяние в содеянном они приходят к святости. Наделив нимбами таких персонажей — шаг, без сомнений, спорный, но и смелый. Вообще, мода из Новосибирска выглядела на Аз.Арте смелее своих ровесников из других регионов. Такие художники, как Вячеслав Чимитов, Каролина Слободяник, Дарья Лапушкина, Анна Голикова, Ксения Сенченко, Валентина Ферманчук, Юлия Бузина добавили выставке разнообразия.

А вот молхуды Алтайского края (Барнаул, Бийск, Новоалтайск) в основном используют язык реалистической традиции и не выходят за рамки портрета, пейзажа и натюрморта. На этом фоне работы Ивана Ильющенко (лауреата станковой живописи) выглядят и современно, и стильно — гиперреалистическая аэрография, концептуально заточенная на тему творчества («Руки»).

Произведения секции скульптуры на новой выставке не вызвали резонанса. Молодые скульпторы из Омска Мейрат Баймуханов и Михаил Минин работают в реалистической традиции. В целом ваятели Аз.Арта отдают предпочтение антропоцентричным образам с декоративным уклоном.

Онастоящем состязании можно говорить в конкурсе декоративного

Дарья Дёмкина (диплом II степени в номинации «Станковая живопись», г. Барнаул). Что расскажет зеленая рыба? 2015. Холст, масло

Анастасия Петренко (лауреат в номинации «Графический дизайн», г. Барнаул). Художественно-конструктивное оформление подарочного издания Н. В. Гоголя «Петербургские повести». Рисунок из серии. 2015

искусства. Мастера-прикладники представили качественную скульптуру, керамику, поделки из бересты, изделия ручного ткачества — все то, что является главной начинкой ярмарок ремесел.

Выставка графики проходила в частной галерее «Кармин». Экспозиция пестрила цветом. Современные художники все реже обращаются к черно-белому стандарту. Еще одна отличительная черта: молодые авторы отдают предпочтение неформальной манере общения со зрителем (в рисунках встречается гротеск, инфантильные сюжеты).

Рисунок лауреата Ильи Храброго (Новокузнецк) отличает крупный штрих, монументальная цельность композиции — в общем, серьезный подход к делу.

Художники Республики Алтай представили произведения, во многом зависимые от традиционного канона. Вычислить произведение

Мейрам Баймуханов (лауреат в номинации «Скульптура», г. Омск). Домбристка. 2014. Бронза, литые

художника-алтайца можно без помощи этикетажки.

Традиционно в экспозицию Аз.Арта входит блок литературной графики. Илья Ключников (Новокузнецк) верен мифологическим сюжетам, Елена Кутняя (Новосибирск) обратилась к Гоголю, Марат Форнель (Барнаул) — к Стругацким (кстати, без братьев-фантастов не проходит ни одного Аз.Арта), Полина Горбунова (Барнаул) в триптихе «Сольвейг» отдает дань Ибсену.

Графика в рамках Аз.Арта — 2015 дает повод говорить о художественном влиянии Николая Зайкова на молодых художников. Барнаульские дипломанты Дарья Островская и Юрий Гребенщиков (и станковист Ильющенко) выдают стильный, профессиональный рисунок, и при этом не выходят за рамки действительности.

Графики из Красноярска вновь подтвердили свое преимущество в печатной технике. Ольга Щибря в триптихе «Ода огороду» осталась верна своему стилю, и в этот раз шагнула на самую верхнюю ступень пьедестала.

Подведем итоги, Аз.Арт — 2015 обновил лауреатов во всех конкурсных номинациях. Тем не менее, победители и дипломанты прошлых лет — Елена Боброва (Омск), Екатерина Чепис (Новокузнецк), Виталий Николаев (Новосибирск), Иван Быков (Барнаул) — не покидают пределы шорт-листа.

На девяти площадках была развернута внеконкурсная программа — в основном персональные проекты молодых художников Барнаула. Примечательным вышел проект «Азартная юность», в котором приняли участие преподаватели и ученики Барнаульской ДШИ № 1. Таким образом, Аз.Арт принял под свое крыло тех, кто только начал делать первые шаги в искусстве.

Секция искусствоведения, по сравнению с прошлым годом Аз.Артом, существенно улучшила показатели. Большую часть дипломов собрали студенты и выпускники Алтайского государственного университета.

Впервые под эгидой Аз.Арта прошла научная конференция, в которой приняли участие сибирские искусствоведы, культурологи, сотрудники музеев и специальные гости. Все доклады, прозвучавшие на конференции, выйдут отдельным сборником. ◀

/ *Галерея «Кармин»*

ДА, Я НЕДАРОМ В ЭТОМ МИРЕ ЖИЛ...

*Картинная галерея «Кармин»
отметила свое первое десятилетие
выставкой, посвященной памяти Сергея
Хачатуряна, промышленника,
предпринимателя, коллекционера*

Впервые собрание картин Сергея Грантовича Хачатуряна (1955–2012) было представлено в 2005 году, экспозиция получила название «Пейзаж — национальный жанр искусства России». За десять лет коллекция увеличилась с трехсот произведений до тысячи. Реконструкция здания высвободила дополнительные экспозиционные площади, что позволило усложнить и разнообразить выставочную деятельность. В настоящее время в «Кармине» действуют музыкальная гостиная и конференц-зал. Обширная разнообразная деятельность галереи осуществляется под руководством Галины Грантовны Хачатурян. Галерея ведет научно-исследовательскую деятельность, проводит мастер-классы. «Кармин» стала одной из самых значимых выставочных площадок Барнаула и Алтайского края. В течение года залы галереи посещают около восьмидесяти тысяч человек.

Именно об этом мечтал Сергей Грантович, создавая свою галерею, — в этом году 27 мая ему исполнилось бы 60 лет.

**Михаил Буднеев.
Залавон. Стоянка
Бочкарёва. 1975.**
Из собрания
галереи «Кармин»

В юбилейную экспозицию «Да, я недаром в этом мире жил...» вошли 143 работы 76 художников. Основу экспозиции составили картины в жанре пейзажа и натюрморта. Коллекционер выделял эти направления в алтайском искусстве, так как они развивались наиболее последовательно и качественно. Произведения, представленные на выставке, датируются 1940–2000 годами.

Особую ценность в коллекции Хачатуряна представляют произведения живописцев старшего поколения —

народных художников России: Михаила Буднеева, Геннадия Борунова, Фёдора Торхова, Владимира Добровольского; заслуженных художников России: Фёдора Филонова, Виктора Зотеева, Семёна Чернова. Пережившие войну и тяжелые послевоенные годы, они стремились запечатлеть на своих холстах красоту окружающего мира. Коллекция также содержит работы ведущих художников Республики Алтай Владимира Чукуева и Игната Ортонолува.

На выставке были представлены произведения одной из самых любимых алтайских художниц Майи Ковешниковой, в ее работах: «Одеяло бабы Дуси», «Марьины коренья», «Дворик», в полной мере проявляется колористическое дарование художницы.

Коллекция Хачатуряна располагает работами ведущих художников Алтая наших дней: Андрея Арестова, Валерия Октября, Юрия Иванова (1950–2014), Александра Шишкина, Александра Емельянова, Ирины Леденёвой, Александра Варова, Николая Клековина.

Работы молодых алтайских художников коллекционер вводил в собрание осторожно, так как лучшая оценка качества произведений — время. На юбилейной выставке молодых художников немного, но все же вполне достойно представлено творчество Евгения Кузнецова, продолжающего традиции эпического направления отечественной пейзажной школы живописи. О творчестве Павла Брыткова можно судить по натюрморту: это мир роскошных цветов, фруктов, предметов старины, где тщательно выписана форма, фактура, мерцание напитков, шелк драпировок. Совсем недавно в коллекцию поступили работы Екатерины Дёмкиной и Натальи Черепановой.

Раздел графики демонстрирует акварели Алексея Югаткина, Фёдора Филонова, Глеба Бельшева, Василия Рублёва и Евгения Скурихина.

Есть на выставке работы, которые можно приравнять к открытиям — это картины Михаила Николаева, первого художника краевого театра драмы, Павла Назарова, отработавшего много лет в портретном цехе художественного фонда.

Истоки отечественной школы живописи представляют уникальные работы художников начала XX века Николая Пимоненко и Владимира Вучичевича-Сибирского.

Юбилейная экспозиция продемонстрировала высокий профессиональный уровень собрания Сергея Хачатуряна.

Любовь ШАМИНА

/ *Галерея «Турина гора»*

ОКНО ДЛЯ МАРГАРИТЫ

*Галерея «Турина гора»
в мае устроила выставку под названием
«Всем Маргаритам посвящается»*

Очень, очень своеобразно о Годе литературы вспоминали в галерее «Турина гора» в майскую Музейную ночь. Устроители коллективной выставки спрятались за весьма корректным названием, но зрителя, как говорится, не проведешь!

Ольга Яурова.
Кисть рябины.
1996.
Фото Дмитрия
Золотарёва

Авторами коллективной выставки стали девять барнаульских художниц: Юлия Белихова, Вера Бочковская, Елена Вахненко, Дарья Дёмкина, Юлия Кикоть, Ольга Мирончук, Ирина Леденёва, Яна Цимбалюк, Ольга Яурова. Зачинщицей и куратором проекта выступила искусствовед галереи «Турина гора» Екатерина Москвитина (ее театрализованный портрет кисти Ольги Яуровой также вошел в экспозицию выставки).

Вернисаж составили живописные и инсталляционные работы. Картины писались не под проект, а были отобраны из залежей мастерских куратором. Замысел не ограничивался культовым романом Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», а предполагал самое широкое прочтение темы. Живописная часть выставки не является иллюстрацией к литературному произведению, но вполне концептуально самодостаточна. Есть нечто общее, что объединяет все произведения. Единый романтический контекст создает прочтение женского образа как рокового, мечтательного, эротически привлекательного, необузданного. Героиня находится в приподнятом состоянии духа, возвышается над прозаическими обстоятельствами жизни. Не удивительно, что ведущим жанром выставки явился портрет и автопортрет, а роль Маргариты примерили на себя сами наши художницы.

Так какие же они, барнаульские Маргариты?

Вот, например, старинная картина Ольги Яуровой «Кисть рябины» (1996) с изображением таинственной незнакомки. Приведу описание этой картины в автоцитате 1999 года: «Ее реальность — лучше, женственнее, красочнее. Образный мир художницы стремится к идеалу, полному цветосветового оптимизма. Но по своей сути этот мир далек от рая. Как экспрессивны пивачные линии, организующие картинное пространство! Они не объединяют цветовые пятна и плоскости холста, но контрастно их выделяют, тем самым обозначая внутри гармонии зреющий конфликт.

Ольга Яурова предпочитает (за редким исключением) обращаться к женским моделям. В их прочтении художница выработала два определенных типа портрета. Одни портреты — хорошо знакомых и глубоко симпатичных людей — стремятся к раскрытию подлинной духовной красоты. Другие, казалось бы, тоже стремящиеся к подобной цели, не так однозначны. Изображения, как правило, близки заказному стилю, ориентированному на классическое, репрезентативное исполнение. То есть дистанцированы от личных привязанностей художницы. В таких портретах образ «лепится» из известных столетиями формул, дополненных личным эмоциональным переживанием художницы. Здесь обязательно присутствует психологический оттенок внутренней раздражительности, что приводит к интересному, экспрессивному, одновременно злому и любящему авторскому взгляду. Наши современницы обретают дополнительный (иногда зловещий) образ. Так, в портрете «Кисть рябины» модель — это некая новая Ева. У нее в руках приготовлено яблочко ядовитого цвета, а ноги в чулках-паутинках утверждают в успешности задуманного мероприятия.

Среди других вернисажных полотен отметим загадочное произведение Дарьи Дёмкиной «Она». Кто же это она? Предположения могут быть самыми разными. Возможно, что на картине изображена героиня «Страшных сказок» — актриса Ева Грин.

Несколько любопытных картин на выставке принадлежат кисти художницы Юлии Кикоть. В ее фантазийной «Герцогине» без особенного труда узнается сама художница. Моделью для портрета «СтаниСлава — хозяйка горной силы», написанного в стилистике фэнтези, послужила новосибирская художница. Оба произведения Юлии Кикоть заметно отличаются от ее привычной, взрывной цветовой манеры неярким приглушенным колоритом.

Некоторые авторы (Вера Бочковская, Елена Вахненко, Юлия Кикоть) предоставили работы в стиле ню. Вернисаж открыл одно новое имя — Яна Цимбалюк; дебютантку ранее мы не замечали на городских выставках.

Другую часть выставки, посвященную как раз роману Михаилу Булгакову, составляют инсталляции. За основу экспозиции были взяты стационарные ниши — окна, в которых обычно располагается авторская керамика. В этих окнах и разместились сюжеты из предметной смеси. Особенно постаралась в практике «вещизма» Юлия Кикоть: «Портфель», «Зелье» и другие. Оказались к месту и куклы Мастера и Маргариты, выполненные Еленой Вахненко.

Не обошлось без сенсации: чрезвычайно успешно дебютировал жанр мини-инсталляции. Если зрителю этого мало, то к его услугам — несколько метел Маргариты в авторском дизайне.

Существование живописной и инсталляционной частей выставки, смысловый параллелизм, который сходится не в отдаленной перспективе, а здесь и сейчас, на глазах зрителя, делают вернисаж барнаульских Маргарит запоминающимся проектом, самым ярким за всю историю выставочной деятельности галереи «Турина гора». И хотя перед участницами не ставилась суперзадача, но они, без труда создав единое гармоничное выставочное пространство, буквально мимоходом, пролетая, заявили о рождении нового художественного объединения.

Дмитрий ЗОЛОТАРЁВ

В краевом архиве Алтайского края хранится папка, на титульном листе которой написано: «Из фашистских лагерей к партизанам Франции. Записки рядового 5-й гвардейской дивизии». Автор записок Алексей Кривошеин. Его судьба хорошо известна алтайским краеведам, в местной прессе неоднократно появлялись статьи о нем. Однако воспоминания старого солдата, поступившие в архив пятьдесят лет назад, до сих пор нигде не публиковались. Наш журнал дает некоторые отрывки из записей Алексея Федоровича.

Записки солдата

**АЛЕКСЕЙ
ФЕДОРОВИЧ
КРИВОШЕИН**

родился 30 марта 1913 года в селе Тундриха Залесовского района Алтайского края. Попал в плен в 1941 году под Калугой. Прошел 13 концлагерей — в России, Польше, Австрии, Германии, Франции. Во Франции совершил успешный побег. Сражался в рядах французского Сопротивления, в отряде Маки де Ванту. Награжден двумя французскими медалями, орденом Отечественной войны второй степени (за партизанскую борьбу в тылу врага, 18 марта 1948 года), медалью «За победу над Германией». Записки о войне начал в 1962 году, закончил в 1963-м. Умер в Барнауле 6 августа 2006 года.

литься. Скажи, есть ли среди пленных комиссары и коммунисты? Хлеба дадим». Я ответил, что никого не знаю, а богу молиться не могу, потому что правая рука не действует, ранена, а левой рукой молиться не умею. Эти немцы и полицаи били меня и других пленных, чтобы мы поскорее подошли.

Все мужчины лагеря № 1112 (в Австрии — прим. ред.) работали на авиационном заводе. С июля 1942 года стал работать и я на этом заводе. До июля у меня не поднималась правая рука после ранения и контузии.

Я попал в группу Ланко Франца. Нас было в группе шесть человек. Мы вывозили из лагеря мусор от столовой и баракон на лошадах. Ланко Франц говорил по-русски и рассказал нам, что он был конвоиром русских военнопленных в Первую мировую войну и научился от них говорить по-русски. Он говорил нам, чтобы мы не боялись австрийцев, что среди них есть много хороших людей, и они ненавидят Гитлера.

Однажды, когда мы вывозили мусор из гражданского лагеря, старый Ланко завел меня в проходную будну. В проходной мне дали полбуханки хлеба, а потом указали на стену. Я поднял голову и увидел карикатуру. Крупным планом нарисованы Сталин, Рузвельт и Черчилль, сидят в кружок, играют в карты. У Сталина в руках все четыре туза, у Рузвельта и Черчилля — дамы, десятки, вальеты, девятки.

В 1943 году Ланко сообщил нам, что под Сталинградом Красная Армия окружила и взяла в плен много немцев. Гитлер объявил траур, приказал всем надеть черные повязки. Все немцы в лагере надели черные повязки, носили их три дня.

До войны я жил в Барнауле, работал на первом хлебокомбинате. 30 мая 1941 года меня взяли в армию на 45 дней, на переподготовку, в 347-й артиллерийский полк 107-й стрелковой дивизии в первую батарею, 1-й взвод, в 1-е отделение. Я служил ездовым конной тяги батареей.

10 октября поступил приказ отступить в сторону Калуги. Мы поставили свои пушки на передок и тронулись дорогой. Расчет орудий и командир 1-го взвода побежали огородами, напрямик. Мы тронули своих лошадей в галоп. Под Иваном Анисимовым была убита лошадь, у нее отлетела голова в сторону. Первая пара лошадей упала, следом — вторая пара, и упали мои кони. Мне придавило правую ногу. Я снял с плеч свой карабин и стал стрелять по немцам. После этого я побежал, куда отступала батарея. В шуме боя я слышал голос ездового Ухваткина, он просил Сталина спасти ему жизнь. Сгоряча я не чувствовал ранения, как очутился на земле, — не знаю. Попытался встать на ноги и не мог. Голова не поворачивалась, правые рука и нога не двигались. Слышу разговор. Я затаил дыхание. Где был мой карабин в это время, не знаю. Подошли фашисты и чем-то ударили меня, я потерял сознание.

«Я и Гриша, один француз — во время партизанщины. Здесь мы подбили немецкий мотоцикл, убили 3 фашистов».

Фото подписано Алексеем Кривошеиным

Очнулся я в сарае. Возле меня сидели Анисимов Иван, раненный в правую руку, Сизов Николай. Здесь в сарае были солдаты из нашего полка. Сизов Николай (из Тальменского района) поворачивал меня с боку на бок. Врачей не было.

Через несколько дней в лагерь пригнали новых пленных. Здесь я встретил Лебедева Александра из Барнаула, с которым мы вместе работали на хлебозаводе.

Нас пригнали в Юхнов. Здесь стало еще хуже, русские полицаи ходили с плетями и избивали пленных. Больным и раненым не было никакого лечения, единственным лекарством была своя моча. Мочой промывали раны и пили ее. Многие умирали от голода и дизентерии.

Два фашиста поставили меня у двери на колени, один немец разговаривал по-русски. Тут же были два лагерных полица-русских, которые требовали от меня, чтобы я молился, если беспартийный. «А если ты коммунист, то не будешь мо-

За все время, сколько я пробыл в плену, не помню, чтобы немцы варили для пленных мясной суп. Мы пришли с работы, а другие уже получали суп и удивлялись тому, что немцы кормят нас мясным супом. Получил этот суп и я, пришел в барак, сел на нары, и вдруг кто-то крикнул, что нас кормят нашими братьями — русскими пленными. Если не верите, вот смотрите: человеческий ноготь в супе. И, правда, в супе был человеческий ноготь. Этот суп пленные вылили, вылил и я.

Однажды я хотел удавиться, скрутил себе петлю, а за мной наблюдал один белорус, уже пожилой мужчина, по имени Иван. Он стал говорить мне: «Сибиряк, зачем ты будешь себя губить? Ты задавишься, тебя закопают, как собаку, и никто не будет знать, за что ты погиб. Будем знать только мы, что ты задушил сам себя потому, что не мог выдержать фашистской неволи. А может быть, ты сбежишь из плена и будешь партизаном, убьешь хоть одного немецкого солдата, все-таки сделаешь пользу нашему народу. Подумай об этом».

Ночью в лагере убили одного русского полица. Полицаев прибыло в лагерь 90 человек, они гоняли нас на работу. Убийство произошло в семнадцатом бараке. В этом бараке немцы проводили вербовку во власовскую армию. По-видимому, убийство произошло на этой почве. Из этого барака никто не пошел служить немцам.

3 мая 1943 года немцы погрузили в эшелон большую группу русских военнопленных и отправили во Францию, в город Марсель. Я и Григорий Загребельный оказались в Марселе. В мае же нас отправили в город Ним. В трех километрах от Нима был немецкий аэродром с самолетами.

Во Франции стало несколько легче в том отношении, что нас поддерживали французы продуктами. Это делали так. Если сегодня мы работали в каком-либо месте, то завтра здесь находили свертки из бумаги. Возьмешь этот сверток, а там две картошки, виноград, или кусочек хлеба граммов двадцать — тридцать.

Я крепко подружился с Григорием Ивановичем Загребельным. Сначала мы поспорили, я обозвал его предателем за украинское происхождение. Но время шло, а дружба крепла.

Загребельный рассказал, что слышал разговор немецких солдат, в котором часто употреблялось слово «партизан». Из этого разговора мы сделали заключение, что где-то близко есть французские партизаны. До-

говорились, что если побег удастся, то попросим помощи у французов — жителей того дома, где брали воду для немцев-конвоиров.

Однажды американские самолеты бомбили город Авиньон с большой высоты. Немецкие солдаты бегали, как сумасшедшие, но потом затихли после отбоя. Они стали, как звери. Это было ночью с 4 на 5 июня 1944 года.

Во время тревоги и после нее мы наблюдали за немецкими часовыми. Ближний часовой свесил голову на грудь — уснул. Мы решили воспользоваться моментом, и пошли насмерть. Мы проползли от часового метра в 20-30. Он спал, и мы не убили его. В руке у меня была бритва, которую дал мне власовский пропагандист.

...Из дома французов на наш стук вышла та самая девушка, которая часто ездила мимо нас на велосипеде. Мы спросили у нее по-русски, где французские партизаны и нет ли в доме какой-нибудь карты? Она ввела нас в комнату, принесла из другой комнаты географическую карту, провела по ней линию карандашом и поставила точку в конце линии, потом провела пальцем и сказала по-французски «партизано».

В Южной Франции деревни небольшие, несколько домов. Вышел к одной из таких деревень. На отшибе стоял дом, к нему и направился. Около дома средних лет мужчина запрягал мула в двухколесную повозку. Возле француза играла девочка лет трех и лежала маленькая, с кошку, собачка. Француз не заметил меня, но собачка залаяла, девочка заплакала и показала на меня. Француз выпрямился и повернулся ко мне лицом. Я заметил, что он вздрогнул. Я огляделся вокруг, никого больше не было, я сел возле француза. Он тоже сел.

Француз понял лишь такие жесты, как втягивание живота и движение челюстей, когда человек кушает. Француз похлопал меня по плечу и сделал знак рукой — сиди здесь. Вернулся с двумя женщинами. Француз подал мне граммов тридцать хлеба и вареное яйцо. Я разломил хлеб и яйцо пополам, одну половину съел, другую положил в карман. Женщины показывают жестами: кушай все, а я поднял два пальца, показываю, что нас двое. Одна женщина поняла, пошла в дом и принесла еще такой же кусочек хлеба и яйцо.

Рядом со мной сел француз. Я снял свои ботинки и подаю их ему, показываю на свое австрийское обмундирование и прошу обменять это на гражданскую одежду. Но француз не понял.

Среднего роста черноватая француженка стояла против нас и говорит: «Русский эмигрант». Я подумал, что где-то здесь есть русский эмигрант. Поднялся, подошел

к женщине и спрашиваю, где живет русский эмигрант? Беру женщину за руку и показываю жестом, что пойдем к русскому эмигранту. Женщина поняла меня. Я пошел виноградником, а женщина дорогой.

Шли мы километра два, вышли к дому. Метрах в ста от дома пашут на конях два мужика, лошади запряжены не парой, а гуськом. Француженка показывает рукой на мужчину, который водит лошадь и называет его «рус».

Когда подошел вплотную, вижу, что на нем наша родная красноармейская гимнастерка довоенного образца. Подаю ему руку и говорю: — Здорово, русак!

Задержал его руку в своей, и говорю:

— Мы как русские должны договориться на русском языке. Вы должны мне помочь. Если у вас осталось хоть немного русского, то вы поможете, а ничего не осталось, — можете выдать меня немцам, награду получите, двадцать или сорок тысяч франков.

Эмигрант встал на колени и заплакал. Он сказал, что очень обидел его своими словами, что он много лет живет во Франции, и никто из русских не говорил ему таких слов.

— Мне нужна одежда, гражданская французская одежда. А мою одежду пленного возьмите и спрячьте.

Он принес мне гражданские ботинки, черный берет, поношенные брюки, черный поношенный пиджак, рубаху, батон хлеба, 75 франков, бутылку виноградного вина, брезентовую сумку с полотняным ремнем на плече, как наш противогаз. Французы в таких сумках носят на поле продукты. Я тут же переоделся.

Француженка посмотрела на меня и сказала: «Франс».

Я попросил у эмигранта еще комплект гражданской одежды, но он ответил, что у него нет больше, придется обратиться к соседям. Он вернулся с таким же, как у меня комплектом одежды.

В разговоре с эмигрантом выяснилось, что он из Ново-Николаевска (Новосибирска), что там у него остались братья и другие родственники. В первую империалистическую войну попал в плен к немцам, бежал во Францию и остался здесь жить. На Родину не вернулся потому, что после революции в России во Франции была пропаганда, будто всех бывших пленных коммунисты веша-

ют и расстреливают. Он побоялся вернуться, женился здесь, обзавелся хозяйством.

Я рассказал ему о себе, и он был немало удивлен, что встретил земляка. Он спросил меня, куда я поеду жить после войны: в Америку или в Англию? Он не верил, что я собираюсь вернуться домой. А пока мы держим путь к французским партизанам, и я попросил его написать записку на русском и французском языках: «Добрые французы и француженки, помогите нам быстрее добраться к партизанам. Мы — русские, были в плену у немцев и сбежали из Авиньона».

Эмигрант попросил меня, если останусь живой, то перед отправкой на Родину навестить его, ему хочется написать письмо своим родственникам в Сибирь, известить их, что он жив.

Когда я вернулся к Загребельному, он лежал лицом вниз, глаза его были заплаканными. Я сказал: «Вставай, Украина, Сибирь пришла! Сбрасывай с себя Германию!» и подал ему сверток одежды.

Место нашего привала присыпали табаком, который дала мне девушка, пришедшая из дома эмигранта. Запомнилось, что это селение называлось Каваён.

Мы поднялись в гору, решили отдохнуть в кустах у тропинки. Подкрепиться сырой картошкой. Вдруг слышим, что на тропинке в кустах кто-то шуршит. Вскоре появился мужчина в белой рубашке, черном пиджаке и черном берете с сумкой через плечо. Шел медленно, прихрамывая, вроде крадучись. Мы окликнули его: «Камрад!» Француз остановился, вздрогнул от неожиданности, и головой крутит, осматривается. Увидел нас, робко подошел.

Подали ему нашу бумажку. Прочитав ее, француз поздоровался с нами по-французски: «Рус камрад». Обнял и поцеловал каждого в щеку. Он указал на себя и говорит: «Партизано».

Капитан-испанец спросил нас, как и когда попали в плен к немцам. Мы рассказали и дали ему свои домашние адреса в СССР. Мы спросили его, нельзя ли сообщить в Москву о том, что мы находимся во Франции, в партизанском отряде, чтобы в Москве и у нас дома знали об этом. Капитан обещал выполнить это.

Утром видим, в луже умывается упитанный, широкоплечий мужчина выше среднего роста, без рубашки. Я гляжу на него и говорю:

— А зачем тут этого борова-немца держат? Расстрелять его надо.

Поляк перевел мои слова, а французы громко рассмеялись. Этот мужчина подошел к нам, поздоровался по-французски

и поцеловал нас. Чех перевел нам: это не немец, а француз, командир всех партизан в округе по фамилии Бэин. Я извинился перед ним.

Бэин решил отправить нас в Интернациональную группу № 4, командовал которой младший лейтенант Москито. В этой группе мы встретили трех русских, бежавших из плена. Мы не знали их раньше, это были Дмитрий Благой, Егор Сироткин и Жорка, фамилия его не запомнилась.

В группе были люди разных наций: французы, испанцы, поляки, чехи, сербы, индокитайцы, румыны, болгары, один итальянец, французский еврей. Знак отличия этой группы — красная лента на шее, сложенная вдвое. В Южной Франции партизаны «Маки Ванту» носили на левой руке красную повязку с надписью по-французски: «Резистанс Маки Ванту» и еще флажок своего государства. На нашей ленте шириной около пяти сантиметров была вышита желтыми лентами пятиконечная звезда. Серп и молот в середине, а по концам звездочки. Звездочки нам вышивали французские девушки. Мне вышивала девушка по имени Ману, та самая, что принесла в павильон чистое белье. У Ману мать — француженка, отец — испанец.

В селе Мамбро немцы жестоко расправлялись с населением: расстреливали, насиловали женщин, били всякого, кого подозревали в связи с партизанами. Немцев выбили из Мамбро силами Интернациональной группы, коммунистов и капитана-испанца. Село опять стало партизанским.

Партизаны расположились на отдых. Собрались жители села. Они попросили нашу интернациональную группу, чтобы представители каждой национальности исполнили свои песни на родном языке. Пели каждый по отдельности: француз, испанец, итальянец, чех, поляк, югослав, негр, индокитаец, болгарин, румын. Дошла очередь до нас, русских, а хорошие певцов не оказалось. Решили спеть хором, пятеро. Нас попросили спеть партизанскую песню «По долинам и по взгорьям...» Оказывается, эта песня известна во Франции. Это был интереснейший концерт.

Не успели мы выспаться, как подошел ко мне капитан Робер, разбудил и сказал, называя меня по имени — Алексис: «Пойдем в разведку».

Мы шли разведать, как охраняется немецкий военный склад, и если удастся приблизиться к нему — разбить его. На пути попался дом. Зашли попить воды. Капитан Робер напился и подал мне посуду. Назвал меня: «Камрад рус», а хозяин не дал мне воды. Он рассказал, что в его доме недавно были немцы и русские (власовцы), которые при хозяине изнасиловали его жену

и дочь. Капитан долго объяснял ему, что этот русский не виноват, наоборот, он бьет тех русских, защищает французов от них и немцев. Тогда только хозяин налил мне воды.

Мы заняли огневую позицию на половине горы, все разместились врозь. На мосту появилась легковая машина. Капитан Робер посмотрел в бинокль и сказал по-французски, что это немцы едут. Когда машина поравнялась с нами, я бросил в нее гранату. В машине сидел немецкий полковник, три офицера и солдат-шофер. Все оказались убитыми.

Капитан Робер подобрался к машине взял в ней какую-то папку и когда возвратился к нам, поцеловал меня в щеку со словами: «Бон рус камрад». Он дал свисток — сигнал отхода, а мне и Жану приказал остаться и прикрывать отход огнем пулемета.

Вскоре у моста появились две автомашины с немцами. Первая машина перешла мост, из нее застрочил крупнокалиберный пулемет по нашей засаде. Вторая машина тащила за собой сорокапятимиллиметровую пушку, в кузове сидели солдаты.

Я прицелился в первую машину и дал по ней две короткие очереди. Машина загорелась, а пулемет умолк. Я выпустил по ней три рожка патронов, сорок две штуки.

Отходил в ту сторону, как указал капитан. Удобный выход был один, но его уже перехватили немцы. Пришлось взбираться по крутой скалистой горе на вершину. В камнях удобней укрываться от огня. Дополз до скалы, но подняться на нее с пулеметом не хватало сил. Пулемет забросил на выступ скалы и полез на нее, но, видимо, немцы заметили меня, по камням защелкали пули. Полз долго, как мне показалось, выбился из сил.

Уходил отсюда уже ночью. Скрывался в горах и в лесу двое суток.

У подножия горы увидел два дома и решил подойти к ближайшему. Я не знал, что из дома за мной давно наблюдают. Из дверей навстречу мне показались стволы винтовок и автоматов, потом вышли люди. Среди них я увидел знакомое лицо француза из партизанской группы коммунистов. Я крикнул им по-русски: «Товарищи!», и по-французски: «Марус Алексис». Произошла радостная встреча. Я сказал, что хочу пить

«Начальнику отряда им. т. Сталина от партизан действующего отряда. Командир отряда Шабанов. Партизаны Степанов, Кузьмин».
Фото подписано Алексеем Кривошеиным

а американцы сами не уйдут. Я ответил, что вы, французы, сами выгоните американцев. Подполковник Бэин с грустью сказал, что опять придется менять свой военный костюм на партизанский.

Наш первый батальон прибыл в Бухенвальд в Восьмую ударную армию. Батальоном командовал уже новый командир, гвардии капитан. Здесь, в Бухенвальде, один армянин повесился, он был помкомзвода, три рядовых армянина* куда-то сбежали из батальона. После этих случаев весь наш батальон отправили в Среднюю Азию, в город Ленинабад, для проверки всего состава. После этой проверки меня взяли на военную службу в другую часть Советской Армии, расквартированную в Ленинабаде.

Здесь я служил с 6 июля 1946 года до 1948 года.

В родной Барнаул я приехал 29 июня 1948 года и поступил на работу на Барнаульскую нефтебазу 10 августа 1948 года.

P.S. Известно, что у Алексея Кривошеина во Франции остался сын. Матерью его стала Ману, о которой Алексей Федорович упоминает в записках. Русская дочь Кривошеина пыталась найти французского брата. Но поиск не увенчался успехом.

В 1972 году в сборнике «Против общего врага. Советские люди во французском движении Сопротивления» вышел очерк Алексея Кривошеина «В Маки Ванту. Этого не забыть», из которого мы узнаем: «В Барнауле живут и мои боевые друзья — Григорий Иванович Загребельный (стал мужем сестры Кривошеина — прим. ред.) и Дмитрий Сергеевич Благой».

К печати подготовила
Лариса ВИГАНДТ

и кушать. Партизаны попросили у хозяина дома кусочек сыра, хлеба и фасольного супа. На мои вопросы партизаны ответили, что все живы, только кое-кто поцарапан, а меня считали погибшим.

Я пошел пешком в деревню Орел, где располагалась моя группа. Когда я подошел к деревне, увидел, на дороге стоят младший лейтенант Москито, капитан Робер и мой друг Загребельный. Встретили, как родного брата. Загребельный заплакал, не утерпел и я.

Вечером собрались все французские офицеры. Командир партизанских групп Бэин сказал: «Награждаем вас французским крестом первой степени». Я стал отказываться от креста, но меня убедили, что это не церковный крест, а французский орден, награда.

В освобожденном Авиньоне состоялся парад партизанских войск. Принимал парад французский генерал. Я шел в первом ряду со своим напарником испанцем, во втором ряду шли Загребельный, Благой, Сиротин и Егор. После парада шли колонной по улице, а на тротуарах стояли толпы жителей города, приветствовали нас. Я заметил знакомую девушку-франуженку и сказал Загребельному, что это та самая девушка, которая дала нам карту, когда мы бежали с аэродрома. Я попросил разрешения у Москито выйти из строя, и он разрешил. За мной последовал Загребельный. Выяснилось, что у нее было задание от партизан помогать бежавшим пленным. Девушку звали Марсель. Мы побывали в ее доме, поблагодарили всю семью.

В Карпантра прибыли части американской армии и английские войска. Мы располагались в школе. Вдруг зашли к нам три американских солдата и спрашивают

русских партизан. Мы вышли во двор, пять человек, и встретились с ними. Оказалось, что среди американцев был один русский по имени Иван, фамилию не помню. Иван рассказал, что отец увез его в Америку из России в шестилетнем возрасте, во время революции. Иван хорошо говорил по-русски. Он с удовольствием поехал бы на Родину, но боится, что его посадят в тюрьму русские коммунисты за то, что его отец сбежал из России. Мы посмеялись над этими страхами и ответили, что это ложь и клевета на нашу партию и Советскую власть. Иван подарил мне свой фотоснимок, потом снял пилотку с американской кокардой и отдал мне в обмен на мою пилотку. Я сказал, что моя пилотка не советская, а французская, а он — все равно от русского человека.

В последних числах мая 1945 года нам сказали готовиться к отправке на Родину. Я отпросился у командования полка съездить в Авиньон, попрощаться со своими товарищами — партизанами «Маки Ванту». Отпустили на три дня. В Авиньоне встретил подполковника Бэина, он шел улицей в свою часть. Я сказал ему, что скоро мы едем на Родину, и я приехал попрощаться со всеми партизанами и с ним. Бэин предложил зайти в павильон, посидеть. Он взял по сто граммов виноградного вина и пастис. Пастис французы пьют с водой.

— Да, жаль вас, русских, что вы уезжаете домой. Большое спасибо русским за то, что помогли французам выгнать немцев с нашей земли. А кто нам будет помогать выгонять американцев из нашей страны? Вы, русские, живете далеко от нас,

* В октябре 1944 года Кривошеин перешел в Первый Советский партизанский полк, узнав, что это соединение раньше других отправится в Советский Союз. Вместе с Кривошеиным только пятеро вступили в новое соединение, 80 человек остались в прежних формированиях. Полк под командованием Казаряна состоял на 70 процентов из армян. Армяне служили у немцев, утверждали однополчане Кривошеина. «Старожилы полка, русские: Липатов, Илюхин, Дутна, Афонин, Сергеев, рассказывали нам, что город Менде партизаны окружали три раза. На третий раз армяне перешли к партизанам».

Вера Шальбург, агент советской, английской и немецкой разведок, родилась на Алтае, в городе Барнауле.

текст

ЕВГЕНИЙ
ПЛАТУНОВ

Прекрасная шпионка

10 декабря 1912 года в Барнауле в семье датского коммерсанта Августа Теодора Шальбурга родилась девочка Вера, биография которой сейчас рекомендована к изучению на уроках истории семиклассникам Датского Королевства. Нужно сразу отметить, что из персонажей многовековой русской истории лишь еще один человек удостоился такого же внимания — Григорий Распутин.

Вера была вторым ребенком в семье Шальбургов. В 1906 году здесь же на Алтае (в Змеиногорске) в семье датчанина и его русской жены родился сын Кристиан Фредерик, получивший при крещении имя Константин Федорович.

Август Теодор Шальбург занимался на Алтае закупками масла для фирмы Вильгельма Васильевича Кнудсена. В архиве сохранилась резолюция полиции на заявлении от 1912 года датского подданного Шальбурга: «Как представитель торговой фирмы имеет необходимость в ношении при себе револьвера».

В 1918 году семья Шальбургов уезжает в Данию. К тому времени в Гражданской войне уже погибли некоторые родственники матери Кости-Кристиана и Веры, представители старинного рода Старицких-Семеновских, ведущих свое происхождение от Рюрика. Семья покупает ферму в Ютландии. В 1923 году Кристиан (Константин) Шальбург становится офицером датской Королевской гвардии. Вера с родителями переехала в Париж, где поступает в балетную школу Трефиловой. С 1929 года Вера Шальбург танцует на разных сценах: это и знаменитый Фоли Бержер, и «Русский балет» на Елисейских полях.

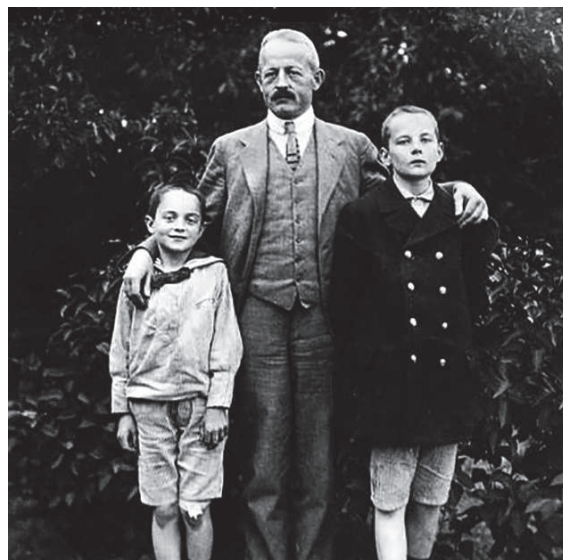
В эти же годы она знакомится с молодым эмигрантом графом Сергеем Игнатьевым, который связан с советской разведкой.

Тем временем Константин Шальбург уходит в начале 1930 годов с военной службы, чтобы заняться политикой. Он стал датским нацистом, лидером

их молодежного крыла. Вера из-за своих контактов с Игнатьевым попадает в черный список гестапо. Это, впрочем, не мешает ей при содействии брата в 1937 году стать агентом немецкой военной разведки — абвера. Немцы хотели внедрить ее в советские разведывательные операции во Франции и Бельгии.

Между 1937 и 1940 годами Вера использует псевдонимы Де Коттани, Эрикссон, фон Ведель и Старицки (родовую фамилию матери!). В 1938 году ее отправили в Англию с заданием создать в Лондоне шпионский салон и играть роль роковой женщины. Но имя Веры Шальбург (видимо, из-за брата) сразу же попало в досье британской разведки. Она встречается с одним из представителей семьи Маккензи (это его вывел писатель Ян Флеминг под псевдонимом «М» как шефа Джеймса Бонда).

Семья Шальбургов: Вера, отец Август Теодор, Кристиан-Константин.
Фото предоставлено автором

В начале Второй мировой войны Вера покидает Англию и возвращается в Гамбург, приведя в ярость своих немецких контролеров. В 1939 году ее шеф из алвера Хильмар Диркс становится также и ее мужем.

В следующем, 1940 году, как часть операции «Морской лев» (вторжение в Великобританию) была подготовлена операция «Лена», целью которой был сбор разведывательной информации до начала вторжения.

В составе группы из трех человек Веру должны были забросить в Шотландию. Накануне высадки шпионов, после вечеринки, устроенной для них, погибает в автомобильной катастрофе шеф и муж Веры — Диркс. Операция по заброске агентов откладывается на три недели. В сентябре 1940 года агентов переправляют в Норвегию. В состав группы кроме Веры входят двое мужчин — Вернер Вальти и Тео Дрюке. 30 сентября группа уже в Шотландии. Веру и Дрюке задерживают на вокзале маленького поселка Портгордон, Вальти был арестован в Эдинбурге. Два месяца их допрашивают в специальном центре разведки Кэмп-020, позже переводят в специальный лагерь Хэм у Ричмонда.

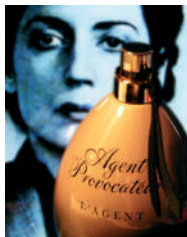
скандинавские добровольцы, получает специальную награду «Белый крест», которую никогда не снимает. В начале Великой Отечественной войны уроженец Змеиногорска воюет в составе дивизии СС «Викинг» на родной для его матери Украине, позже формирует добровольческий корпус из датских эсэсовцев. 2 июня 1942 года он погибает у новгородской деревни Бяково (в одном из боев по прорыву из Демянского котла). На траурной церемонии, устроенной в Копенгагене, присутствуют не только члены королевской семьи, но и великая княгиня Ольга Александровна (сестра Николая II), крестная сына православного эсэсовца. Присутствующий на церемонии Гиммлер посмертно перевел Шальбурга в следующий чин — оберштурмбанфюрера.

Имя Шальбурга до 2008 года не появлялось ни в одном из датских словарей и энциклопедий.

Интересный факт: в июле 1999 года под Бяково новгородскими поисковиками были найдены останки уроженца Барнаула Семена Тимофеевича Максимова, погибшего в бою с датскими эсэсовцами, которыми командовал уроженец Змеиногорска.

ИНТЕРЕСНЫЙ ФАКТ

Фотография Веры Федоровны Шальбург, родившейся в Барнауле в 1912 году, появилась в рекламе датской парфюмерии «L'Agent von Agent Provocateur».

Летом 1941 года Вальти и Дрюке казнили. А с Верой продолжает работать русский эмигрант Иона Устинов, известный в МИ-5 как агент U-15. К слову, Иона Устинов — отец актера Питера Устинова.

Английский историк Фил Колдем посвятил уроженке Барнаула исследование, которое назвал «Прекрасная шпионка». Он утверждает, что Веру от виселицы спасла ее связь с советской разведкой, контакты с которой она все это время поддерживала.

Колдем считает, что до конца войны англичане использовали ее для работы с интернированными немцами. Частично опубликованное досье на Веру Шальбург заканчивается октябрем 1945 года. Вера, как утверждается, направлена обратно в Германию, где она сумела скрыться от административного надзора и исчезла из поля зрения разведчиков навсегда.

В 1953 году немецкий журнал «Штерн» опубликовал материал о Вере Шальбург, впервые назвав ее «Матой Хари Второй мировой войны» (видимо, из-за того, что она была танцовщицей и шпионкой).

30 августа 2000 года магистрат Гамбурга выписал на имя Веры Шальбург свидетельство о смерти, якобы наступившей 2 февраля 1946 года. Между тем, ее золовка утверждала, что получила письмо от Веры в 1970 году.

А что же Константин, брат Веры? В 1940 году он отправляется добровольцем на советско-финскую войну. В боевых действиях не участвует, но, как и все

В декабре 2013 года немецкий телеканал ARD представил телефильм «Шпионка», где роль Веры Шальбург сыграла актриса Валери Нойхаус. Создатели фильма о прекрасной шпионке придерживались по возможности версии англичанина Фила Колдема. Но, видимо, чтобы не запутаться самим и не запутать зрителя, авторы фильма разделили свой сюжет на три этапа: сотрудничество Веры Федоровны с советской, немецкой, английской разведками.

Как отмечал тогда критик газеты «Альгемайне Цайтунг» Матиас Ханнеман, оборванная биография героини фильма дала, конечно, простор фантазии сценаристов.

Стоит отметить, что немецкие журналисты ранее тоже внесли свою лепту в запутывание биографии Веры Шальбург. Например, в 2007 году газета «Гамбургер Abendblatt» назвала ее «дочерью адмирала» и «рожденной в Риге». Так часто происходит с биографиями тех, кто сражается на невидимом фронте.

Как бы там ни было, в Англии считают Веру Шальбург советской разведчицей, которая воспользовалась первой же возможностью, чтобы уйти из-под контроля хваленной британской разведки. Давайте же и мы будем считать, что рожденная в нашем Барнауле прекрасная шпионка осталась верна своей Родине. ◀

Сцена из фильма «Шпионка» (2013), в роли Веры — Валери Нойхаус

Сцена
из спектакля
«Укрощение
строптивой».
Фото Андрея
Луковского

КСТАТИ
В рамках краевого
парада премьер
были показаны
13 театральных
постановок.

Спектакли
отсмотрели
специально
приглашенные
критики: Елена
Кожевникова
(г. Тамбов),
Валентина
Головчинер
(г. Томск), Яна
Глембоцкая
(г. Новосибирск).

Проект
поддержан
грантом
Губернатора
Алтайского края

/ Алтайский краевой театр драмы им. В.М. Шукшина

ЭФФЕКТ ТАНТАМАРЕСКИ

На Шекспире не упражняются. Шекспир упражняется на нас

В ролях:

Константин Кольцов,
Елена Адушева,
Татьяна Гуртякова,
Владимир Громов, Антон Кирков,
Анатолий Кирков, Дмитрий Чижук,
Николай Мирошниченко,
Иван Дорохов, Анастасия Дунаева,
Валерий Зеньков, Елена Зотова,
Ольга Любичская, Дмитрий Плеханов,
Вячеслав Сысоев,
Алексей Хорьков, Александр Хряков,
Александр Чумаков

**Режиссер-
постановщик**
Алексей Логачёв

**Художник-
постановщик**
Евгений
Лемешонок
(г. Новосибирск)

текст

ЛАРИСА
ВИГАНДТ

Сцена из спектакля. Фото Андрея Луковского

Постановка краевого театра драмы «Укрощение строптивой» по пьесе Шекспира имеет много сильных сторон. Отличный актерский ансамбль — в нем немало артистов с именами, тех, на кого избирательно ходят барнаульские театралы: Константин Кольцов, Антон Кирков, Александр Хряков, Елена Адушева. Известную компанию дополняют молодые артисты, успевшие обратить на себя внимание — наблюдать за ними интересно: Иван Дорохов, Дмитрий Чижук, Дмитрий Плеханов. Тщательно подобрана постановочная группа: художник-постановщик Евгений Лемешонок (г. Новосибирск), художник по костюмам Каринэ Булгач (г. Новоси-

бирск), хореограф-постановщик Ирина Ткаченко (г. Пермь) — это все люди небезызвестные в большом театральном мире. Самый именитый — Денис Солнцев, художник по свету, лауреат Премии «Золотая маска». К слову, не единственный на подмостках «Укрощения», наш Александр Хряков получил престижную театральную награду в 2008 году за роль Войцека в спектакле «Войцек» (режиссер Владимир Золотарь).

Сценический материал, выбранный к постановке режиссером Алексеем Логачёвым, — классический, интересный, выдержавший не одну сотню инсценировок и экранизаций. Как говорится, «чего же боле?» — Шекспира дают!

К сожалению, все выигрышные составляющие не привели в финале к безусловному успеху. Затянуто и несмешно (а у Шекспира комедия!), эклектично и нестильно.

Думается, режиссер все же ставил целью пошлить публику, хотел рискнуть и сделать комедию, один из самых сложных жанров на сцене. И правильно, что задирает планку! Возможно, потому, что высота не покорилась, Логачёв определяет жанр постановки как «упражнения в прекрасном».

Однако и упражнения в прекрасном не удались. Режиссер столь смело смешивает стили, что в некоторых мизансценах «поднимается до высот» китча. Он легко соединяет оперную музыку с бессмысленным кривлянием героев, безмерно использует фонограмму (тигриный рык, в частности), не гнушается снимать с героев штаны. Автор безжалостно кромсает музыкальную классику и щедро угощает зрителя «оперной нарезкой», предлагая ее в качестве монологов и реплик героев или заметок на полях, обрывая порой музыкальное высказывание на полфразе. Константин Кольцов, исполнитель главной роли Петруччо, и другие актеры немо открывают рты, имитируя пение. Арии звучат в прекрасном исполнении, записи удивляют качеством звучания — их завершение вызывает чувство сожаления, велик соблазн переключиться на прослушивание оперы. Столь небрежное обращение с музыкальным материалом воспринимается не иначе как неуважение к искусству.

На наш взгляд, режиссер слишком доверился мультимедийным технологиям — видеопроекции на большой экран, ставшей главной декорацией, фонограммам. Видимо, понадеялся на то, что их качество, относительная новизна применения в провинции сами собой сделают постановку интересной, модной. Нет, не сделали, но создали странный эффект.

Мультимедийная среда, призванная быть второстепенной и служить подспорьем основному действию, напротив, у Логачёва выдвигается на первый план и уподобляется тантамареске — так называется щит для фотографирования, с красочным изображением и прорезями для лица и рук. В отдельных мизансценах игра актеров была равна совмещению лица и рук с прорезями в тантамареске.

Кстати, должны заметить, что зрители Барнаула знакомы с первоклассным и современным опытом использования видеозэрана в сюите Эдуарда Артемье-

ва «Алтайский сказ: полет над временем». Картины не просто транслировались на экран, они оживали, благодаря компьютерной анимации, выполненной Дмитрием Поповым, барнаульцем, преподавателем института архитектуры и дизайна (АлтГТУ).

Мы уже отмечали, в спектакле по Шекспиру зрители пытались смешить, и ничего лучше не придумали, как предложить смех снятых штанов. Оскомишу набили эти спущенные портки! В параде премьер нынешнего сезона этот прием встречается дважды (еще в «Очереди» Рубцовского драматического театра). Буквально тиражирование безвкусицы. Грубо, и не работает давно. Обратите внимание, режиссеры, зал не смеется! Это старое примитивное лекало, его нужно выбросить.

Написание художественного текста требует от автора тщательной работы с языком, отбора лексики и образов — вовсе не тех, что лежат на поверхности и употребляются каждодневно. У театра свой особенный язык. Он невыразителен, если употребляет штампы, отработанный материал. И обворожителен, если прорывается к открытиям, находит свежие светлые образы — для этого нужны интеллектуальные и творческие усилия.

Сценография, конкретно — экран с видеопроекциями, большая декорация, на фоне которой разворачивается действие, кажется далеким эхом от сценического оформления в одноименном спектакле Андрея Кончаловского. Знаменитый режиссер поставил «Укрошение строптивой» в 2013 году в Италии. Постановка Кончаловского собрала прекрасную прессу в ведущих западных изданиях. Критики отмечают, что «публика аплодирует и смеется на протяжении всего спектакля (почти три часа)», восхищаются кинематографическими декорациями, называют спектакль уникальным.

У Логачёва все сильное, что есть в спектакле, так и остается разрозненным, существующим по отдельности: хорошие актеры, волшебный свет, мультимедиаэффекты, а цельного стильного спектакля не получилось. Вероятно, можно говорить о шоу, тем более, что вся разномастная театральная надстройка громоздилась исключительно ради гендерной темы: женщина должна знать место, отведенное ей в обществе.

Размытое жанровое определение — упражнения в прекрасном — в некотором смысле предопределяет неудачу постановки. Кстати, свой предыдущий сценический опыт режиссер называет «типа как бы биография» — странный жанр, слышится в нем неготовность, недоделанность. Упражнения нужны, как правило, для приобретения навыка, наработки опыта, подготовки к контрольной работе. Мы бы предпочли на нашей сцене блестяще сданный экзамен. Хотелось, чтобы у нас появлялось больше спектаклей, которые становились бы фактом искусства. ■

/ Алтайский краевой театр драмы им. В.М. Шукшина

СИЛЬНЫЕ, НО БЕДНЫЕ

текст

СЕРГЕЙ
ЗЮЗИН

В Алтайском краевом театре драмы им. Шукшина поставили спектакль по пьесе Алексея Арбузова «Мой бедный Марат». Вольно или невольно получился двойной юбилей — 70-летие Победы и полвека с того момента, как пьеса появилась в репертуарах многих театров.

Легендарный советский драматург написал притчу о судьбах поколения, чья юность пришлась на Великую Отечественную войну, в 1964 году. И уже за первое полугодие 1965 года «Мой бедный Марат» прошел в 45 театрах Советского Союза. В 1967-м произведение Арбузова было названо лондонскими критиками «пьесой года», вскоре она шла в тридцати английских театрах. Ничего удивительного — в Великобритании тоже было свое поколение молодых, воевавших с фашизмом. А в пьесе немало моментов, выходящих за рамки традиционной советской идеологии и мифологии. «Пьеса шла по всей стране. Ее ругали в газете «Правда», —

Режиссер-постановщик
народный артист РФ
Александр Зыков
(г. Новосибирск)

Художник-постановщик
заслуженный художник РФ
Михаил Моцров
(г. Санкт-Петербург)

Все фото
Андрея Луковского
предоставлены театром

Сцена из спектакля.
Слева направо:
Вадим Заика (Леонидик),
Вячеслав Сысоев (Марат),
Анна Бекчанова (Лиана)

Вадим Заика (Леонидик)

вспоминает Леонид Хейфец, поставивший «Марата» на малой сцене Центрального театра Советской Армии.

За пьесу Арбузова в разное время брались многие маститые режиссеры. Разумеется, каждый выводил на первый план что-то свое — верность идеалам юности или поиски смысла жизни в военное и мирное время. Акцент всякий раз диктовало время. К примеру, Сергей Арцибашев в Театре на Покровке в начале 2000-х показал, как до неузнаваемости меняется человек, плененный не только собственными амбициями, но и даже любовью. Своя наболевшая тема есть и у режиссера, народного артиста России Александра Зыкова, осуществившего постановку в драматическом театре Алтайского края. Вечнозеленая история любовного треугольника в этой постановке уходит на второй план.

— «Мой бедный Марат» — размышления не только о войне и даже не столько о войне. Это, прежде всего, разговор о поколении молодых людей, переживших эту войну. Не важно, кто из них воевал, а кто нет. Поколения, пережившие войну, часто называли потерянными. Они могли полноценно жить и любить только в экстремальных условиях. Приходит послевоенное время, и оно очень сильно влияет на наших героев. У Шолом-Алейхема есть одна фраза, из разряда народных мудростей: «Птица с рыбой гнезда не вьет». Для рыбы среда обитания — вода, вытащи ее на воздух — все, пропала! — говорит режиссер, родившийся в год Великой Победы.

В чем слабость таких героев, как Марат? Почему именно его, героя Советского Союза, фронтового разведчика, Лиана жалеет и называет «бедным»? Возможно, потому, что наши Мараты даже после войны продолжают видеть мир в черно-белых тонах Ленинградской блокады. Надо быть сильными. Дамы не терпят слюнтяев. Мы победители. «Хороша страна Болгария, а Россия луч-

ше всех», — распевает на кухне встретившиеся после войны друзья. В тексте пьесы этого эпизода нет, но здесь как раз тот самый случай, когда его необходимо было придумать. При этом некоторые реплики арбузовского текста написаны как будто на злобу дня сегодняшнего. К примеру: «Время не военное, почта работает исправно». Зрители фыркают: «Нам бы вашу послевоенную почту!»

И про поиск врагов тоже как-то свежо звучит. Война хороша тем, что врага не надо было «угадывать», как выражается Марат. То есть враг непременно нужен! Иначе приходится угадывать его в окружающих. Либо, что еще непривычнее, внутри себя. И выясняется вдруг, что в себе самом разобраться труднее всего. Беда орденосца и гвардии капитана запаса Марата Евстигнеева в том, что он пытается жить идеалами прошлого, пусть и прекрасного в его воспоминаниях. Все это ведет к глухому кирпичному тупику в отношениях даже с самыми близкими людьми. И чем дальше, тем меньше становятся окна в его квартире. Первое — большое, заклеенное крест-накрест белыми лентами, обрамленное пепельно-серой стеной, иллюстрирует 1942 год. В следующую встречу героев, в 1946 году, лент нет и стена более теплых, зеленоватых тонов, но окно ошутимо съезжилось. Окно 1959 года вырезано на фоне бежевого цвета стены, оно обретает гардины и плотные занавески, но становится еще меньше. Все правильно — довоенное и военное время все дальше и дальше уходит от нас, и надо найти в себе мужество жить настоящим, строить мосты не только над реками, но и к душам дорогих для тебя людей. И не бояться стать счастливым. Еще одно современное вкрапление в текст арбузовской пьесы — строки из потрясающего стихотворения поэта Геннадия Шпаликова, которое цитирует Леонидик:

По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.
Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне.

В конце спектакля во всех трех окнах появляется один и тот же «пейзаж» — кладка из красного кирпича. Герои закрывают свое прошлое, чтобы начать жить с чистого листа. Наверное, можно здесь усмотреть и другой смысл. Одновременно с окнами закладывается мавзолейным кирпичом луна, под сенью которой герои встречались, влюблялись и расставались. После недолгой хрущевской от-

тепели поколение победителей ожидало брежневское безвременье. Безнадежное, как бесконечная, до небес кирпичная стена. Бедный Марат! Еще не раз он спросит себя, Лику и Леонидика: «Как мы живем? Что сделано?» Арбузовское «Как мы живем?» чуть позже подхватит Шукшин: «Люди, что с нами происходит?»

В сценографии «Марата» хорошо виден фирменный почерк Александра Зыкова. Минимализм в декорациях и огромное космическое пространство сцены, в котором троица героев странным образом не теряется. Не обошлось и без фирменных режиссерских штук: в первом акте Марат и Лика реально разогревают на буржуйке тушенку и по залу плывет дразнящий аромат — верный маркёр лакомства военного времени. Не было никаких излишеств и в выборе музыкальной темы — фрагмент из симфонии № 3 Иоганнеса Брамса в мастерской обработке композитора Андрея Федоськина звучит во всевозможных вариациях, от танго и вальса до марша, и точно попадает в сложную канву пьесы, а в самой концовке удивительно переплетается с «Прощанием славянки». И почему-то всех героев становится жалко. Мой бедный Марат! Мой бедный Леонидик. Моя бедная Лика...

Спектакль стал испытанием, проверкой на прочность для молодых актеров театра драмы: Анны Бекчановой, Вячеслава Сысоева и Вадима Заики. Особенно тяжело пришлось парням: если Бекчанова имеет в своем багаже центральные роли в спектаклях «Три сестры», «Без вины

виноватые», «...Чума на оба ваши дома!», то для Сысоева и Заики роли Марата и Леонидика стали настоящим крещением большой сценой. В целом, ребята его выдержали, хотя скептических голосов накануне премьеры хватало.

В начале репетиционного процесса Александру Зыкову вообще предлагали заключительную часть спектакля отдать на откуп более зрелых актеров. Определенный резон в этом был — после встречи в сорок шестом герои повзрослеют на тринадцать лет. А роскошные, многослойные арбузовские диалоги и монологи нуждаются в зрелом актерском мастерстве, необходимом житейском опыте. Но режиссер предложил молодым исполнителям в каком-то смысле повторить на сцене жизненный путь Марата, Лику и Леонидика — в кратчайшие сроки стать зрелыми людьми. На войне как на войне. Помните, что сказал один из героев знаменитой трилогии Константина Симонова генерал-майор Кузьмич: «Война есть ускоренная жизнь и ничего более»? Рискованный режиссерский ход особенно сработал в отношении Анны Бекчановой. Ее героиня получилась наиболее убедительной — трогательной и действительно достойной любви таких диаметрально разных мужчин, как Марат и Леонидик.

— Ребятам пришлось очень тяжело, особенно поначалу. Все-таки Арбузов писал пьесу, держа в уме актеров, чье детство опалила война. То поколение очень быстро повзрослело. Но Аня, Слава и Вадик оказались очень работоспособными, ответственными молодыми людьми, любящими свою профессию. Конечно, для них этот спектакль на вырост. Они и будут расти. Вместе с некоторыми другими молодыми исполнителями они — будущее театра, — уверен Александр Зыков. ◀

/ Рубцовский драматический театр

ЗА ЧЕМ СТОИМ?

Спектакль «Очередь» для восприятия непросто, но его стоит досмотреть до конца

текст

ОЛЬГА
ИСУПОВА

Режиссер-постановщик

заслуженный работник культуры России
Станислав Спивак

В рамках майского парада премьер Рубцовский драматический театр познакомил барнаульцев со спектаклем «Очередь» по пьесе Александра Мардана. Драматург он титулованный, известен своими фарсами, его пьесы ставятся в России и за рубежом. И «Очередь» из их числа. Режиссер-постановщик и директор рубцовского театра в одном лице, заслуженный работник культуры России Станислав Спивак попытался переосмыслить драматургический материал: дотянуть авторскую пессимистическую комедию до уровня философской притчи.

Задача интересная и очень непростая, тем более что Дмитрий Богомазов в Киевском академическом театре драмы и комедии уже делал постановку «Очереди» в стиле трэш, эта постановка отмечена престижными призами.

Рубцовскому творческому коллективу пришлось преодолевать серьезное сопротивление фактуры, с одной стороны, а с другой, пытаться не цитировать киевских коллег. Правда, последнее не совсем удалось: характер построения ряда мизансцен, пространственные решения вполне узнаваемы.

Спектакль «Очередь» сложен для восприятия. Режиссер с порога ошеломляет публику, заставляет ее недоумевать, создавая эффект эстетического шока и полного неприятия того, что происходит на сцене. И этот прием отлично работает: он сбивает зрительскую спесь, разрушает стереотипы вос-

Сцена из спектакля «Очередь». Фото: rubdramteatr.ru

приятия сценического искусства. Разрушает настолько, что зрители уходят в антракте. Но второй акт все же стоило смотреть — он прояснил замысел режиссера.

В замкнутом мирке, очерченном сценой, все вывернуто, смещено: медсестра неотличима от жрицы любви, бизнесвумен — от бандерши, а правоохранитель с налоговым инспектором один в один напоминают бандитов.

В ролях:

Виктория Зяблицкая, Сергей Волобуев, Татьяна Фоменко, Лидия Ставицкая, Ольга Ширяева, Павел Луконин, Инна Живаева, Пётр Кишук, Игорь Кузнецов, Игорь Левин, Екатерина Карпенко, Валерий Польшгалов, Сергей Калабухов, Ольга Синеокая, Лидия Руденко, Станислав Спивак, Юрий Пахомов, Евгений Мельников

Когда Понтий Пилат умывает руки, Христа ожидает Голгофа. Даже если действие происходит в наши дни. Даже если Понтий Пилат всего лишь изображен на китчевом плакате, призывающем к гигиене, а руки умывает над пластиковым тазиком.

Вместо Бога теперь — тот, кто «Лечит от всех болезней». Его мы тоже видим на плакате. В черном пространстве сцены ряд стульев, два упомянутых рекламных объекта, гинекологическое кресло, вынесенное к самому краю сцены. Люди в черном ожидают доктора по имени Анатолий Михайлович. Время, проведенное ими в очереди, и есть содержание пьесы.

Не на чем отдохнуть зрительскому глазу: рисунок ролей крайне сдержан и скуп. До такой степени, что многочисленные шутки и каламбуры, составляющие текст пьесы, при произнесении не звучат, словно съедаются.

— Из вены? (кровь)

— Из Парижа.

В «зал ожидания» еще будут прибывать страждущие и деловые люди: маклерша, дамы из санэпидстанции, рекламный агент, торговка выпечкой. У каждого — своя цель: попасть на прием, продать здание возможно большее количество раз, сорвать взятку, реализовать несвежий товар. Томящиеся в коридоре пациенты не теряют времени зря, используя соседство в очереди, они попутно утрясают собственные дела — налоговые, земельные, рабочие.

В сообществе людей в черном есть двое в белом. Это медсестра Мария и маляр. Первая в отсутствии доктора непрерывно главенствует внизу, второй время от времени появляется вверху, в воздухе, на лесах.

Все персонажи, за исключением маляра и мужа Марии, говорят странными, ненастоящими голосами. Самый странный и одновременно яркий голос у руководительницы — медсестры. Этакая смесь манерности Ренаты Литвиновой и наглости.

Маляр — единственный естественный человек, он противопоставлен всем социально успешным страждущим. Он беженец из Назрани (Назарета, по оговорке одного из персонажей), без дома, без документов. Ему еще улыбнулась удача: устроился на работу маляром. Даром, что по диплому врач, в прошлом — завклиникой.

Когда Мария рассказывает очереди, что маляр поднял на ноги ее искалеченного брата, толпа, не дождавшаяся чудес от Анатолия Михайловича, бросается к новому мессии:

— Доктор, взгляните на меня!

— У меня все есть, но я так несчастна!

— У меня болит печень!

Маляр дает советы из Библии. Но не этого ждали очередные, им это не нужно. Делиться излишками благосостояния отнюдь не входит в планы скупающей дамы, а ограничивать свое питание — в планы джентльмена. И уже через несколько минут страждущие дружно звонят в полицию: тут мигрант без документов и регистрации.

Врача-маляра уводят, в приемной появляется Мария — русоволосая, в черной одежде. Сброшена личина — легкомысленная белая униформа и белый парик. Мы видим живое лицо медсестры, слезы на ее глазах и слышим ее новый, естественный, человеческий голос. Он будит героев, и вдруг оказывается — души людей живы.

Бизнесвумен-бандерша, недавно лебезившая перед судьей и кричавшая «Документов нет!» (сиречь «Распни его!»), чудесным образом преобразуется, просветляется ликом, облачается в белые одежды — и воспаряет вверх, на освободившиеся леса, — звучит возвышенный гимн, Богородица благословляет всех.

Хотелось бы верить в такое преображение!

В конце концов, это благодаря бизнесвумен над вымороченным пространством и людьми кружится человеческая «Ночь коротка...» — пусть за деньги. И вся разношерстно-похожая компания пускается в странный танец — каждый в одиночку: вальсовый поворот — прыжок на месте. Видимо, как попытка улететь из несовершенного мира. Или подняться над собой.

Думайте, люди, думайте. Иначе спектакль «Очередь» не понять. ◀

/ Алтайский краевой театр драмы им. В.М. Шукшина

СМЕШНО. И ТОЛЬКО

Режиссер-постановщик
Максим Астафьев

Художник-постановщик
Ольга Лагеда
(г. Нижний Новгород)

В ролях:
Анастасия Томилова,
Анастасия Кузнецова,
Дмитрий Плеханов,
Дмитрий Чижук,
Антон Кирков,
Елена Адушева,
Юрий Антипенков,
Татьяна Гуртякова,
Иван Дорохов,
Анастасия Дунаева,
Анатолий Кирков,
Алексей Хорьков,
Игорь Черепанов,
Лариса Черникова

текст

СЕРГЕЙ
ЗЮЗИН

Анастасия Кузнецова (Людмила), Дмитрий Плеханов (Вася), Дмитрий Чижук (Абрам), Анастасия Томилова (Тоня), Анатолий Кирков (Флавий).
Все фото Андрея Луковского

Молодой режиссер Максим Астафьев поставил в краевом театре драмы пьесу о забавных приключениях двух молодых семейных пар. Тридцатилетний Валентин Катаев написал «Квадратуру круга» во второй половине двадцатых годов. Валентин Петрович был очень глубоким писателем. Некоторые исследователи считают, что его произведения имеют не то, что второе — третье дно.

Катаевскую пьесу ставили долго, много и по-разному. Ставят до сих пор. Какова очевидная мораль водевильной истории про советских молодоженов незабвенных двадцатых годов? Не спешите в загс, проверьте серьезность ваших чувств. Другой авторский посыл, который тоже подается чуть ли не открытым текстом, — не стройте своего счастья на несчастье других. Но эти истины лежат на поверхности. Наверное, для советской молодежи, призванной строить новый мир на руинах разрушенного до основания старого, эти лозунги были актуальны, а потому у первых режиссеров, бравшихся за постановку «Квадратуры...», вопрос «Для чего мы это затеяли?» не стоял. Потому что советской молодежи надо было четко знать: «Что такое хорошо и что такое плохо?» Но прошел почти век. Нет уже ни примусов, ни пятилеток, ни выдвиненцев. Нет Страны Советов (хотя лозунг «Совет да любовь!» по-прежнему актуален и гордо реет над потолком экспериментальной сцены).

Сцена из спектакля «Квадратура круга»

Есть совершенно другая страна и совершенно другая молодежь. Она не лучше и не хуже той, прежней, она просто другая. Никто не спешит в загс, чтобы вместе спать. Девушки вполне обыденно могут называть своего очередного бой-френда мужем. «Мужьям» от этого ни жарко, ни холодно. Как сбежались, так и разбежались. Счастье на несчастье других? Но так было во все времена и эпохи. Ныне это формулируется просто: «Я так хочу!» Или «Ведь я же этого достойна!» И тут возникает вопрос: а что еще такого вечного сказал Валентин Катаев, чтобы его «Квадратуру» вытаскивать на зрителя в 2015 году? Не знаю, как другие, но я в постановке Максима Астафьева каких-то новых откровений и неожиданных акцентов не разглядел.

При этом спектакль получился бойким и динамичным, без скучных длиннот и провалов. Достаточно смешным он получился, если судить по реакции большинства зрителей. Полтора десятка актеров не выглядели хаотичной толпой на длинной и узкой, как школьный пенал, сцене, все их перемещения были простроены и просчитаны. И весь нехитрый скарб комнатенки из студенческой общаги оказался уместным и функциональным: скамейка, кровать с голой сеткой, козлы, свисающая с потолка

Сцена из спектакля «Квадратура круга». Дмитрий Плеханов (в роли Васи) и Анастасия Кузнецова (Людмила)

лампа с абажурным скелетом, стремянка... Только вот для чего весь огород городился, осталось непонятным.

Лоскутный какой-то сложился спектакль — как тот коврик, который застилает на своей половине жилплощади Людочка. Только коврик соткан из одного материала — разноцветных тряпочек, а спектакль — из трудносовместимых материй. Режиссер, похоже, так и не определился с жанром. В астафьевской «Квадратуре» что-то сохранилось от катаевского водевиля, но и фарс проскакивает, и лучик лирической комедии нет-нет да и сверкнет. А песен с танцами столько, что можно с музкомедией состязаться. Как-то не составились в единый узор лирическая героиня Анастасии Кузнецовой (Людочка) и прямоугольная до плакатной карикатурности Тоня в исполнении Анастасии Томиловой. И Вася с Абрамчиком в исполнении Дмитрия Плеханова и Дмитрия Чижук с ними не совпадали, потому что существовали в другом, водевильном измерении, в состоянии перманентной и чрезмерной экзальтации. Сложилось впечатление, что Плеханов, как Лаокоон со змеями, боролся на сцене не со своими чувствами к двум молодым женщинам, а с самой ролью. Ибо не объяснили ему толком, кого и как надо играть. Дима быстро прогрессирует как актер, но что ему дала роль Васи? Повторение успешно пройденного материала с целью его закрепления? Наверное, то же самое можно сказать и в отношении Чижук. По большому счету, Дима Чижук остался все тем же Люценцио из «Укрощения строптивой» — разве что костюм сменил да прекрасный объект для преклонения.

На протяжении двух часов сценического действия не покидало ощущение театрального напустника. Словно бы вышли артисты с установкой: «А давайте мы вас повеселим, кто как умеет!» Удачнее всего веселили актеры опытные, давно набившие руку на решении такой простой для них задачи, как этюд. К примеру, этюд «Поэт приходит в гости к друзьям». Или «Герой Гражданской войны приударяет за классово чуждой фифой». Или «Любовь пролетария и совслужащей». Публика всякий раз особенно воодушевлялась, когда в дверном проеме возникал поэт Емельян Чернозёмный. Антон Кирков вычертил запоминающийся шарж на поэтов разных эпох. С кем тут только не возникало ассоциаций, начиная с Демьяна Бедного и заканчивая нашими местными витиями. Справились со своей задачей и четыре пары персонажей, объединенных в группу «Гости-соседи». Им пришлось проще, чем четверке главных героев и Емельяну — слов почти не было (зачем они типажам?). Этих персонажей и вовсе не значилось в пьесе Катаева — восемь взрослых заменили одного Молчащего мальчика. Их появление в спектакле — находка удачная, спору нет. Но живо очерченные эпизодические фигуры лишь подчеркнули недоработанность, размытость главных. Не встроился их квадрат в круг остальных персонажей.

Возможно, одна из сторон этого квадрата могла бы стать ключом к барнаульской постановке. Катаев ко всему прочему в своей

пьесе вроде бы высмеивал «мелкобуржуазное мещанство». Но сам-то он никогда не был аскетом и фанатиком. Любил Валентин Петрович комфорт. И женщин любил. Ценил за их истинно женские качества и таланты. В том числе, за умение создать домашний уют и тепло. За вкусные котлетки. За нежные поцелуйчики. Мягкая, пластичная Анастасия Кузнецова с ее очевидными данными романтической героини старалась сыграть именно женское начало в своей героине. Настя ближе всего подошла к заявленному жанру спектакля — лирическая комедия. Остается только догадываться, каким бы получился спектакль, соблюди его авторы и исполнители все законы жанра.

А что, если Катаев размышлял о вечной противоречивости человеческой природы? Нам хочется открытий, славы, почестей, восхищения, при этом жизнь должна быть спокойной и сытой: подушечка, диванчик, мягкие

тапочки, домашнее молочко, дразнящие нос котлетки от любимой кошечки. Но возможно ли такое? В финале каждый вроде бы находит свою половинку. Сладкий хэппи-энд? Вот не уверен! В случае с Васей и Тоней все будет согласно бессмертной строчке про Гражданскую войну: «Дан приказ ему на запад, ей — в другую сторону». И так — всю жизнь. Потому что партия сказала: «Надо». А кто даст гарантию, что по прошествии какого-то времени Абрамчик не захандрит, вроде бы, на ровном месте, в своем уютном гнездышке и не признается самому себе: «С Тоней у меня была бы совсем иная жизнь». И захочет непременно увидеть свою бывшую жену. И круг замкнется.

Кстати, о названии пьесы. Квадратура круга — задача в математике знаменитая. Она заключается в нахождении способа построения с помощью циркуля и линейки квадрата, равновеликого по площади данному кругу. Задача считается неразрешимой. Вот и в этой постановке, сдается мне, не удалось найти ключика к прочтению всего того, что хотел сказать Валентин Катаев. ◀

/ Бийский драматический театр

ПОМИНАЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ

Спектакль как священный ритуал

Режиссер-постановщик
Михаил Вороновский
Художник-постановщик
Ольга Смагина

текст

ЛАРИСА
ВИГАНДТ

Три сестры:
Инга Вороновская (Саня), Наталья Казанцева (Софья), Людмила Семёнкина (Анна)

Все фото:
biyskdrama.ru

Бийский драматический театр представил в столице края спектакль «Саня, Ваня, с ними Римас» по пьесе Владимира Гуркина (1951–2010). Автор известен как сценарист фильмов «Любовь и голуби», «Прибайкальская кадрили».

Пьеса «Саня, Ваня, с ними Римас» написана в 2005 году. Это последнее произведение Владимира Гуркина имеет посвящение: «Дедам моим — Петру Рудакову, Ивану Краснощёнову, бабкам моим — Софье, Александре, Анне посвящаю. Великим труженицам и матерям, воинам, защитившим Родину нашу от фашизма, — вечная светлая память!»

В основу пьесы положена подлинная история семьи Владимира Гуркина, автор дает героям имена родственников.

Бийский театр посвящает свою постановку 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

«Саня, Ваня, с ними Римас» сделан просто, без особых театральных изысков — возможно, они не нужны этой истории, пронзительной, невероятной и вместе с тем этой своей невероятностью как будто и знакомой. Это повествование о войне и людях, попавших в ее жернова, — подобные истории в каждой российской семье найдутся.

У спектакля красивое запоминающееся начало, оформленное с помощью музыкальной композиции «Разлилась» в исполнении Пелагеи.

Первая сцена задает настроение. Чуткое вечернее время на реке. Насвистывают сверчки. Туман. Красивый женский голос филигранно выводит каждый звук протяжной печальной песни:

*Разлилась, разлилась речка быстрая,
Через тую речку перьякладника ляжит,
Там и шли-прашили три сястрычуники ...*

Тишина и тревога, красота и предчувствие беды одновременно присутствуют в пространстве.

На сцене русская глубинка, Урал, деревенька на реке Чусовой. Мы знакомимся с героями в июле 1941 года. Три родные сестры, их мужья, дети. Идет война, и «пол-Белоруссии уже захапали», но Чусовая далеко, и мужики пока рядом. Еще держится инерция мирной жизни: размеренная полевая работа, грубоватый деревенский юмор, баня, переходящая в застолье с песней о казаче — с пророческой песней.

*Шел казак через речку домой,
Шел домой молодой, холостой.
Обломилась доска,
Подвела казача,
Зачерпнул он воды
Са-а-а-па-а — го-о — ой.*

По окончании песни, которую исполняли артисты акапелла, раздалась первые аплодисменты. В этот момент история на подмостках стала общей, немислимим образом исчезло деление на сцену и зал.

Зритель принимает очарование того деревенского лада, который режиссер Михаил Вороновский дает возможность

почувствовать через неброский, но содержательный сельский быт, через вещный мир: деревянный интерьер, ситцевые платки на плечах, девичий венок, сплетенный из цветов, пышные банные березовые веники и даже полстакана мутного самогона (с устатку!).

Декорации в спектакле аскетичны и умны (респект художнику-постановщику Ольге Смагиной). Изгородь из жердей и длинный, с наклоном, мосток организуют сцену таким образом, что создается ощущение открытого горизонта. Мосток к тому же — декорация-конструктор, он разбирается на стол, скамью, забор, и позволяет легко и быстро менять место действия: у речки, во дворе, за околицей, в горнице.

Первый акт завершается сценой тайных проводов на войну. Ваня (артист Владимир Лагутин) и Петр (Артём Фоменко) ждут повестки в военкомат, а получилось, что едва не дождались ареста. Предупрежденные местным милиционером Римасом (артист Юрий Жуков), они бегут ночью от НКВДешников на фронт.

Второй акт переносит нас в 1949 год. На сцене старшая сестра Нюра (артистка Людмила Семёнкина) на сцене была по-настоящему старшей сестрой, такую можно слушаться и доверяться ей) и ее племянница Женя (артистка Ксения Бушманова). Из их диалога зритель узнает, что Пётр погиб, Софья, не выдержав этого известия, умерла от разрыва сердца. Не стерпев своего бессилия, повесился муж Анны. Иван пропал бесследно. Саня (артистка Инга Вороновская) проводила мужа в 1941-м, и за восемь лет не получила ни одной весточки: ни письма, ни похоронки.

Сколько можно ждать? И Саня, чуть-чуть выпив для храбрости, объявляет родственницам, что «жить вместе

Сцена из спектакля «Саня, Ваня, с ними Римас». Инга Вороновская (Саня) и Владимир Лагутин (Иван)

с Римасом намылились». Без Римаса, доброго, справедливого, заботливого, не выдюжить бы сестрам и детям в лихолетье. В этот же день объявляется Иван — седой, по всему видно, нахлебался.

Кто кого не дождался? Кто перед кем виноват в этой троице? Саня? Ваня? Римас? Укорить некого. У каждого своя правда. Саня честно ждет мужа восемь лет. Римас следует литовскому обычаю, его и пересказывает Ивану. Древняя заповедь предписывала женщине ждать своего воина, не подающего вестей, три года, а потом вольна выбирать. А если выбрала, а тут прежний на пороге, — что делать? Устраивали коридор из костров, по шесть с каждой стороны, сквозь него должна была пройти женщина. Если выдержала, прошла и осталась невредима, даже волос не подпалила — значит, чиста она, и имеет право жить, с кем пожелает. А Саня больше костров прошла, считает Римас.

Только правды Ивана зритель пока не знает. Иван Дементьевич рассказывает свою войну. Был в плену 11 дней, сбежал. Партизанил. В отряде встретил радистку, тоже Саней оказалась. После войны собирались каждый к себе домой ехать. «А не получилось, — говорит Ваня. — Поехал с ней. Бабка умерла, дочка потерялась. Два года искали. Нашел. В сорок седьмом, когда мать умерла. Израненная вся. И ног у ней не было. Подорвалась в Берлине. Сразу после победы. На себе ее таскал. Почти два года с бабами в бане мылся. Пускали к себе в женское отделение, чтоб ее помыл, заодно и сам. Чё-то мне... такие хорошие люди всю жизнь попадаются!» — едва не плачет Иван Дементьевич.

К слову, киноэкранизация по пьесе называется «Люди добрые».

Виноватится Ваня перед своей Саней. Да, не писал, потому что не знал, как написать: «В письме разве объяснишь?»

Достойные люди, совестливые, все трое не чужие друг другу, пуд соли друг с другом разделившие. Как поступит Саня? Кого выберет — оба родные?

Саня оставляет бутылку первача своим мужикам и ставит условие: «Кого утром застану, с тем и буду жить. И чё хотите, про меня думайте».

Ушел Римас.

В рецензии на спектакль не принято пересказывать содержание пьесы, но сейчас не тот случай. В постановке «Саня, Ваня, с ними Римас», какими бы ни были игра актеров, сценография, свет, режиссерские придумки, первостепенной останется сама история. Нам кажется, для бийской труппы главным было не пережить в эмоциях, не сфальшивить. И слава богу, никто не кричал. Пронзительную военную драму сыграли тихо, вполголоса, будто уставший путник рассказал о самом сокровенном. Такая интонация подкупает, вызывает доверие. Сдержанную боль выражает музыка, звучащая в спектакле, это русские народные песни в исполнении современных певиц Инны Желанной и Пелагеи.

*Коло леса косяк носит,
Ай, он косит и голосит...*

Герои понятны и близки зрителю, в них узнаются родные люди. Подумалось, что бийские актеры, работая над ролью, обращались к семейным преданиям, рассказам родственников, да и к своему житейскому опыту, который всегда пригодится в истории о настоящей любви, о верности, о горьких судьбах. О долге, что выше любви.

История, поставленная бийчанами, приобрела магическую силу, уподобилась священному ритуалу, оживляющему память зрителя. Рядом с Саней, Ваней, Римасом, Петром, Софьей, Анной и Женей незримо встали другие бабушки и деды. Зрители вспоминали своих родных людей, чьи судьбы оказались впряженными в повозку войны, — они вытянули, защитили Родину. Лиза, Коля, с ними Ваня. Толя, Гриша, Емельян...

Много имен. Их бесконечное название напоминает чтение поминальных записок в церкви.

Постановку «Саня, Ваня, с ними Римас» посвятили Победе не только автор пьесы Владимир Гуркин, но только бийский театр, но и зрители, пришедшие на спектакль. ■

Эскизы Тюно Пушкинцу

Сцена
из спектакля
«Моцарт
и Сальери».
Дмитрий Чижук
(в роли Сальери).
Фото Александра
Волобуева

С 1 по 7 июня в краевом театре драмы им. В.М. Шукшина работала творческая мастерская «С Пушкиным на дружеской ноге». Благодаря тому, что эксперимент получил грантовую поддержку Губернатора Алтайского края, Барнаул познакомился с интересными молодыми режиссерами из других городов страны.

текст

ЛАРИСА
ВИГАНДТ

Краткосрочная театральная лаборатория преследовала несколько целей. Во-первых, знакомство с молодыми режиссерами из разных городов страны. Во-вторых, отбор для большой сцены наиболее удачной эскизной постановки. В-третьих, после просмотра предусматривалось живое общение зрителей с постановочной группой в режиме вопрос-ответ. Безусловно, на таких мероприятиях и актеры проверяются, что называется, в деле, и театр присматривается к режиссерам на будущее.

Итак, четыре режиссера-постановщика представили свой взгляд на творчество Александра Сергеевича Пушкина. В качестве сценарной основы были взяты три пьесы из «Маленьких трагедий» и «Станционный смотритель» из цикла «Повести Белкина».

Артём Устинов (26 лет) из Самары готовил к постановке «Скупого рыцаря», Александр Вахов (31 год) из Екатеринбурга — «Пир во время чумы», Александр Шляпин (38 лет) из Иркутска поставил «Моцарта и Сальери» и наш, барнаулец, Максим Астафьев (34 года) выбрал «Станционного смотрителя».

С 1 по 5 июня шли репетиции, а 6 и 7 июня на экспериментальной сцене давали по две премьеры. Все показы шли с аншлагами. Нам, к сожалению, не удалось увидеть эскиз Артёма Устинова, но по поводу трех других спектаклей есть что сказать.

«Моцарт и Сальери» Андрея Шляпина интересен уже тем, что режиссер вводит в постановку действующие лица, которых нет у

Пушкина. Вместе с композиторами-антиподами на сцену выходят оркестр, состоящий из десяти юных музыкантов (в этой роли выступили первокурсники актерского отделения Алтайской академии культуры и искусств), и Муза — красивая хрупкая девушка в белом воздушном платье (артистка Ольга Любичкая).

Стихи Пушкина сопровождаются пластическими диалогами, возникающими между Сальери и Музой, Моцартом и Музой. Пластические мотивы, конечно, диссонансны по отношению друг к другу.

Сальери (артист Дмитрий Чижук), читая знаменитый монолог «Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет — и выше...», пытается обратить внимание внимание Музы на себя — она отворачивается. Он пытается задобрить,

погладить, приласкать, поцеловать — Муза прячется. Взять силой — убегает.

Появляется Моцарт (артист Вадим Заика) — Муза смеется, стремится к нему, дурачится с ним, играет в перышко.

В этот момент, под музыку Моцарта, вступают оркестранты — они тоже играют с перышком. Легкого дуновения достаточно, чтобы оно поднялось ввысь, и плавно, невесомо, подчиняясь дирижерским движениям рук музыкантов, кружилось в воздухе. Тончайшей невидимой ниточкой (не удивимся, если волосом) перышко привязано к пальцу.

Прекрасная режиссерская находка, на наш взгляд.

Перышко, легкое, воздушное, послушное, — символ музыки Моцарта. Эту же идею отразит пластический рисунок: Моцарт берет Музу на руки.

А что символизирует музыку Сальери? Камни, падающие на лист железа, — лязг, скрежет — невыносимый звук.

Главные герои — Моцарт и Сальери — получают от режиссера Шляпина двойной визуальный образ. О каждом из них рассказывают Муза и предметы, с которыми они появляются на сцене: перышко и камни.

Нам показалась интересной лепка кульминации эскизного спектакля. Муза мечется, она пытается удержать от злого умысла Сальери, умоляет его на коленях. (Прекрасно зная финал пьесы, надеемся, надеемся: а вдруг...) Сальери отбрасывает Музу. Моцарт еще жив, еще говорит о Реквиеме, но Муза,

Сцена из спектакля «Моцарт и Сальери».
Дмитрий Чижук (в роли Сальери), Ольга Любичная (Муза) и Вадим Заика (Моцарт).
Фото Александра Волобуева

недвижно лежащая на столе, уже накрыта черной тканью. Погибнет Моцарт — Муза воскреснет, на ней будет черный, с капюшоном, плащ. Сколько добавочного смысла внес в спектакль образ Музы! Как выразительны пластика и мимика актрисы Ольги Любичной!

Достоинно выглядят на сцене молодые актеры Вадим Заика и Дмитрий Чижук. Вадиму удалось быть наивным, чистым, доверчивым — очень помогает молодому актеру открытая натура и хорошая улыбка.

Дмитрий Чижук смог показать игру, совершенно отличную от той, что давал неделю назад в роли влюбленного Абрама в спектакле «Квадратура круга». Салье-

ри Дмитрия Чижук получился монотонно мрачным, беспросветным. Настолько, что влепил пощечину Моцарту. Смысл понятен: Моцарт улыбается, готов подставить вторую щеку. Сцена с пощечиной — наряду с еще одной, где Сальери на глазах у Моцарта, не скрываясь, вливает яд в бокал, — запоминается, удивляет. Режиссер, по сути, достиг цели: ошеломил зрителя, заставил думать. Не чересчур ли? Действительно Сальери мог ударить Моцарта? А тот улыбнулся в ответ?

Шляпин намеренно доводит градус порока (зависти, наглости у Сальери) и добродетели (внутренней силы у Моцарта) до предела, тем самым заостряет рисунок роли настолько, что его не заметить невозможно.

По мнению зрителей, в интонации Сальери можно было подмешать еще красок, например, испуга от совершенного злодеяния, самооправдания. Андрей Шляпин согласен с предложением, и, случись дорабатывать эскиз до полноценного спектакля, направления развития и шлифовки действия для него ясны.

Эскизный показ Андрея Шляпина зрителям, актерам и режиссерам понравился, постановщик из Иркутска продемонстрировал богатое воображение, умелую работу с актерами, бережное отношение к авторскому тексту.

Самой эксцентричной оказалась постановка Александра Вахова «Пир во время чумы».

Сцена из спектакля «Пир во время чумы».
Фото Андрея Луновского

Пирующие выглядели как адепты новоявленной молодежной субкультуры, позаимствовавшие внешний облик сразу у нескольких предшественников: бомжей, гóтов и прочих шрэков зарубежной мультипликации. Интерьер их обитания не выскателен — стол и пустые железные бочки. Режиссер придумал для героев оригинальный ритуал общения. Председатель Вальсингам (артист Константин Кольцов), молодой человек (Юрий Антипенков), Мери и Луиза (Анастасия Томилова) пробуждаются к жизни и отключаются от нее с помощью трех ударов кулаком в сердце, в общении используют странное предыхание-шипение рептилий, «пьют» белый порошок из кружек. Стол и сами герои также густо присыпаны чем-то белым. В сочетании с тем, что в действии использовался пульверизатор, распыляющий дезинфицирующую субстанцию белого цвета, то складывалось впечатление, будто четверо смелых и питаются чем-то вроде дуста. Другие зрители предположили, что белый порошок имитировал кокаин, этот вариант, конечно, больше подходит для «безбожных безумцев» в «безбожном пиру».

С картинкой апокалипсиса, чумовыми героями, пиршеством и развратом все удалось. Получилось ли остаться с Пушкиным на дружеской ноге? Тут, вероятно, будут разные мнения.

Авторский текст был плохо слышен в зрительских рядах, а в тот момент, когда железная бочка уподобилась барабану, Пушкин

Сцена из спектакля «Пир во время чумы».
Константин Кольцов (в роли председателя Вальсингама), Анастасия Дунаева (в роли Мери).
Фото Андрея Луновского

и вовсе потерялся. Совершенно справедливо прозвучало замечание от зрителей: «Бережнее, пожалуйста, со словом Пушкина». Единственным внятным эпизодом стала песня Мери (артистка Анастасия Дунаева), исполненная на мотив песни, звучащей в третьей серии кинофильма «Маленькие трагедии» (1979, режиссер Михаил Швейцер). Автор музыки, как известно, Альфред Шнитке.

Александр Вахов изменил финал инсценировки, заострил, так сказать, под современность: пирующие забивают насмерть священника, призывающего прервать чудовищный пир, а председателя следовать за ним.

В криминальном финале «Пира во время чумы» нет никакой погрешности против наших дней. Напротив, автор постановки берет непридуманный случай из новостной ленты. Вахов по-режиссерски смело замахивается на классику. Однако такой подход имеет как сторонников (некоторым зрителям прочтение постановщика, разрушающее стереотипы, понравилось), так и противников.

У Александра Сергеевича драматическое произведение заканчивается ремаркой: священник «уходит. Пир продолжается. Председатель остается, погруженный в глубокую задумчивость».

Сравнивая два финала, мы спешим найти душевное укрытие под сводом пушкинского слова.

Экстравагантная постановка Александра Вахова, без сомнений, остается в памяти. Но по прошествии нескольких дней

«Чума» вспоминается, как эпизод рок-концерта, где честно и от души долбили heavy metal: громко, агрессивно, на английском языке.

Если говорить о личном восприятии трех сценических эскизов, то «Чума» показалась пушкинской менее всего. Однако творческий почерк режиссера все же привлек внимание. У Вахова есть драйв, быстрый продуктивный стиль работы, чутье на исторические ассоциации.

Замечательный сценический эскиз по повести «Станционный смотритель» создал Максим Астафьев. Его постановка — атмосферная, чувственная, есть в ней лиричность и трогательность, добрый юмор и тяжесть сердца, напряжение и катарсис.

Под шум дождя за окном течет нехитрая жизнь в комнатке станционного смотрителя. Просто и вместе с тем полно иллюстрирует режиссер отношения отца и дочери — они проникнуты заботой. Отец прилег отдохнуть — дочь накрывает его шалью; дочь прикорнула на своих табуреточках — отец спешит накинуть ей плед на ноги. Действия актеров лаконичны, а мизансцены содержательно точны.

Реплики героев «сделаны» из авторского текста повести. Прием не новый, интересный, и у Астафьева получившийся чисто, органично.

Середина спектакля насыщена сценическими метафорами и удивительна по настроению.

Максим Астафьев придумывает два танца — белых лошадей (на которых богатые проезжие прибывают на станцию смотрителя) и сивых лошадок (выдаваемых взамен бедным зрителем путнику).

В «белом танце» гарцуют породистые горячие лошади — балерины в белоснежных пачках, с длинными пышными хвостами, собранными на затылке, бойко бьют копытами.

В «сивом танце» в круг выходят деревенские усталые кобылки — тетушки, в лаптях, посконных юбках до пят, ситцевых блузах, глухо повязанных платках, и — какая прелесть: у одной лошадки из-под платка торчит ухо. В ритме неспешного вальса коняшки (Елена Адушева и Анастасия Кузнецова) с низко опущенными головами перебирают на месте заученный танцевальный шаг. Как тут не вспомнить

знаменитый танец белых лебедей и не ответить на добрую улыбку режиссера?! Аллюзия на самую знаменитую хореографическую постановку вызывает в зале смех, радостное возбуждение. Изобретательно! Очень!

Не менее привлекательны эпизоды, рассказывающие о первых нежных чувствах Дуни (актриса Анна Бекчанова) и заезжего гусара (артист Иван Дорохов). Максим Астафьев и здесь проявляется как заядлый выдумщик. В построении сцен он использует длинную струганную доску — предмет декораций. Вся сценография — три доски и восемь табуретов.

Доска станет каруселью, на которой гусар со всей бережностью кружит Дуню. Потом — качелями: с двух сторон взявшись за доску, старик и гусар качают Дуню. Эта же доска выступает

и архитектурной конструкцией, и дорожкой — знаком гостеприимства, и, в конце концов, превратится в гробовую доску для стационарного зрителя. Строенные доски, всученные ротмистром-похитителем старику в руки, символизируют душевную тяжесть, отцовскую боль — под таким грузом невозможно сдвинуться с места, можно только упасть. Хочется отметить, что актеру Владимиру Громову, исполняющему роль стационарного зрителя, очень подходит эта роль.

Максиму Астафьеву хорошо дается работа с образом. В качестве доказательства приведем другую недавнюю его постановку в театре драмы — «Квадратура круга» по пьесе Валентина Катаева, в которой весьма оригинален образ комсомолки Тони (артистка Анастасия Томилова). Красное платье, затянутое ремешком, комсо-

мольский значок, прямая осанка, высоко поднятая голова и хождение строевым шагом с неприменными поворотами под прямым углом. В «Квадратуре» определенный пластический рисунок есть у всех персонажей, но правильная Тоня — просто чудо. Ассоциативно вспоминается картина нашего алтайского художника Альфреда Фризеня «Гладильщица» (1999), где образ создается идеально прямыми, отутюженными, линиями и острыми углами, а кисть руки похожа на треугольную платформу утюга. Красный цвет платья гладильщицы встает в параллель с ее раскаленным рабочим инструментом. Примерно также рождается образ у Астафьева, только суть его выражается в характерных движениях, costume, фигурах речи.

И если в мещанском укладе (другая героиня «Квадратуры» — Людмилочка в исполнении Анастасии Кузнецовой) ничто не меняется, потому и в театре создается он уже целое столетие одними и теми же приемами, то такую строгую героиню, как Тоня, в нынешней жизни не найти. А какие-то тридцать лет назад с девушками-комсомолками, безупречной репутации, преданными до мозга костей партии и правительству, можно было встретиться в каждой школе. Так что Астафьев совершил воскрешение характера, типажа.

Вернемся к «Стационарному зрителю». Спектакль вышел и содержательным, и в полной мере эскизным, в нем чувствуются незаполненные пространства, которые при движении постановки к большой сцене можно нагружать новыми образами. Инсценировка и сейчас затейлива — а как она может развиваться в полной форме! («Чума», например, выглядит законченным эпизодом, и энергии роста в ней не чувствуется).

«Стационарному зрителю» есть, куда расти, а режиссеру Астафьеву есть, что сказать.

Театральная мастерская «С Пушкиным на дружеской ноге» выявила колоссальные актерские и режиссерские ресурсы. За предельно короткий репетиционный срок (5 дней) постановочные труппы создали интригующие сценические эскизы, было бы интересно увидеть развитие каждого из них. ◀

Сцена из спектакля «Стационарный зритель».
Анна Бекчанова (в роли Дуни) и Иван Дорохов (заезжий гусар).
Фото Андрея Луновского

Сцена из спектакля «Стационарный зритель».
Владимир Громов (в роли стационарного зрителя).
Фото Андрея Луновского

История головокружительного успеха фильма «Москва слезам не верит» памятна многим. Многие знают и тот факт, что судьба исполнительницы главной роли — народной артистки России Веры Алентовой была связана с Барнаулом. Именно Барнаул predetermined ее выбор профессии, и именно в Барнауле она получила тот жизненный опыт, который пригодился ей на съемках легендарной картины. Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтай обратился к Вере Валентиновне с просьбой рассказать о барнаульском периоде своей жизни. И актриса откликнулась.

Елена Огнева

Барнаульская новелла

текст

ВЕРА АЛЕНТОВА

Моя мама Алентова Ирина Николаевна и мой отчим Усовиков Юрий Георгиевич, будучи прекрасными провинциальными актерами, как большинство из них, с помощью театральные биржи часто меняли города и театры, в которых служили. Так наша семья в 1958 году оказалась в Барнауле.

Родители работали в Алтайском краевом театре юного зрителя, а я пошла учиться в девятый класс. Жили мы на улице Ленина. Школа: прекрасное белое здание с широкими окнами, была рядом — на площади. В последний мой приезд в Барнаул со спектаклем «Пизанская башня», с сожалением узнала, что это прекрасное здание теперь уже не школа*. Когда я перешла в десятый класс, выяснилось, что школу переводят

на одиннадцатилетнее обучение. Мне не хотелось учиться лишней год, и я перевелась в школу-десятилетку. Не помню ее номера, мне даже друзей там завести не удалось. Все мои друзья остались в той светлой школе, и я продолжала общаться с ними (общаюсь до сих пор, правда теперь, все реже: открытки на праздники и только). Самыми близкими подругами стали Лида Котова (она до сих пор живет в Барнауле) и Люда Уланова (живет теперь в Липае). Обе окончили одиннадцатилетку в той прекрасной школе, получили высшее техническое образование и всю жизнь с увлечением проработали и детей вырастили.

Мой дед был врачом, и мама моя мечтала, что и я стану врачом. Я не возражала. Мама не хотела для меня актерского пути, потому что считала, что в актерской профессии слишком многое зависит от везения и удачи. А если не повезет?

«Нет, уж лучше иметь в руках профессию, не зависящую от капризной удачи», — считала мама.

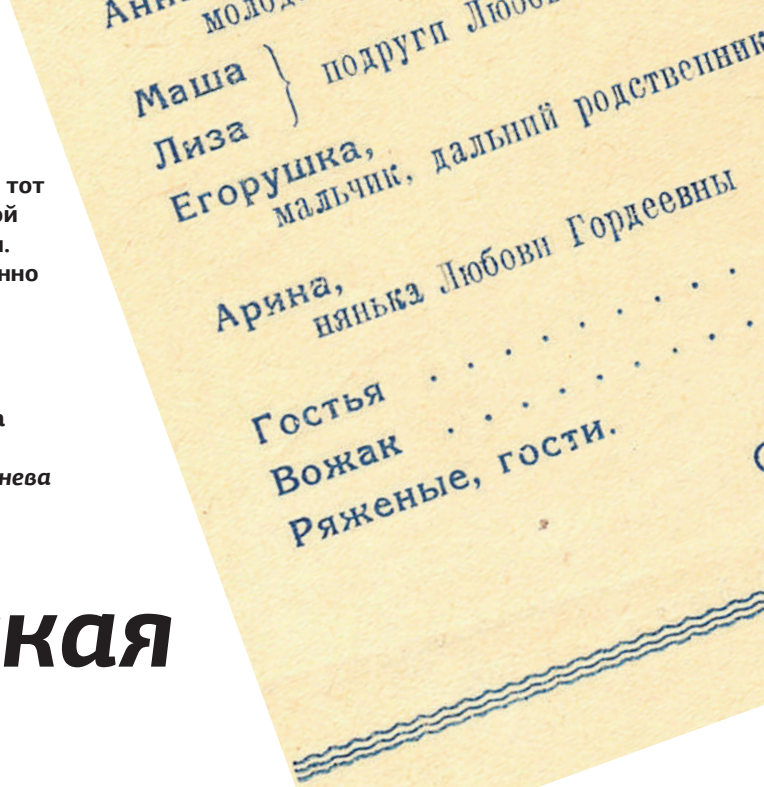
* Речь идет о школе № 25 на Октябрьской площади. В 1990 году она стала называться «Российско-американская профессиональная школа» (РАПШ). В настоящее время в здании, переданном Государственному художественному музею Алтайского края, ведутся строительно-реставрационные работы.

Проходная Меланжевого комбината. Барнаул. Конец 1950 — начало 1960 годов.
Все фото предоставлены ГМИЛИКА

Мне казалось, что и я так считала. Подала документы в барнаульский медицинский институт. В школе я училась хорошо и экзамены в институт сдавала хорошо. И вдруг, гуляя по улице и готовясь к последнему экзамену по английскому языку, я увидела объявление, что Алтайский краевой театр драмы объявляет набор юношей и девушек для работы в массовых сценах и для исполнения маленьких ролей. В моей душе вдруг вспыхнул пожар, и я рванулась в театр на прослушивание. В тайне от своих! Прочитала все, что знала наизусть, и меня взяли! В Алтайский! Драматический! Театр! Статистом. Я едва не лопнула от гордости, быстренько сдала в медицинском английский на тройку — в результате не добрала баллов и не поступила, чем очень удивила маму, так как она знала, что у меня школьный английский был приличным.

Посвятила в свою тайну отчима, и мы с ним стали думать, как рассказать об этом маме. Будучи человеком молодым, горячим и нетерпеливым, я решила ничего не придумывать, а гордо и честно все рассказать маме. Я была уверена, что она тоже будет гордиться мной, ведь меня же выбрали из множества. Так и сделала.

И разгорелся скандал. Да какой! Досталось и моему бедному отчиму! Мне было сказано,

Торцова
 ШИНКИНА Г. С.
 АЛЕНТОВА И. П.
 КОВАЛЬЧУК П. Д.
 Верхова Э. Д.

**АЛЕНТОВА
 ВЕРА ВАЛЕНТИНОВНА**

родилась в городе Котлас Архангельской области. Советская и российская актриса театра и кино. Народная артистка России (1992). Лауреат Государственной премии СССР (1981) за фильм «Москва слезам не верит». Фильм получил высшую награду американской академии киноискусств – «Оскар». Приз «Сан-Мишель» на международном кинофестивале в Брюсселе за лучшее исполнение женской роли («Москва слезам не верит»).

**Ирина
 Николаевна
 Алентова**

что непрофессионалам в театре делать нечего и, если я, оказывается, захотела быть актрисой, не надо трусить и поджимать хвост, а надо ехать в Москву и поступать в театральный вуз и получать профессиональное образование. Вердикт, вынесенный мамой был такой: «Если ты талантлива — тебя примут, если бездарна — нечего делать в театре».

«Но в этом году ехать уже поздно, а статистом уже взяли, может быть...», — пытались мы с отцом урезонить разбушевавшуюся не на шутку маму. «Никаких статистов! — отрезала она. — Хочешь быть артисткой — пока поработай. Раз опоздала поступать, узнай жизнь — артисту это необходимо».

Я устроилась на работу на Барнаульский меланжевый комбинат. Специальность: сшивалка-накольница. Цех был очень шумным, станки ткали разные по диаметру шнуры, а я их накалывала на спицы по несколько штук — это если диаметр большой, а если маленький — пришивала к железным прутьям. Потом эти шнуры окунали в какой-то раствор, высушивали и получались жесткие трубочки, в которые продевали электрические провода. Железные прутья и спицы были тяжелыми, их нужно было самой приносить с улицы. Гудок на комбинате раздавался в семь или восемь утра. Вставать надо было затемно, зимой холодно, автобус переполнен, втиснуться в него надо суметь, цех шумный, прутья тяжелые и холодные — мне семнадцать лет, и я работаю только четыре часа, так как несовершеннолетняя. Но за эти четыре часа, не имея

**Вера
 Алентова.
 Середина
 1960 годов**

никакой привычки к такого рода физическим нагрузкам, я выматывалась ужасно. Мне было тяжело, но у меня характер в маму. Уж она ни разу не пожалела меня, и я ни разу ей не пожаловалась.

Настало лето, я поехала в Москву и поступила в Школу-студию при МХАТ им. Горького.

Много позже я приехала в Барнаул на гастроли с театром им. А.С. Пушкина, и меня пригласили на Меланжевый комбинат. Я походила по комбинату и вспомнила свои трудные восемь месяцев работы. От комбината в подарок я получила модную тогда белую джинсовую ткань.

Я была благодарна и маме, и комбинату за это мое узнавание жизни, так как оно мне действительно пригодилось. Моя Катя Тихомирова из «Москва слезам не верит» тоже, не поступив в институт, работала в шумном цехе, и поэтому на съемках в цехе я была своя,

я знала, как ведут себя люди, работающие в таких цехах.

Когда мне было восемь лет, мы жили в городе Кривой Рог. У мамы попросили моего участия в спектакле: девочка, играющая эту роль, заболела. Мама согласилась, и я пришла на репетицию. Сразу поняла, что от меня требуется, и сразу запомнила текст. Репетиции было всего две — девочка выздоровела, и сыграть роль мне не удалось, но актрисой я почувствовала себя уже тогда и именно поэтому, увидев объявление о наборе статистов в Алтайский драматический театр, в моей душе вспыхнул пожар, и я как будто вспомнила что-то очень важное, дремавшее во мне.

А не будь этого объявления? Я бы стала врачом?..

Но ведь оно же было! Было!

Нет ничего случайного в нашей жизни. ◀

текст

ГАЛИНА
ПРЕСС

В Бийске прошли праздничные мероприятия, посвященные 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, к празднику готовились более полугода.

Марш победителей

Такого подъема, такого поистине всенародного единения в России не было давно.

Девяностые годы попытались отнять у нас не только чувство многонациональной солидарности, но и гордости за свой народ, за принадлежность к России. Попытки ополчить и свести на нет роль наших дедов и прадедов с новой силой возобновились в наши дни.

Олицетворением духа победы, связи поколений стал многомиллионный «Бессмертный полк», прошедший не только в городах и селах России, но и в других пятнадцати странах, в том числе Израиле и в США (в Нью-Йорке).

В Бийске еще до начала парада улицы, на которых проходило шествие, с обеих сторон были до отказа заполнены народом.

Более 5 тысяч бийчан несли фотографии своих близких, отдавших жизнь за Победу.

В праздничных колоннах горожан шли школьники и студенты, работники более двадцати предприятий, бизнесмены. Люди шли семьями, с цветами и воздушными шарами. Город ликовал. Город празд-

**Дирижер
сводного бийского
хора Людмила
Гордняян** (третья
слева), **дирижер
Президентского
оркестра Службы
коменданта
Московского
Кремля,
полковник
Евгений Никитин**
(шестой слева).
Все фото
предоставлены
автором

новал. Город чтит имена своих героев — солдат и работников тыла.

Бийск в Великую Отечественную отдал фронту 25 тысяч лучших сыновей и дочерей, 11 141 из них погибли. Небольшой сибирский город принял огромное количество эвакуированных и стал городом госпиталей. Из Бийска на фронт шли эшелоны с продовольствием. Бийск поставлял лекарства, махорку и спички, обмундирование, брезент, лыжи. Заводы выпускали гранаты и взрывчатку.

Вот почему для бийчан День Победы — святой праздник. И город праздновал с размахом. Концертные программы продолжались в течение дня на всех площадках города. Оставим без комментариев приглашенную для выступления в районе Зеленого Клина группу «Герои». Она хотя и из Москвы, и имеет немало фанатов среди бийских подростков, все же, думается, что это был далеко не лучший выбор для столь массового праздника.

Особо стоит сказать о программе в микрорайоне АБ, где проживают труженики современной обо-

ронной промышленности. Здесь была подготовлена замечательная традиционная программа с участием ведущих взрослых и детских самодеятельных коллективов и профессиональных артистов.

В десять часов вечера под залпы трех салютов на бульваре Петра Великого, в Зеленом Клине и микрорайоне АБ звучала песня «День Победы». Это было здорово! Прекрасно! Патриотично.

Праздник все же подпортили ложкой дегтя. Руководители города, уехав на персональном транспорте, не позаботились о горожанах. Днем участники парада, в том числе и ветераны, и родители с маленькими детьми, были вынуждены часами стоять в ожидании общественного транспорта. А вечером, после салюта, артисты, с энтузиазмом отработавшие праздничную программу, добирались домой до двух часов ночи. Городской транспорт завершил работу за пять минут до начала салюта!!! Таксисты подняли цены в три-четыре раза.

Завершением праздничных торжеств стал приезд 12 мая в Бийск Президентского оркестра Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны России, приглашенного по инициативе Губернатора Алтайского края Александра Карлина. Оркестр привез программу «Марш Победителей», с которой выступил также в Барнауле и Белокурихе. В Барнауле он принял участие в исторической реконструкции «Взятие рейхстага» на площади Сахарова.

Возможно, что избалованные активной музыкальной и концертной жизнью барнаульцы, имеющие возможность постоянно посещать концерты местных и гастролирующих коллективов, не нашли в выступлении этого коллектива особой новизны и исключительности. По мнению некоторых из них, исполнение было высокопрофессиональным, безупречно чистым, но при этом классическим, стандартным. Мне же, напротив, показалось, что именно такое, безупречно точное исполнение музыки, в авторских партитуре аранжировке. И должно иметь место в подобных программах.

Более того, бийчане получили возможность поработать с этим замечательным коллективом, возглавляемым начальником оркестра Верой Крыловой.

Бессмертный полк: ученики 2Б класса школы № 17 г. Бийска с портретами прадедов — участников Великой Отечественной войны

В бийскую программу были включены популярные лирические песни, довоенные, военные и послевоенные. Их исполнял сводный хор, в состав которого вошли Бийский академический муниципальный хор, Бийский академический хор ветеранов «Садко» (ФНПЦ «Алтай») и хор учащихся Бийского музыкального колледжа. Над программой работали дирижеры: Станислав Лукин, Людмила Гюрджян и Елена Жукова. Сводным хором руководила и управляла художественный руководитель и дирижер Людмила Гюрджян. В процессе совместной репетиции дирижер оркестра, заслуженный артист России, полковник Евгений Никитин предложил Людмиле Гюрджян дирижировать а сарел'ной песней «На кургане», с чем она, преодолевая сильнейшее волнение, блестяще справилась.

Во время репетиции было очень интересно работать с Евгением Никитиным. Его замечания и рекомендации были точны, лаконичны и понятны. А о возможности петь с оркестром, да еще такого уровня, бийчане и мечтать не могли. Ради такого случая семидесяти-, восьмидесятилетние ветераны труда из «Садко» отстояли на ногах семь часов репетиций и концерта. Зал был воодушевлен. Он приветствовал артистов не только аплодисментами, но и одобрительными выкриками.

Конечно, ожидали не менее высокого уровня от вокалистов. Понравился мягкий, бархатный тембр голоса лауреата международных конкурсов Олега Диденко, исполнявшего песни военных лет и песню Окуджавы «Нам нужна одна победа». В полный восторг привел слушателей великолепный голос учащегося Московской городской ДМШ им. Гнесиных Тимура Гоюшова, столь юный и уже столь профессионально сформированный. Правда, другие вокальные исполнения оставляли желать лучшего. По-разному отнесся зритель и к выступлению артистов Детского музыкального театра юного актера (руководители заслуженный артист РФ Александр Федоров и заслуженный учитель РФ Алла Тарасова). Коллектив продемонстрировал любительский вокал, а сценическая постановка, достаточно суетливая, скорее мешала слушать песню, чем дополняла ее. Быть может, стоило дать возможность выступить местным солистам? Не знаю.

Но зато как звучал оркестр! Как великолепно дирижировал Никитин! Это выступление стало прекрасной кульминацией юбилейных концертов.

ВАЛЕРИЙ КОТЕЛЕНЕЦ

ПАМЯТИ МАТЕРИ

1
На погосте оркестрик хрипит.
И дрожащие горбятся спины.
И доска гробовая гремит
под промёрзшими комьями глины.

Музыканты уходят. Пора...
В горле комьями боли застряли
те слова, что забыли вчера,
а сегодня сказать — опоздали.

Вот и всё... Нету силы идти
в эту жизнь, в эту тьму без просвета,
где последнее наше «прости»
никогда не дожждётся ответа.

Вот и всё... Только холод и мрак.
Только крик на все стороны света:
«Что же дальше-то? Дальше-то как?..»
Словно кто-нибудь ведаёт это.

2
Опять, замерев осторожно,
за ручку дверную берусь.
И слух напрягаю тревожно.
И ключ повернуть не решусь.
Опять я стою и не верю,
что пуст по-сиротски наш дом,
что ты не хлопчешь за дверью
в халатике старом своем,
что некому больше на свете
сказать, отпирая замок,
слова немудрёные эти:
— Ну что ж ты так поздно, сынок?..

3
Над пристанищем вечным твоим
шелестят облака и года.
Все дороги ведут не в Рим —
все дороги ведут сюда.

Спи, родная. Так много лет
ты как следует не спала.
Здесь не надо вставлять чуть свет
и кружить от печи до стола.

Не латать тебе больше дыр
и не плакать на кухне тайком.
Спи. Твой сумрачный тихий мир
где-то там — за добром и злом.

Спи. В свой час по следам твоим
я приду к тебе навсегда.
Все дороги ведут не в Рим —
все дороги ведут сюда...

КОТЕЛЕНЕЦ ВАЛЕРИЙ СТЕПАНОВИЧ

родился в 1954 году в городе Асино Томской области. Среднюю школу окончил в Барнауле. Работал слесарем на заводе, монтировщиком сцены и актером в кукольном театре, сторожем, дворником, уполномоченным бюро пропаганды художественной литературы при Алтайском отделении Союза писателей СССР, санитаром скорой помощи, художником-оформителем. Публикуется со второй половины 1970 годов. Автор шести книг поэзии и прозы. Член Союза писателей России (2001). Лауреат муниципальной премии г. Барнаула (2002). В 2015 году стал победителем в краевом конкурсе на издание литературных произведений в номинации «Поэзия».

* * *

К друзьям навевываясь в гости,
как оттянувший плечи груз,
в прихожей вешаю на гвоздик
свою поношенную грусть.

Я отхожу, отогреваюсь,
шучу со всеми наравне.
И понемногу забываюсь.
И так легко бывает мне.

А грусть, покуда не тревожа,
на время душу не садня,
висит на гвоздике в прихожей
и дожидается меня.

* * *

В бесцельной сутолоке,
в поисках напрасных
проходят наши лучшие года.

Мы — только куколки
тех бабочек прекрасных,
которыми не станем никогда.

* * *

Будет ночь соловьёв и зарниц.
Будет на пол стекать одеяло.
Лепестки своих гибких ресниц,
засыпая, ты сложишь устало.

Ты заснёшь и пробудишься вновь,
чуть стыдясь наготы и бледнея.
Будет длинная-длинная-длинная ночь.
Ночь, которая жизни длиннее.

ПЕРЕЕЗД

По лестницам взбираются рояли,
серванты и, кряхтя как старики,
ползут шкафы, что много лет стояли
в каморках, подпирая потолки.
Комод разбитый лестницу утюжит.
Грузнеют понемногу этажи.
И в новые квартиры вносят ту же
потертую, потрепанную жизнь...

Мигают звезды в далях заоконных.
Все в доме спят и видят чудеса.
И раздувает ветер на балконах
подштанников тугие паруса.

МАРСИЙ

Не лезь из кожи, Моцарт козлоногий, —
и гениям положен свой предел.
Ты знаешь, чем одаривают боги
тех, кто тягаться с ними захотел.

Дрожит рука. И пальцы, как медузы,
скользят, не попадая на лады.
Сигнала ждут подкупленные Музы.
Наяды в страхе жмутся у воды.

Играй, флейтист, — не облажайся сдуру,
оттягивай последний свой поклон.
Играй, пока с тебя не спустит шкуру
зевающий от скуки Аполлон.

Ты будешь биться и визжать, как заяц,
забрызгав кровью руки палача...
Но — всё-таки — ты видел, видел за-
висть,
блеснувшую в божественных очах.

В небо воспалённое кричу.
Роюсь в остывающей золе.
Кто посмел придумать эту чушь
о грядущем рае на земле?

Раскалились, яростно кружа,
стрелки в обезумевших часах.
Что тебе мерещится, душа,
в необетованных небесах?

Вот мой посох. Вот моя сума.
И судьба, сошедшая с ума.
Злая кровь. Дремучая тоска.
Голубая жилка у виска...

Давай не будем умирать —
совсем и никогда.
Ещё стихам тесна тетрадь
и Муза молода.
Ещё на каждый твой вопрос
есть у меня ответ.
И сладко лгать, что жизнь — всерьёз,
а смерти — вовсе нет.
И что камня собирать
не подошла пора...

Давай не будем умирать —
хотя бы до утра...

Ахилл быстроног. Черепаха тупа и ленива.
Но жизнь наобум раздает призовые места.
Всё как-то не так — то не к месту,
то косо, то криво.
И где эта чёртова финишная черта?

Иные отбегались... Мир их забытому праху.
В анналах о них не осталось, увы, ничего...
Ахилл никогда не догонит свою черепаху,
как я никогда не настигну себя самого.

Над поверженным злом торжествуя,
так легко в упоеньи слепом
заступить за черту роковую,
где добро обращается злом.

И с тупым постоянством закона
повторяется всё под луной.
И герой, победивший дракона,
обрастает его чешуёй.

Между тобой и мной
нет расстоянья.
Ближе, чем я и ты,
только лишь ты и я.
Ты снизошла с небес,
как воздаянье,
в оторопь моего
скудного бытия.

Тёмная высь поёт
ангелов голосами.
Не чересчур ли жизнь
милостива со мной?
Чем расплачусь теперь
я с небесами?
Кровью своей? Душой?
Жизнью самой?

Я бы сказал тебе,
что без тебя сдохну,
если б имела смысл
слов шелуха,
если бы из груди
не уходил воздух,
если бы не пере...
хватывало дыха...

Вода огонь в себе таит,
как ангелы — чертей.
И жизнь большая состоит
из маленьких смертей.

Снедая дух, пирует плоть.
Слепы поводыри.
И бьётся запёртый Господь
у каждого внутри.

Последние стаи летят.
Деревья стоят сиротливо.
Что ищет в тумане твой взгляд?
Меж туч голубого разрыва.

Бильём порыжелым шурша,
ветра пустыри отпевают.
О чём загрустила душа?
А кто её, глупую, знает.

О птицах, кричащих навзрыд.
О том, что с пустеющих веток
листва всё летит и летит,
как старая, рваная ветошь.

О том, что в саду городском
тебе отменили свиданья.
О чём-то щемящем таком,
чему не бывает названья.

О том, что к ветвям не пришьёшь
листву, улетевшую в Лету.
О том, что живёшь и живёшь,
а счастья всё нету и нету.

Свободы нет. Искать её — нелепо
и в горней вышине, и на земле.
Душа у тела и земля у неба,
и жизнь у смерти — в вечной кабале.

И мы с тобой повязаны так прочно,
что разорвать нельзя ни узелка.
Свободы нет. На этом свете — точно.
Ну а на том я не бывал пока.

Но если смысла нет, зачем всё это,
к чему дурацкий этот балаган
с весьма невразумительным либретто
и шрамами от настоящих ран,
без громко рукоплещущего зала,
без грима пониманья на лице,
но с ожиданьем полного провала
и смертью обязательной в конце...

В этой жизни злой и бестолковой,
где душою помыкает плоть,
я не сделал ничего такого,
чтобы осудил меня Господь.

Только память не дает покоя,
норовит больнее уколоть:
«Ну а что ты совершил такое,
чтобы полюбил тебя Господь?..»

АЛЕКСАНДР ПЕШКОВ

Ночные журавли

(главы из романа)

Узелки на память

(глава первая)

1

ПЕШКОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

родился в 1959 году в селе Тальменка Алтайского края. Окончил Новосибирский инженерно-строительный институт. Печатался в литературно-художественном журнале «Алтай». Автор нескольких книг прозы. Книга «Таежная вечерня» вышла в рамках краевого издательского конкурса (2012). В 2015 году Пешков вновь становится лауреатом краевого конкурса на издание литературных произведений в номинации «Проза». Автор предложил на суд конкурсной комиссии повести «Зеленая юрта», «Привал» и роман «Ночные журавли».

Поздним озимым восходом появился мальчик в бескрайней Сибири. В неделю отроду была кромешная метель — стенка на стенку, — сотрясающая бревна сельского роддома.

Белым филином ухал ветер над трубой. Надсадно гудели печи. Чертыхался огонь, пуская угарные змейки из поддувала. Младенец вздрагивал и отворачивался от плененного снегом окна.

Иногда, под вечер, приподнималось розовое веко облака над воспаленным солнечным глазом. Поземка хлопала калиткой и взбивала подушки заснеженных стожков.

На черном небе обнажалась луна, как материнская грудь, сцеживая в морозно-звенящую чашу долины голубоватое ненужное молочко.

Всю ночь дрожали стекла от нахрапа пурги. Она приходила со степного края вновь и вновь — долгая, одичавшая, на сотни верст не встречавшая себе преград.

А утром подпирал дверь с крыльца большой захрясший сугроб. За лесом проглядывал тусклый рассвет, посеребрив снежные колеи дороги.

Ребенок приоткрывал мутные глазки, не узнавая ничего, кроме воя пурги. И она по-своему пеленала квелога мальчика: он дышал воспаленной грудью все туже, и все неохотнее выбирался из млечного забытья.

Лицо на подушке, словно утренняя луна, лишняя, ненужная, угасающая.

Рисунок
Александра
Карпова

Мать путала день с ночью; какие-то люди наспех стряхивали в коридоре снег; и все ближе подпускали к сыну ледяные пальцы воровки-метели. Врачи боролись еще несколько дней, а потом уж и в город везти было поздно...

В тумане слез обезумевшей женщины возникла икона — божьи соты — золотой мед капал в больничный таз с синим номером на боку. В запахе, на голой груди, теплая бутыл: «Святая вода, дочка! Из города привезла!» (Намаялась в поезде не меньше, чем с поросенком-оторвышем в мешке.)

Растерянно стояла молоденькая врач, рассып мелкий родинки по лицу, словно коричневые созвездия: «Делайте это быстрее! Не дай Бог, узнают...» Мать всем мешала, оглошшая от горя: «Не слышу его, что с ним? Почему он молчит?..»

За дверью с белой занавеской чужие люди склонились над желтой огненной сердцевинкой, распеленав мальчика, словно оборвав лепестки ромашки. «Вы-то согласны? — всплыло путеводное лицо. — Говорите!» Зачем спрашивать, если это последнее, что может спасти сына: «Дайте мне его! Отдайте! Он жив?!» Врач тронула пальцем воду в тазу: «Жив, жив, не кричите! Тут он...»

Младенца раскроили на четыре куска влажным крестом — с перекладиной в солнечном сплетении.

2

О своем крещении я узнал от матери, и вовсе не проникся ее давним испугом. Наоборот, понял, отчего так люблю ощущение метели, небесной мглы, покрывающей землю.

С детства не мог усидеть дома, когда пурга кидала в окно белые комья, дышала ледяной испариной и звала помериться силами. И я выходил к ней навстречу, желая найти общий язык, и место в ее снежном строю!

Метель приносила далекие запахи, подхваченные на земле: дым березовых дров из трубы бабушкиного дома; сладковатую затхлость пуха камышей с замерзших лесных болот; хлебную горечь сосновой коры. В бледных ее просветах чудились мне фонари полустанков из маминой юности, блеск золотых куполов Потсдамской церкви... Метель развеяла множество преград на пути моего рождения: приговор врачей и неверный проигрыш тюремных карт.

С той поры я не верю в любую предрешенность.

Даже святая вода, окропившая над больничным тазом, казалась уже давно высохшей. И все же, в глубине души, чувствовал, что этим крещением я связан с каким-то долгом.

3

На бабушкином комодке лежал носовой платок, с узелком на уголке. Иногда, в праздничные дни, узелков было два или больше.

Еще на комодке стояла икона, покрытая синим бархатом. Помню, я трогал пальцами мягкую ткань, вышитую крупными серебряными нитками. Никто не спрашивал: откуда она и кто ее вышивал? Просто хранилась до времени. Даже рисунок не разглядели.

По праздникам бабушка надевала белый платок и крестилась на икону, словно разрывала на лице паутину. А вышивку расправляла изнанкой наружу.

Серебряные узелки казались мне похожими на созвездия в темном небе! Не знаю, странно ли это, но обычные ночные звезды я увидел позже, уже держа в памяти синюю вышивку.

В душе осталось ощущение изнанки небес!

Раннее детство невозможно описать изнутри — как оно собственно было. И чем глубже я помню, тем, может, более незаконно вторгаюсь кладоискателем — с истёртым клочком памяти, очерчивая кружки выхода сознания из младенческой тьмы и ставя крестики по следам ярких событий.

Первой засечкой на пути осознания себя был куст перед крыльцом нашего дома. Видимо, я держался рукой за гибкие ветви, потому что запомнил острый смородиновый запах.

Вот я оказываюсь на краю большого поля.

И новое чувство — держу на плечах что-то тяжелое и гнетущее. Я расставил шире ноги, отпихнув комок земли, и пригнул голову. Но услышал голос мамы, и будто ухватился за свою тень на земле. А когда осмелился поднять глаза: этим тягостным и давящим оказалось громадное небо! С осенними тучами, с голубыми провалами и солнечными брешами.

С трех сторон ватное небо было подоткнуто, словно младенец в кровати, синим лесом.

Поле уходило от меня куда-то далеко.

Слышался звук падающей в ведро картошки. Я вспомнил его после, когда слышал крики обычных журавлей. А в тот день я не знал еще, что журавли — птицы; долгое время я думал, что они — такой небесный звук, подобно грому или ветру. Откуда это взялось? Видимо, из наследственной песенной памяти.

Пустое ведро — звонко, жалобно и захлébисто; полное — глухо, утробно и прощально. Наохлившиеся мешки, разбросанные по картофельному полю — комочками стаи в сизую даль, где земля и небо уже сливались, утомив детский взор...

Журавли унесли меня опять в счастливое беспмятство. Но оказалось, что тот день, когда я впервые хлебнул бездонного неба, сохранился в памяти, став «нулевым» в моей жизни.

Следующий мой выход оказался смелее.

Мама вела меня из яслей, с трудом выбирая дорогу в грязи деревенской улицы. «Ла вучки!» — просил я. «На ручки? Опять?.. Тяжелый ты уж стал!» Передвигать ногами было мучительно, я шел, настроившись терпеть, пока не услышал знакомые слова: «На руках носить?»

Мама остановилась и повторила: мол, а ты будешь меня, старенькую, на руках носить?

И вот я впервые узнал свой голос: не робкий и не напризный, но, как сохранила память, доверительный.

— Мам, а я не видел, чтобы старух на руках носили...

Удивительно ясно! Будто кто-то другой сказал за моим плечом. Оказывается, я знал, что «старухи» бывают неприятны. Позже мама уверяла, что за нами шел мужчина, и «со смеху чуть не упал!» Только пересказывала уже в своей манере: с удивлением и даже заносчивостью. (Впоследствии, я часто замечал в своем голосе те самые интонации.)

В ее удивлении неизвестный мужчина занимал много места. Это привело к смутной догадке, что кроме мамы у меня должен быть еще кто-то...

Чарли и космос

(глава десятая)

1

Первые школьные месяцы показались мне безотрадными: жизнь поделилась резко и непонятно.

А чтобы детство было счастливым — оно должно быть непрерывным!

Новенькая форма — белая рубашка и серый костюмчик — придавала бодрости, но стесняла движения. На металлических пуговицах сверкали солнечные чертики!

Со мной рядом стоял мальчик в поношенной форме, сидевшей на нем, будто на бывалом солдате. Позже он рассказал, что носил форму все лето — так хотел в школу!

Девочки были в фартуках и бантах, словно белые гладиолусы-коротыши.

Нас собрали в тенистом дворе.

Солнечные лучи пробивались сквозь листву, прилизывая ладонями стриженные головы новобранцев. Мы взялись за руки, как при игре в «ручеек», и пошли, нестройно топя под музыку. На высоких ступенях оборачивались, и мамы кивали, растерянно улыбаясь. Часть жизни отошла куда-то в сторону, под тень старых лип.

В классе пахло олифой и бумажным клеем. На стенах висели портреты, похожие на родственников. Бородатые, чуть скорбные лица в раздумье: сколько приобретешь от знаний, столько и упустишь от жизни.

Толстый слой краски на партах не скрывал прежних царапин и чьей-то досады.

Чернильница-непроливайка то и дело скользила по наклонной доске. Новое перо стучало о стеклянное дно. А жирная капля на матовом острие с бороздкой дрыгалась, как лягушка в клюве цапли.

Особый трепет вызвала нежно-шершавая промокашка!

С первых уроков стало понятно, что взялись мы за что-то большое, долгое и навязчивое.

Ряды палочек, овалов, закорючек, все это быстро смешалось на линованном поле тетради, словно шелуха от семечек, которую хотелось поскорее смахнуть прочь!

Голос учительницы слышался в другом конце класса, а рыжая девочка-соседка закрывала ладонью свою тетрадь.

В теплые сентябрьские дни за окном манило солнце. Подобных каракуль было много в саду: сухие веточки в траве, неряшливые кусты фиолетовых астр с желтыми подпалинами. Даже грязно-серые облака мутно расплывались на небе, будто проступившие сквозь промокашку чернильные пятна.

Иногда учительница останавливалась возле моей парты, опираясь руками на доску. Меня удивляло то, что Тамара Максимовна считала глупые закорючки таким важным делом. Она была красива, как все первые учительницы. Длинные имя и отчество ученики произносили старательно, почти филигранно, как витиеватую надпись на переходящем кубке.

2

На длинных переменах мы гуляли в саду.

Девочки вытянули котенка из подвального окна и гладили наперебой. Рыжая девочка прижала ко-

тенка к щеке, и он играл лапкой с ее пушистыми волосками.

Мальчишки сидели на лавках, шоркая ногами землю. Пацан в поношенной форме предложил:

— Давай играть в кулачки!

Он протянул сжатые ладони:

— Бей!.. Если я увернусь, то буду бить в ответ.

К концу перемены на костяшках у нас горели красные пятна.

— Я всех победил!

Пацана прозвали Кулачком.

Помню, вечером детей забирали домой, спрашивая про школу. И одна мамаша громко учила сына:

— А ты скажи ему в следующий раз: я в азартные игры не играю!..

Домой я приходил, но не возвращался. Вовик скучал без меня; в ящике на окне тетя Галя выращивала укроп «для зрения», а я видел в тощих всходах с завитушками и шишечками свои первые букочки! У нас разладилась игра в парикмахерской: перестали угадывать движение пальцев под простыней.

Крыши сараев уже не манили так, я стал неловким, часто поскользываясь на лужах, как на кляксах. Даже царапины на любимых пластинках напоминали мне о кривых палочках в тетради.

В октябре пошли дожди, косые струйки чертились на стеклах. Я пристраивал дрожащие букочки к кривой линейке в тетради, будто чучела на проволочный каркас. Особо растрепанно получались длинные «ж» или «ш».

Школа завела пружину взросления. Появилось новое чувство: надо успевать, иначе «отстанешь!»

Задания на дом не сразу стали ежедневной привычкой. У меня вообще не было сформировано такое понятие. Все каждодневное давалось трудно. Все непонятное я просто хранил в себе — до поры, до времени, потому что привык обходиться без чужой помощи.

И вот однажды учительница принесла в класс фильмоскоп и слайды с кадрами из фильма:

— Смотрите, это — ваши буквы!

На экране застыло грустное лицо — как чернильная капля, разлетевшаяся на несколько пятен: кудрявые волосы, темные глаза, маленькие усики! Смешной человек изображал наши буквы, и мы, смеясь, узнавали их: то вытягивал ногу, в руке тонкая трость, то снимал котелок в жеманном поклоне. Человек-буковка кривлялся на фоне красивых домов, стеклянных дверей, корзин с цветами и пальмами, похожими на салфетки в стакане.

Занятия превратились в игру!

Прошла обида на «кривых бродяг», мои букочки шли до красной черты походкой Чаплина!

3

После уроков несколько учеников оставались в группе продленного дня.

Помню, шел дождь, меня сморило после обеда, по детсадовской привычке. Я сдвинул стулья и прилег, подняв воротничок, как маленький бродяга. «Пойдешь спать в изолятор?» Нянечка отвела меня в сумрачное помещение, с кроватями похожими на белые носилки. На одной из них сидела моя рыжая соседка по парте. Она смутилась, ерзая и расправляя подол белой гофрированной юбки, похожей на снежинку из салфетки. Подобные снежинки

на праздник вырезали ножницами, выстригая на сгибах разные причудливые дырочки.

Девочку звали Ира:

— Он подглядывает за мной!..

Можно сказать, что я впервые столкнулся с ощущением женственности.

Нянечка сказала, что «у нас лежат только больные дети!» С того дня Ира заходила в изолятор первой, раздевалась и звала мальчишек: «Идите!.. Долго еще? — Или вовсе капризно: — Только не сопеть раньше времени!..»

Рисунок
Александра
Карпова

На уроках Ира писала лучше; а закончив, складывала руки на парту и замирала, чтобы привлечь внимание учительницы. Или поднимала руку с кошачьими царапинами. Наши мамы сдружились первыми, и забирали из школы по очереди. Прохожие часто спрашивали, глядя на нас: «Двойняшки?!» И умилялись тому, как мы держимся за руки.

По дороге домой мы шли мимо палисадника, огороженного спинками от кроватей, с железными пру-

тьями и витиеватыми набалдашниками. Я подходил к ним походкой Чарли и дергал, вихляя спиной: мол, трость застряла!

Во дворах зияли дыры открытых погребов, и так хотелось пройтись по краю, как в смешном кино. В траве лежали кучи новой картошки, пахнувшей речным песком и деревней. Сушились старые пальто, которыми укрывают погреб в морозы. А я представлял себе, как маленький бродяга примеряет рваное пальто без пуговиц; затем снимает с веревок прищепки, превращая их в смешных деревянных кузнечиков, прыгающих на груди...

4

На уроке чтения наш класс превращался в птичий базар! «Ма-ма мы-ла ра-му». Я не мог произнести «ма-ма» одним словом! Этот звук с младенчества был цельным, и когда его разделили — то будто вынули душу! Я спотыкался об тире, карябая ногтем в букваре: «Ма-ма мы-ла ра-му». Звук «ры» накладывался на звук «ра», вытесняя его.

Еще долго не мог я понять нужности школьного обучения, и просто терпел.

Легче давалась арифметика. В сложении и вычитании почувствовался дух свободы! Каким-то образом, я уже мог вычитать прекрасные годы маминой юности из последующей жизни, и складывать испытания, которые выпали ей.

Помню, каким горем стали для меня первые оценки! Тетрадь была изранена красными чернилами: «двойка» шипела ядовитой змеей, «тройка» была не в меру задумчивой и шаткой, «четверка» — жесткая и дощатая, как скворечник, ну а пятерка — словно цветок на камнях.

А в школе все менялось с каждым днем.

Однажды я заглянул в тетрадь своего приятеля Кулачка и поразился красивым ровным буквам! Похожи на его крепкую фигуру.

Учительница выделяла только тех учеников, которые успевают. Или кто хулиганит.

Мальчишки тех лет болели космонавтикой.

Мы с Кулачком придумали игру: бегать зимой без пальто и шапки в столовую, сравнивая свои ощущения с полетом на орбиту.

— Мальчики, оденьтесь! — неслоь за нами, как обратный отсчет на старте корабля.

Щипало уши, а мы передавали на Землю, учительнице: «Бортовые системы работают нормально!» Поскальзываясь на дорожке и удерживая друг друга, перекикивали ледяной скрип летних подошв: «Корабль избежал столкновения с кометой!» Мороз лез под мышки — хлопали себя по бокам: «Перехожу на особый режим! Беру управление кораблем!» Что за режим — не важно, просто галактический бродяга летел в тонком пиджачке с тростью и строил в иллюминаторе грустные рожицы беспечным кометам.

Уже позже я посмотрел «Огни большого города». Моя первая учительница была похожа на цветочницу из фильма. Тот же странный взгляд: снизу вверх, минуя глаза ребенка; те же хлопотливые руки. Светло-русые волосы с завитушками на кончиках, как у тех изящных букв, что писала она для примера!

Думаю, с ее уроков ко мне пришло убеждение, что художественная проза создается на тех же принципах, что и немое кино! Должно быть много музыки, жестов и воздуха, а диалоги — на темном фоне светлыми словами. ◀

А Л Е К С А Н Д Р А М А Л Ы Г И Н А

МАЛЫГИНА АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА

Окончила филфак АлтГУ.
Посещала литературные
студии Елены Бурмейстер
и Валерия Котеленца.
Печаталась в журналах
«День и Ночь», «Огни Кузбасса»,
«Барнаул», «Встреча» и других.
Автор книги стихотворений
«Музына чернил».

Мы ничего не знаем наперед,
Но, если где-то есть познания древо,
Когда на нем созреет первый плод,—
Найдутся тут же и Адам, и Ева.

* * *

Диме Агаркову

Как не вовремя выросли горы...
Обстоятельствами разлуки
Небо дышит сквозь звездные поры.
Отними от лица руки,
Я по-прежнему рядом, милый,
Утром глянешь на мир иначе:
От меня к тебе белогривый
Конь по синему небу скачет.

* * *

Диме Агаркову

Здесь столько неба, что в окно
Оно не может поместиться.
В попытках это описать,
Летает ручка по страницам.
Неспешно время, как верблюду,
Плывет в потоках голубого,
И все теряет четкий смысл.
Здесь неба хватит для любого,
Но всякий раз, по вечерам,
Когда домой бреду устало,
Мне так недостает тебя
Под этим синим покрывалом.

* * *

Кормлю стихи с ладони, боюсь спугнуть.
Ловить их не по мне — не по плечу ноша:
Над бумагою спину до смерти гнуть.
Лучше брошу ещё им сердечных крошек —
пусть едят, насыщаются, пусть растут,
пусть к другим не бегают за подкормкой...
Без меня их изловят и издадут —
в беломясых книгах —
пылить на полках.

* * *

Диме Агаркову

Митенька, милый, меня ненавидят друзья,
Казалось, спокойнее стало, но ни на грош.
И на дни рожденья меня приглашать нельзя,
У меня ж все рассказы о том, как ты был хорош.
Не помню, когда я стелила себе постель?
Твой спальник роднее любых простыней, подушек.
Перед сном обнимаю наших котов-детей,
Тебя не могу, а больше никто не нужен.
Ты не грусти там, недолго осталось ждать:
Время придёт, я дорогу к тебе отыщу,
Буду тебя целовать, целовать, целовать,
И никогда-никогда больше не отпущу.

**Константин
Маковский. Портрет
М.А. Бутиной. 1890
годы. Холст, масло.**
Поступление
в ГХМАК в 1959 году.
Фото предоставлено
ГХМАК

МАКОВСКИЙ КОНСТАНТИН ЕГОРОВИЧ

1839, Москва — 1915, Санкт-Петербург. Живописец, график. Портретист, жанрист, исторический живописец, пейзажист, иллюстратор. Сын Е.И. Маковского, брат художников Александры, Владимира и Николая Маковских. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ) (1851–1858) у Михаила Скотти и Сергея Заряно, в Императорской Академии художеств (ИАХ) (1858–1863) у Алексея Маркова, Федора Бруни, Петра Шамшина. В 1863 в числе четырнадцати «протестантов» вышел из ИАХ со званием классного художника 2-й степени. Член Артели художников (1863). Академик (1867). Профессор (1869). Действительный член ИАХ (1898). До 1858 жил в Москве, затем в Санкт-Петербурге, с середины 1880-х — в основном в Париже. Неоднократно, начиная с 1870-х, путешествовал по странам Европы, побывал в Египте (1872–1874, 1876), на Ближнем Востоке (1876), в США (1901).

БУТИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

урожденная Шепетковская (около 1855, Красноярск — 1933, Ленинград),
жена богатого нерчинского золотопромышленника Михаила Дмитриевича Бутина (1835–1907).

Государственный художественный музей Алтайского края и журнал «Культура Алтайского края» в 2015 году знакомят читателей с лучшими произведениями русского искусства XIX века из собрания музея.

**Хотите знать
о картине больше?**

- 1.** С телефона на платформе ANDROID или IOS зайдите в GOOGLE PLAY.
- 2.** Выберите и установите программу SMART MUSEUM.
- 3.** Запустите программу, наведите телефон на код.
- 4.** Получайте информацию в виде фото, текстов, аудио- и видеофайлов.